

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Уфимский федеральный исследовательский центр
Российской академии наук

На правах рукописи

Камалетдинов Далмир Азгарович

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
В 1979–2021 гг.**

Специальность: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Сафин Фаиль Габдуллович

Уфа – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В 1979–2021 ГГ.	39
§ 1.1. Трансформация этносоциальной структуры населения республики в 1979–2010 гг.	39
§ 1.2. Синхронный срез этносоциальной стратификации в Башкортостане на современном этапе.....	60
ГЛАВА 2. АДАПТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП К УСЛОВИЯМ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ИХ ТРУДОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ.....	79
§ 2.1. Социальные позиции этнических групп в Башкортостане в условиях функционирования рыночной экономики.....	79
§ 2.2. Трудовые ориентации населения Башкортостана как фактор адаптации и интеграции в рыночные отношения.....	100
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В БАШКОРТОСТАНЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	119
§ 3.1. Самооценка социального самочувствия этнических групп в диахронном срезе.....	119
§ 3.2. Перспективы социального благополучия этнических групп в контексте этносоциальной дифференциации в Башкортостане.....	137
ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В БАШКОРТОСТАНЕ.....	154
§ 4.1. Материальное положение этнических групп в их самооценках в Башкортостане.....	154
§ 4.2. Удовлетворенность этнических групп социальными благами в республике.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	194
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования заключается в том, что социальные проблемы во все времена составляли основу стабильности любого общества. В этом смысле особое значение социальные процессы приобретают в многонациональных регионах и особенно в переходные периоды из одной общественно-экономической формации в другую. Распад Советского Союза и связанные с ним потрясения внесли коренные изменения в сложившуюся систему социально-экономических отношений в российском обществе. Переход к рыночной экономике полностью изменил социальную структуру, которая сложилась в советский период, и дал толчок формированию новых классов и социальных слоев в российском обществе. Многонациональный состав населения Российской Федерации в определенной степени внес свои коррективы в данный процесс, поскольку в национальных республиках имелись свои особенности. Сложившаяся в советский период социальная структура этнических групп инерционно сохраняла национальные традиции в хозяйственном укладе и быте народов, проживающих в полиэтнических республиках.

Актуальность данной темы также диктуется теми изменениями, которые произошли в результате формирования рыночных отношений, связанными с процессом суверенизации национальных республик, привнесшим исключительные возможности доступа к власти и экономическим ресурсам представителям титульной нации, что стало камнем преткновения между этническими группами, проживающими в этих республиках. Сложившаяся ситуация в республиках понимается и трактуется разными этническими группами по-разному. Представители титульной национальности выступают за создание условий наибольшего благоприятствования в интересах своей нации, но в то же время представители других этнических групп, особенно русской, отстаивали принцип социальной справедливости по советскому образцу. В этом отношении основным водораздел в доступе к материальным ресурсам и власти проходил между представителями титульного этноса и русским населением, что подтверждается

выводами ряда исследователей, которые утверждают, что «в итоге противоречия между русскими и нерусскими занимают второе по остроте место после отношений между богатыми и бедными»¹. Вместе с тем, «основные тенденции трансформации социальной структуры до сих пор вели к углублению конфликтности по поводу воспринимаемого социального неравенства»².

В данном контексте среди национальных регионов страны особое место занимает Республика Башкортостан, в которой по данным переписи 2010 г. проживает более 130 национальностей. Башкортостан в Российской Федерации единственный регион, в котором каждая из трех национальностей – русские, башкиры и татары имеет численность более 1 млн человек. Наряду с ними в республике компактно проживают марийцы и чуваша, численность которых превышает более 100 тыс. чел. Этническое многообразие республики, в свою очередь, придает этносоциальным процессам особый колорит и в то же время сложность для решения социально-экономических проблем. В условиях рыночной экономики актуальными становятся вопросы, связанные с адаптацией этнических групп к новым реалиям. Закрытие многих промышленных предприятий, распад колхозов и совхозов полностью изменили трудовые ориентации и социальные позиции населения в условиях рыночных отношений. Сложившаяся этносоциальная дифференциация населения и ухудшение его социального самочувствия в таком полиэтничном российском регионе, как Башкортостан, актуализируют необходимость научного осмысления происходящих процессов в социальной сфере. Данное исследование этносоциальных процессов в Башкортостане носит междисциплинарный характер. Наряду с социальными проблемами, оно представляет прежде всего этнологическую направленность, так как в нем раскрываются тенденции развития социальных процессов среди этнических групп, проживающих в республике. Этнологический аспект социальных проблем в российском обществе, связанный с межэтническими отношениями и новой

¹ Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижнева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М., 2011. С. 22.

² Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижнева. М., 2002. С. 5.

Стратегией национальной политики в Российской Федерации³, в последние годы приобрел новое звучание и особую актуальность. Все эти факторы подтолкнули к выбору данной темы диссертационного исследования.

Объектом исследования выступают этносоциальные процессы в Республике Башкортостан, проявляющиеся в трансформационный период российского общества.

Предмет исследования – этносоциальные процессы в Республике Башкортостан на современном этапе в сравнительном аспекте с поздним советским периодом, в рамках которых происходит формирование новой социальной структуры населения и его адаптация к изменившимся условиям рыночной экономики, а также этносоциальная стратификация и социальное самочувствие этнических групп.

Хронологические рамки исследования обозначены концом 70-х гг. XX века и началом третьего десятилетия XXI века. Выбор таких хронологических рамок продиктован необходимостью сравнительного анализа этносоциальной структуры многонационального региона по данным последних двух Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг., Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также проведенных этносоциологических исследований в республике в 1993–2021 гг.

Территориальные рамки исследования ограничены Республикой Башкортостан, в которой протекают этносоциальные процессы среди многонационального населения в пределах одноименного региона.

Степень научной разработанности проблемы. За многие годы активного изучения этносоциальных процессов в отечественной исторической и социологической науке сложилась методология исследования этих процессов, включающая концептуальные подходы и методы их изучения в полиэтничных регионах Российской Федерации. Исследование данной проблематики

³ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2022. № 52. Ст. 7477.

предполагает, как рассмотрение различных аспектов проявления этничности в современных общественно-политических и социально-экономических процессах, так и изучение социальной структуры российского общества, факторов ее динамики и трендов развития. Поэтому выявить специфику протекания этносоциальных процессов в Республике Башкортостан без активного привлечения трудов предшественников и опоры на них практически невозможно. В основу историографического обзора положен тематико-хронологический принцип.

Теоретические основы исследования этноса и этнических процессов, методология прикладных историко-этнологических исследований, важнейшие проблемы отечественной этнологии были разработаны в научных трудах С. Н. Абашина, Р. Г. Абдулатипова, С. А. Арутюнова, Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, Г. А. Комаровой, Р. Г. Кузеева, В. В. Пименова, Ю. И. Семенова, В. А. Тишкова, С. Н. Чешко, В. А. Шнирельмана и др.⁴

⁴ *Абашин С. Н.* Статистика как инструмент этнографического исследования (узбекская семья в ХХ в.) // *Этнографическое обозрение*. 1999. № 1. С. 3–16; *Его же.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007. 304 с.; *Абдулатипов Р. Г.* Человек, нация, общество. М., 1991. 224 с.; *Его же.* Обустройство российской нации как национальная идея России в ХХI веке // *Вестник Российской нации*. 2008. № 2 (2). 168–173; *Арутюнов С. А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. 247 с.; *Его же.* Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012. 416 с. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. 412 с.; *Его же.* Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988. 207 с.; *Губогло М. Н.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 5. С. 110–124; *Его же.* Антропология повседневности. М., 2013. 783 с.; *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 с. *Ее же.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // *Социологический журнал*. 2006. № 3-4. С. 89–101; *Комарова Г. А.* Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этносоциологии и этнографии. М., 2012. 207 с.; *Его же.* Сила антропологического подхода // *Антропологический форум*. 2012. № 17. С. 267–302; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. 572 с.; *Его же.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 347 с.; *Статистика в этнографии* / Отв. ред. В. В. Пименов. М., 1985. 189 с.; *Семенов Ю. И.* Теоретические проблемы «экономической антропологии» // *Этнологические исследования за рубежом* / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1973. С. 30–76; *Его же.* Этнос, нация, диаспора // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 64–74; *Тишков В. А.* Антропология российских трансформаций // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 1. С. 3–19; *Его же.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Исследователи еще в советское время (1960-е – 1970-е гг.) уделяли значительное внимание вопросам этносоциального развития страны и ее регионов (союзных и автономных республик). Ученые, стоявшие у истоков создания отечественной этносоциологической школы, справедливо отмечали, что «эффективное управление социальными процессами в таком государстве, как СССР, невозможно без учета национальных особенностей»⁵. Первые научные разработки отражали актуальные исторические процессы, происходящие в человеческом обществе. В центре внимания находились следующие узловые проблемы: социально-профессиональный состав наций и народностей, социальная мобильность народов Советского Союза, культурное развитие социальных групп в этническом разрезе, национальные особенности семейно-бытовых отношений, межличностные национальные отношения⁶.

Реформировании советского общества и государства в период реализации политики перестройки (1985–1991 гг.) внесло кардинальные изменения в повседневную жизнь населения. Распад СССР и последовавшие за ним структурные преобразования привели к трансформации социально-профессиональной структуры общества, его заметному расслоению и усилению социально-экономического неравенства. Существенный вклад в развитие фундаментальных и прикладных исследований в области этносоциальных процессов внесли ученые, разработавшие методологический инструментарий для изучения данной проблематики. Здесь

544 с.; Чешко С. Н. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 2000. 395 с.; *Его же*. Вспомнить об этносе? / С. Н. Чешко // Вестник антропологии. 2014. № 2 (28). С. 20–25 и др.

⁵ Арутюнян Ю. В., Дробижнева Л. М. Этносоциологические исследования в СССР // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 60.

⁶ Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций // История СССР. 1972. № 4. С. 3–20; Бойко В. И. Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. М., 1973. 209 с.; Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Ю. В. Арутюнян [отв. ред.], Л. М. Дробижнева, О. И. Шкаратан. М., 1973. 331 с.; Касперович Г. И. Миграция сельского населения в города и этнические процессы. Минск, 1975. 149 с.; Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии / под ред. В. К. Бондарчика. Минск, 1976. 111 с.; Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей: сб. статей / Отв. ред. М. С. Джунусов. М., 1977. 167 с.; Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей: сб. статей / Отв. ред. М. С. Джунусов. М., 1978. 198 с.; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР) / Ю. В. Арутюнян [отв. ред.], Л. М. Дробижнева, В. С. Зеленчук. М., 1980. 270 с. и др.

следует отметить теоретические и обобщающие работы Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, И. Д. Ковальченко, С. С. Савоскула⁷.

Радикальные социальные изменения, произошедшие в стране на рубеже 1980-х – 1990-х гг., стали предметом специального изучения в трудах отечественных историков, социологов и политологов: Н. А. Аитова, С. И. Аккиевой, Л. А. Беляевой, З. Т. Голенковой, Л. А. Гордона, В. В. Радаева, М. Н. Руткевич, Н. Е. Тихоновой, М. Ф. Черныш, О. И. Шкаратана и др.⁸

Теоретическим разработкам социальной трансформации российского общества посвящены работы М. К. Горшкова, В. Н. Иванова, В. Л. Иноземцева, А.

⁷ Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования / Отв. ред. Ю. В. Арутюнян, И. Д. Ковальченко. М., 1984. 255 с.; Русские: этносоциологические очерки / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М., 1992. 461 с.; *Его же*. Постсоветские нации. М., 1999. 207 с.; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Суколов А. А. Этносоциология. М., 1999. 272 с.; Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М., 1987. 333 с.; Губогло М. Н. Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. 448 с.; *Его же*. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки М., 2003. 763 с.; Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 1998. 385 с.; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2002. 480 с.; Савоскул С. С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001. 437 с.

⁸ Аитов Н. А. Социальная структура населения стран СНГ. Уфа, 1995. 184 с.; Аккиева С. И. Социокультурные трансформации депортированных народов Северного Кавказа в 1940 – 1990-е годы. Нальчик, 2019. 128 с.; Беляева Л. А. Трансформация социальной структуры российского общества / Динамика ценностей населения трансформируемой России / Отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 1996. С. 81–131; *Ее же*. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997. 173 с.; *Ее же*. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001. 183 с.; Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1998. 481 с.; Социальное расслоение и социальная мобильность / Под ред. З. Т. Голенковой. М., 1999. 192 с.; Социальная стратификация российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 2003. 368 с.; Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. В 2-х т. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М., 2001. – 512 с.; Заславская Т. И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997. 298 с.; *Ее же*. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002. 568 с.; *Ее же*. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004. 398 с.; Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1995. 237 с. Руткевич М. Н. Социальная структура. М., 2004. 272 с.; Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999. 318 с.; Черныш М. Ф. Социальная мобильность в 1986 – 1993 годах // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 130–133; 254 с.; Ф. Шкаратан О. И. Российский порядок: Вектор перемен. М., 2004. 208 с. и др.

Ю. Мельвиль, В. И. Жукова, В. В. Локосова, Г. В. Осипова, В. Я. Ядова и др.⁹ Труды А. Ю. Зудина, М. Р. Кодина, Н. И. Лапина раскрывают особенности культурной трансформации позднего советского общества (сопровождаемой модернизацией и традиционализацией ценностей), социально-политических процессов реформирования социума, идейно-нравственных ориентиров и ценностных позиций российского общества¹⁰. Современный взгляд на проблему культурных трансформаций представлен в коллективном труде под редакцией С. А. Никольского¹¹.

Принципиальное значение для настоящей диссертационной работы имеют исследования, касающиеся проблемы формирования социальной структуры, возникновения стратификации/дифференциации и проявления социального неравенства в современной России. Большой вклад в изучение данной проблемы внесли отечественные ученые социально-гуманитарного профиля: З. Т.

⁹ Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации. Мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002. М., 2003. 512 с.; Иванов В. Н. Реформы и будущее России // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 21–27; Иноземцев В. Л. Прошлое, настоящее и будущее классового общества // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2000. № 5. С. 47–60; Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. К проблеме трансформации мирового порядка в XXI веке // Философские исследования. 2001. № 3. С. 5–24; Локосов В. В. Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах. М., 2022. 552 с.; Осипов Г. В., Жуков В. И., Локосов В. В. Социология трансформаций России в меняющемся мире. М., 2005. 372 с.; Ядов В. Я. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 65–72; Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М., 2001. 640 с.; Его же. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций // Россия реформирующаяся. 2007. № 6. С. 12–23; Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

¹⁰ Зудин А. Ю. Истоки перемен: культурная трансформация «позднесоветского общества» // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 60–67; Его же. Культура советского общества: логика политической трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 59–72; Его же. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита // Мир России. Социология. Этнология. 2002. Т. 11. № 3. С. 122–158; Кодин М. И. Россия в «сумерках» трансформаций. Эволюция, революция или контрреволюция? В 2-х ч. Ч. 2. Политика. Идеология. Нравственность. М., 2001. 287 с.; Лапин Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 14–24; Его же. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2000. Т. 9. № 3. С. 3–47; Его же. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2001. 194 с.

¹¹ Культурные трансформации в современной России (социально-философский анализ) / Отв. ред. С. А. Никольский. М., 2009. 159 с

Голенкова, Ю. В. Голиусова, М. К. Горшков, В. И. Ильин, Р. В. Рывкина, М. Н. Руткевич, Н. Е. Тихонова, Ж. Н. Тощенко, М. Ф. Черныш, О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов и др.¹²

Распад Советского Союза и последовавшее за ним формирование новых национальных государств обусловили этническую трансформацию на постсоветском пространстве. К общим тенденциям этнических процессов в постсоветских странах относится рост доли титульных народов, резкое сокращение доли русских и уменьшение доли других нетитульных народов¹³.

¹² Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 2008. 287 с.; Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3 (03). С. 5–15; Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наёмный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 2015. С. 121–138; Социальное пространство российских регионов: монография / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 2017. 193 с.; Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва: монография / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М.-Кызыл, 2020. 128 с.; Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Отв. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2004. 259 с.; Ильин И. В. Социальное неравенство = Social inequality. М., 2000. 280 с.; Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р. В. Рывкина. М., 2003. 663 с. Руткевич М. Н. Социальная структура. М., 2004. 272 с.; Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003. 408 с. *Ее же*. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007. 319 с. *Ее же*. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. 408 с.; Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М., 2022. 424 с.; Тощенко Ж. Н., Харченко С. В. Социальное настроение. М., 1996. 195 с.; Тощенко Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34; *Его же*. Прекариат: от протокласса к новому классу. М., 2018. 350 с.; Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М., 2005. 254 с.; Шкаратан О. И., Ильин В. И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006. 468 с.; Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г.: Препринт WP7/2007/02. М., 2007. 92 с.; Шкаратан О. И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. Социология. Этнология. 2008. Т. 17. № 4. С. 60–89; *Его же*. Социология неравенства: теория и реальность. М., 2012. 526 с.; Нова ли новая Россия: монография / Под ред. О. И. Шкаратана, Г. А. Ястребова; научный консультант Д. Лейн. М., 2016. 400 с. *Его же*. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 2. С. 6–35.

¹³ Манаков А. Г. Данилкина Н. В. Основные тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве // Псковский регионологический журнал. 2021. № 1 (45). С. 27.

Следует отметить, что в постсоветский период более 25 млн русских фактически оказались за границей (в бывших союзных республиках). Впоследствии «исследователи стали больше уделять внимание изучению социально-экономического и этнокультурного развития русского населения, оказавшегося разделенным от основной части материнского этноса»¹⁴. Этносоциологические исследования русского населения нового зарубежья проводились научным коллективом, состоящим из ученых Института этнологии и антропологии Российской академии наук (А. И. Гинзбург, С. Л. Нестерова, Л. В. Остапенко, С. С. Савоскул, И. А. Субботина и др.)¹⁵.

Монография С. С. Савоскула отражает основные результаты комплексного исследования русских нового зарубежья, легшие в основу его докторской диссертации¹⁶. В этой работе изучено восприятие русскими своего нового гражданско-правового, социального, языкового и культурного статуса, своих идентичностей (прежде всего гражданской и этнической), а также стратегий поведения в условиях резко изменившейся этнополитической ситуации, возникшей после распада СССР и образования на его месте новых суверенных государств. Автор выделил меры влияния новой этнополитической ситуации и произошедших под ее влиянием этносоциальных изменений (в этноязыковой, этнопсихологической и прочих сферах) на социально-экономический статус русских, осуществил прогнозирование стратегий поведения русского населения в странах нового зарубежья (адаптация и интеграция в новые гражданские и культурные сообщества, эмиграция, этническая сегрегация), а также определил

¹⁴ *Алексеев С. С.* Русские Башкортостана на рубеже XX–XXI вв.: этносоциологическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. С. 7.

¹⁵ Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк / Отв. ред. *А. И. Гинзбург*. М., 1993. 101 с.; Русские в новом зарубежье: программа этносоциологических исследований / Отв. ред. *С. С. Савоскул*. М., 1994. 139 с.; Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки / Отв. ред. *А. И. Гинзбург*. М., 1995. 155 с.; Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах / Отв. ред. *С. С. Савоскул*. М., 1996. 199 с.; Русские в новом Зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / Отв. ред. *Савоскул С. С.* М., 1997. 363 с.;

¹⁶ *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001. 437 с.; *Его же.* Русские нового зарубежья: Выбор судьбы: дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2001. 438 с.

интенсивность, направления и факторы внешней миграции русского населения стран нового российского зарубежья¹⁷.

Русское население, получившее статус этнического меньшинства в постсоветской Молдавии, исследовалось в трудах И. А. Субботиной и Л. В. Остапенко, которые раскрывают основные социально-экономические и этнокультурные проблемы жизни русского населения Молдавии после обретения ею независимости (миграционное проведение, трудовая занятость, уровень жизни, социальная адаптация и мобильность, условия и масштабы включенности в рыночные структуры, межэтнические отношения в регионе и т. д.)¹⁸.

В контексте исследуемой темы представляют интерес монография «Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование)», подготовленная авторским коллективом ИЭА РАН (С. Л. Нестерова, Л. В. Остапенко, И. А. Субботина)¹⁹. Фундаментальная работа посвящена ключевым вопросам жизни русского населения Республики Молдова за прошедший 20-летний постсоветский период. Авторы проследили динамику социально-экономических, этнополитических и культурно-языковых условий, изменения в характере трудовой деятельности русских, их социальной структуре, демографическом поведении, миграционных ориентациях, социальном настроении, отношениях с мажоритарным этносом и т. п. В работе предпринята попытка анализа успешности/неуспешности адаптации русских к условиям жизни

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции. М., 1996. 38 с.; *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдавии: миграция или интеграция? М., 1997. 229 с.; *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдавии: потенциальные мигранты и стабильные жители // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 1997. С. 183–200; *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998. 229 с.; *Субботина И. А.* Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М., 1998. 248 с.; *Ее же.* Молдавия: этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 175. М., 2004. 33 с.; *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские Молдавии: этнодемографические трансформации // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 91–108; *Остапенко Л. В., Субботина И. А.* Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Социологические исследования. 2011. № 5 (325). С. 61–71.

¹⁹ *Остапенко Л. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л.* Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М., 2012. 350 с.

в суверенной Молдавии, набора их адаптивных, языковых стратегий, оценки удовлетворенности различными сторонами жизни, трансформации жизненных ценностей русских, перспектив существования местной русской диаспоры.

По мнению исследователей, «большинство русского населения Молдавии находится на нижних ступенях социальной лестницы»²⁰. Этот вывод получен исходя из оценки социального состава русских с учетом новых критериев (уровень жизни, социальные самооценки, работа в государственных и частных структурах, в том числе по найму и «на себя», участие во власти).

Вместе с тем научный интерес к социокультурным проблемам русской диаспоры в странах ближнем зарубежье проявляется и в наши дни. В коллективной монографии «Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации»²¹, подготовленной при участии Л. В. Остапенко, Р. А. Старченко, И. А. Субботиной, раскрываются основные демографические, социально-экономические и культурно-языковые характеристики современной русской городской молодежи Киргизии. Ученые проанализировали жизненные установки и социальные планы, стратегии поведения молодых людей в новых политических и социально-экономических условиях XXI века, их удовлетворенность жизнью, миграционный потенциал, вопросы языковой компетенции и языкового поведения, а также политические предпочтения, готовность к протестным акциям.

Авторский коллектив также подготовил работу, которая посвящена социально-демографическим и этнокультурным характеристикам представителей русской молодежи г. Москвы (материальное положение, социальные настроения, жизненные ценности и стратегии, культурные характеристики, общественно-политическая активность, идентичность, межэтнические отношения и др.)²².

²⁰ Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М., 2011. С. 154.

²¹ Остапенко Л. В., Старченко Р. А., Субботина И. А. Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации». М., 2018. 300 с.

²² Остапенко Л. В., Старченко Р. А., Субботина И. А. Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики). Полевая этностатистика. М., 2018. 184 с.

Данная тематика нашла свое продолжение в монографии «Провинциальный русский город в начале XXI века»²³. Авторы рассмотрели демографические проблемы малых русских городов, социально-экономические аспекты жизни населения малых городов (проблемы, материальные условия жизни, трудовой потенциал и удовлетворенность работой), жизненные ценности социальное самочувствие, мнение городских жителей о своем будущем (в том числе социальные планы молодежи и возможности их реализации).

Особый интерес для нашего исследования представляет работа М. Ф. Черныш «Стандарты жизни и социальная структура русских»²⁴, в которой на основе материалов социологических опросов (1998 и 2007 гг.) рассматриваются основные слои в структуре русского населения и уровень жизни русских на рубеже XX–XXI вв. Особенности социального положения русского населения в республиках Российской Федерации (Саха (Якутия), Татарстан и Тыва) нашли отражение в исследовании С. В. Рыжовой²⁵. Автором выделены этносоциальные и этнокультурные границы населения в указанных регионах, в том числе, показатели социально-психологического самочувствия титульных национальностей и русского населения, структура занятости и материальное положение населения.

Анализ научной литературы показывает возросший интерес российских этнологов к этносоциологическому изучению армян²⁶. Различные аспекты

²³ Остапенко Л. В., Субботина И. А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М., 2019. 290 с.

²⁴ Черныш М. Ф. Стандарты жизни и социальная структура русских // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижеева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М., 2011. С. 22–39.

²⁵ Рыжова С. В. Культурные границы в формировании этнической идентичности // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижеева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М., 2011. С. 40–65.

²⁶ Гарибян К. Д. Социокультурные факторы адаптации армянских мигрантов в Москве // Модернизация экономики и глобализация. В 3 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М., 2009. С. 334–344; Корякин К. В. Социальные и культурные аспекты адаптации мигрантов-армян в Краснодарском крае: 1988–2006 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 197 с.; Остапенко Л. В., Субботина И. А. Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.) / Исследования по прикладной и неотложной этнология. Вып. 240. М., 2014. 46 с.; Тер-Саркисянц А. Е. Адаптация армян к новым условиям

социальной структуры и трудовой деятельности армянской диаспоры (динамика социально-профессионального и отраслевого состава, оценка материального положения, образовательный уровень, социальные позиции в условиях рыночной экономики и др.) нашли отражение в коллективном труде под редакцией Ю. В. Арутюняна, Р. С. Карапетяна и Л. В. Остапенко²⁷. Исследователи отмечают, что «рыночные реформы, с одной стороны, дали возможность части населения, в том числе иноэтничным мигрантам, не только найти работу, но и повысить свой материальный уровень и социальный статус, с другой, – усилили дифференциацию и между этническими группами, и в внутри каждой из них по таким важным социально-экономическим параметрам, как «хозяин» – наемный работник, богатый – бедный, имеющий частную собственность – не имеющий таковой, организатор – исполнитель, пользующийся властью – бесправный и т. п.»²⁸.

Заметное место в отечественной историографии занимают труды, раскрывающие особенности протекания этносоциальных процессов на региональном уровне в период перехода страны от административно-командной экономики к рыночным отношениям. Экономические реформы 1990-х гг. привлекли внимание огромного количества ученых, которые стремились всесторонне изучить социальные последствия радикальных преобразований. Актуальные аспекты этносоциального развития этнических групп Башкортостана, включая динамику социально-профессионального состава титульного и русского населения, межпоколенную и внутрипоколенную мобильность в этнических группах, жизненные стратегии населения по улучшению своего положения, проблемы участия во власти, представления населения региона о возможности социального успеха, гендерные аспекты социального неравенства, а также основные индикаторы социально-экономического и социально-культурного неравенства, нашли отражение в

постсоветского времени / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 211. М., ИЭА РАН, 2009. 64 с.

²⁷ Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ереван, 2016. 306 с.

²⁸ Там же. С. 134.

коллективной монографии, подготовленной под руководством Л. М. Дробижевой в рамках реализации международного научного проекта²⁹.

Постсоветская трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, оказала значительное влияние на этносоциальные процессы и межэтнические отношения как в целом по стране, так и в ее отдельных регионах. Особая пестрота национального состава в республиках Российской Федерации обуславливает специфику развития этносоциальных процессов в каждом конкретном регионе.

Социальные процессы в постсоветской России и ее регионах, имеющие прямую связь с социальной структурой трансформирующегося общества и социальным самочувствием населения, становились предметом исследования в ряде диссертационных работ (в том числе, на примере города и сельской местности, национальных республик, многонациональных регионов и отдельных историко-культурных областей)³⁰.

²⁹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2002. 480 с.

³⁰ Баталова Н. Л. Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2009. 26 с.; Белозеров В. С. География и динамика этнической структуры населения Северного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2000. 45 с.; Белокопыт А. Н. Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации (на примере Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 18 с.; Галлямов Р. Р. Многонациональный город как объект социологического исследования и социального регулирования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1997. 32 с.; Кашкина Л. В. Социальное самочувствие населения в моногороде арктической зоны Российской Федерации в условиях модернизации современного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Архангельск, 2017. 29 с.; Кряжев Е. А. Изменение социальной структуры рабочих промышленности в процессе перехода российского общества к рынку (материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2002. 21 с.; Лепешкин Н. Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2004. 22 с.; Микляева Е. В. Социокультурные особенности трансформационных процессов в монопрофильном городе (на материалах социологических исследований Архангельской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Архангельск, 2008. 24 с.; Петрова Е. В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: особенности развития в условиях трансформации современного российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Улан-Удэ, 2009. 42 с.; Подойницына И. И. Анализ региональной социальной стратификации (на примере Республики Саха (Якутия)): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2000. 43 с.; Попов Д. И. Социальная структура сельского населения в современных условиях: на примере Республики Башкортостан: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 1999. 21 с.; Хамдохов Д. З. Социальное самочувствие в современном поликультурном российском обществе (на примере Кабардино-Балкарской республики): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2007. 24 с.; Цоберг О. А. Социальная дифференциация сельского населения в условиях переходного периода: автореф. дис. ... канд.

Специальные исследования, затрагивающие данную тематику, проводились в национальных республиках Приволжского федерального округа. Необходимо отметить, что большинство регионов ПФО являются полиэтничными и ввиду этого этнический фактор обуславливает специфику протекания социальных процессов. На материалах Республики Марий Эл рассматриваемой проблемой занимались Г. С. Зеленева и О. В. Орлова³¹, на материалах Республики Мордовия – Л. И. Никонова и А. Ф. Мельник³², на материалах Республики Татарстан – Г. Ф. Габдрахманова, Г. И. Макарова, Э. А. Сагдиева, Л. В. Сагитова³³, на материалах Удмуртской Республики – В. С. Воронцов, Г. А. Никитина, С. К. Смирнова, Д. А.

социол. наук. Саратов, 1995. 19 с.; *Яценко И. Н.* Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2006. 23 с.

³¹ *Зеленева Г. С.* Межнациональные и межконфессиональные отношения в республике Марий Эл на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 23 с.; *Ее же.* Гендерные аспекты в современных социологических исследованиях (на примере Республики Марий Эл) // *Инновационные технологии управления и права.* 2013. № 1–2 (5). С. 119–124; *Орлова О. В.* Социальное развитие молодых рабочих Марийской АССР в 60-е годы (по материалам социологических исследований 80-х годов): автореф. дис. ... кандидат. ист. наук. М., 1994. 21 с. *Ее же.* Миграционные процессы в республике Марий Эл на рубеже XX–XXI веков // *Запад – Восток.* 2012. № 4–5. С. 75–80.

³² *Никонова Л. И., Мельник А. Ф.* Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры). Саранск, 2007. 175 с.

³³ *Габдрахманова Г. Ф.* Этнокультурные ресурсы экономического развития. Казань, 2010. 370 с.; *Ее же.* Адаптация этнических групп к социально-экономическим преобразованиям как фактор интеграции российского общества (на материалах Республики Татарстан): дис. ... д-ра социол. наук. М., 2011. 481 с.; *Ее же.* Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар // *ЭКО.* 2021. № 2 (560). С. 85–103; *Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А.* Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики. Казань, 2016. 100 с.; *Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А.* Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан // *Вестник Института социологии.* 2019. Т. 10. № 1. С. 62–81; *Макарова Г. И.* Семейные ценности и практики в дискурсе татар и русских Татарстана // *Регионоведение.* 2021. Т. 29. № 1 (114). С. 172–190; *Ее же.* Акторы развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей // *Вестник Института социологии.* 2022. Т. 13. № 4. С. 144–167; *Сагдиева Э. А.* Особенности адаптационных процессов в этнической мигрантской среде (на примере Республики Татарстан) // *Вестник Чувашского университета.* 2010. № 1. С. 153–157; *Сагитова Л. В.* Социальная интеграция мусульман и потенциал светской образовательной системы: опыт Татарстана // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты.* 2016. Т. 12. № 1. С. 197–210; *Ее же.* Динамика этнического фактора в политике идентичности современного Татарстана // *Вестник Российской нации.* 2018. № 4 (62). С. 59–70.

Черниенко³⁴, на материалах Чувашской Республики – И. И. Бойко, В. П. Иванов, И. Е. Ильин, Е. К. Минеева, С. В. Михайлова, В. И. Соколова, В. Г. Харитонов и др.³⁵

Кардинальные изменения, происходившие в перестроечные годы и после прекращения существования СССР, привели к сложным общественно-политическим, социальным и экономическим процессам как в целом на постсоветском пространстве, так и в его отдельных многонациональных регионах, каковым является Республика Башкортостан, вошедшая в состав Российской Федерации. Данные процессы не могли не вызвать интереса ученых из разных областей научного знания.

³⁴ Воронцов В. С., Поздеев И. Л., Черниенко Д. А. Этносоциальные и демографические процессы в Удмуртии: опыт локально-исторического исследования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 4. С. 149–162; Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001. 496 с.; Никитина Г. А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков: ресурсы и опыт адаптации. Ижевск, 2015. 320 с.; Черниенко Д. А. Международная миграция в Удмуртской Республике: современные тенденции и общественное мнение // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 3. С. 200–204; Его же. Социальные и этнополитические установки студенческой молодежи Удмуртии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 4. С. 707–714.

³⁵ Бойко И. И. Рабочие Волго-Вятского региона: Опыт и уроки социально-экономического развития, конец 1950-х – первая половина 1980-х годов: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 1998. 413 с.; Бойко И. И., Харитонов В. Г. Студенческая и учащаяся молодежь чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры. Чебоксары, 2014. 124 с.; Бойко И. И., Тарасов В. Т., Харитонов В. Г. Социокультурное развитие чувашской республики на фоне модернизационных процессов в регионе // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 59–64; Иванов В. П. Этносоциологические исследования в чувашской республике: вехи пройденного пути // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 61–69; Его же. Страницы истории этносоциологических исследований в Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 77–84; Ильин И. Е. Социальный портрет сельской Чувашии рубежа XX–XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 46–54; Его же. Современные этносоциальные процессы в Чувашской Республике // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2012. № 2-2 (74). С. 47–53 Его же. Современное российское село: реформы и повседневность. Чебоксары, 2014. 270 с.; Минеева Е. К. Минеев А. И. Межэтническое взаимодействие в чувашской республике на современном этапе: социологический опрос // Studia Humanitatis. 2018. № 3. С. 13–21; Минеева Е. К. Минеев А. И. Межэтническое взаимодействие в современной Чувашии (по материалам экспертного опроса) // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 6. С. 120–123; Михайлова С. В. Труд рабочей молодежи Мордовской, Марийской и Чувашской республик: исторические уроки, социальный опыт середины 1950-х гг. – середины 1980-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. 406 с.; Соколова В. И. Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2010. 533 с.; Харитонов В. Г. Крестьянство Чувашии: хозяйство, социальное развитие и повседневный быт (1946–1990 гг.). Чебоксары, 2017. 284 с.

Отдельные вопросы этносоциального развития Республики Башкортостан в постсоветский период нашли отражение в диссертационных исследованиях. Например, диссертация С. С. Алексеенко посвящена этносоциологическому изучению русского населения³⁶. М. Н. Ишемгулов произвел анализ этносоциальной структуры башкир, а также уделил особое внимание социальному самочувствию и установкам титульного этноса, которые выступали фактором их адаптации к новым условиям в период социально-экономических трансформаций³⁷. В работе Е. Н. Сабировой раскрыты этносоциальные аспекты развития еврейского населения в рассматриваемом регионе³⁸.

В свою очередь значительный вклад в изучение этносоциальных процессов в Республике Башкортостан внесли монографические исследования (в том числе в соавторстве) С. Р. Абрамовой, Н. А. Аитова, С. С. Алексеенко, Р. М. Валиахметова, Р. Р. Галлямова, Д. М. Гилязитдинова, Л. Ф. Зайнетдиновой, Р. И. Ирнарзова, М. Д. Киекбаева, Э. А. Мухтасаровой, Ф. Г. Сафина, Ф. Ф. Файзуллина, А. И. Халиуллиной и др. авторов, в которых раскрываются различные вопросы этносоциального развития населения полиэтничного региона³⁹.

³⁶ *Алексеенко С. С.* Русские Башкортостана на рубеже XX–XXI вв.: этносоциологическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. 241 с.

³⁷ *Ишемгулов М. Н.* Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1979–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2022. 227 с.

³⁸ *Сабирова Е. Н.* Евреи Башкортостана: эволюция этнодисперсной группы в многонациональном российском регионе (конец XIX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. 189 с.

³⁹ *Аитов Н. А.* Проблемы социально-классовой структуры советского общества. Саратов, 1982. 136 с.; *Алексеенко С. С., Абрамова С. С., Сафин Ф. Г.* Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа, 2018. 188 с.; Социокультурный портрет Республики Башкортостан / Под общ. ред. *Р. М. Валиахметова*. Уфа, 2013. 228 с.; *Галлямов Р. Р.* Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа, 1996. 200 с.; *Галлямов Р. Р., Зайнетдинова Л. Ф.* Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа, 2004. 150 с.; Социальные последствия реформ в Башкортостане: монография / Отв. ред. *Гилязитдинов Д. М.* Уфа, 2000. 223 с.; *Ирнарзов Р. И.* Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа, 1997. 150 с.; *Киекбаев М. Д.* Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования. Уфа, 1998. 212 с.; *Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиуллина А. И.* Чуваши Башкортостана: этносоциологические очерки. Уфа, 2020. 126 с.; Социальное развитие Республики Башкортостан / Под ред. *Ф. С. Файзуллина*. Уфа, 2001. 327 с.;

В работах исследователей Башкортостана рассматривались некоторые проблемы и тенденции этносоциального развития полиэтничного региона в условиях постсоветской трансформации российского общества: этносоциальная структура⁴⁰, этносоциальная стратификация и дифференциация⁴¹, социальная адаптация и самочувствие населения, жизненный уровень и трудовые мотивации этнических групп⁴².

Файзуллин Ф. С., Марковчина А. В. Социальная стратификация современного российского общества: ее критерии и тенденции. Уфа, 2007. 132 с. *Файзуллин Ф. С., Яппарова Р. Р.* Социальные различия в качестве жизни населения крупного города. Уфа, 2010. 156 с.

⁴⁰ *Абдрахимов Э. Ф., Юсупов И. Ф.* Этническая представленность в органах государственной власти как индикатор престижности этноса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4 (249). С. 145–150; *Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Туракаев М. С., Самба А. Д.* Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 206–222; *Ишемгулов М. Н., Камалетдинов, Д. А., Кульшарипов Ф. Р.* Трансформация этносоциальной структуры населения в полиэтничном Башкортостане в условиях рыночной экономики (1979 – 2010 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 2862–2871; *Камалетдинов Д. А.* Изменение социально-профессионального состава населения Башкортостана в 1979 – 2010 гг. // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 4. С. 153–157; *Сафин Ф. Г., Баймухаметова Г. Р.* Особенности постперестроечной трансформации этносоциальной структуры и занятости населения в Республике Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2010. № 3 (7). С. 103–116; *Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиуллина А. И.* Этносоциальная структура чувашского населения в Башкортостане (1979-2019 годы) // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 189–201.

⁴¹ *Вильданов Х. С., Галиев Г. Т.* Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 1) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 355–357; *Вильданов Х. С., Галиев Г. Т.* Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 2) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 367–369; *Ирназаров Р. И.* К вопросу о дифференциации этносов в Башкортостане // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 56–60; *Сафин Ф. Г., Абрамова С. Р., Муслимова Л. Ф., Абрамов И. Р.* Социальная стратификация населения в полиэтничном регионе (на примере Республике Башкортостан) // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6 (157). С. 433–434.

⁴² *Абрамова С. Р., Халиуллина А. И., Кучумов И. В.* Социальная адаптация и жизненный уровень русской молодежи в условиях рыночной экономики в многонациональной республике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8 (135). С. 357–358; *Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Кадыров С. Х., Ягафарова Д. Г.* Социально-экономическое положение и самочувствие населения республики Башкортостан в условиях экономической нестабильности // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 120–136; *Габдрафиков И. М., Карабулатова И. С., Хуснутдинова Л. Г.* Социальная адаптация трудовых мигрантов в мусульманских регионах России: роль и место этноконфессионального фактора в Поволжье // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки / Под ред. Г. В. Осипова, И. С. Карабулатовой, С. Д. Галиуллиной, И. С. Коберси. М.; Уфа; Ростов н/Д., 2015. С. 116–127; *Габдрафиков И. М., Хуснутдинова Л. Г.* Этнические общины и мигранты в Башкирии: особенности интеграции //

Для изучения социально-политической трансформации, социальной структуры и стратификационных процессов в современной России и ее регионах теоретико-методологическую ценность имели работы ряда зарубежных авторов, в том числе П. Бурдые, М. Вебера, Э. Гидденса, Дж. Голдторпа, Д. Горовица, Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса, Э. Райта, Д. Ротшильда, П. Сорокина, М. Эзмана, Г. Эспинг-Андерсена и др.⁴³

Таким образом, проведенный анализ историографии показал широкий круг исследовательских проблем, связанных с изучением этносоциальных процессов в

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции: монография / Под ред. В. В. Степанова, В. А. Тишкова. М., 2009. С. 283–293; Сафин Ф. Г., Камалетдинов Д. А., Кульшарипов Ф. Р. Экономические основы социального самочувствия этнических групп в многонациональном Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85). С. 1297–1306; Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Кульшарипов Ф. Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 20–27; Сафин Ф. Г., Халиуллина А. И., Алексеенко С. С. Динамика этносоциальной структуры и социального самочувствия населения в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 438–449; Сабирова Е. Н. Этносоциальные аспекты развития еврейского народа в Башкортостане // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 8 (53). С. 1240–1247; Халиуллина А. И. Социальная адаптация молодежи в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологического опроса в Башкортостане) // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6 (157). С. 442–443.

⁴³ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2005. 576 с.; Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено; коммент. А. Ф. Филиппова. М., 1990. 808 с.; Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 112–123; Его же. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 11. С. 107–120; Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М., 2006. 873 с.; Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева, под ред. М. С. Ковалевой. М., 1998. 270 с.; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примеч. В. В. Сапова. М., 1996. 432 с.; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ.; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов. М., 1992. 543 с.; Assimakopoulou Z., Esping-Andersen G., VanKersbergen K. Post-industrial class structure: Classifications of occupations and industries (United States, Germany, Sweden and Canada). Florence, 1992. 58 p.; Esman M. Ethnic Politics. New York, 1994. 77 p.; Esman M. Diasporas in the Contemporary World. Cambridge; Malden, 2009. 224 p.; Goldthorpe J. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts // Goldthorpe J. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory. Oxford, 2000. P. 206–229; Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley and Los Angeles, 1985. 697 p.; Horowitz D. L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20; Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York, 1981. 290 p.; Wright E. O. A General Framework for the Analysis of Class Structure // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D. B. Grusky (ed.). Boulder, 2001. P. 98–109; Wright E. O. Class, Crisis and the State. London, 1993. 266 p.

отечественной этнологии, социологии и политологии как в целом по стране, так и в частности в Республике Башкортостан. Однако, комплексное исследование этносоциальных процессов в Башкортостане в условиях постсоветских трансформаций не проводилось. За чертой внимания ученых остались такие проблемы, как формирование новой социально-профессиональной структуры общества в многонациональном регионе, изменение социального статуса представителей этнических групп в переходный период, социально-экономическая адаптация населения, а также некоторые аспекты социального неравенства в условиях функционирования рыночной системы хозяйствования. Настоящее исследование направлено на решение указанных научных проблем.

Цель исследования заключается в раскрытии и изучении этносоциальных процессов в Республике Башкортостан, в выявлении динамики трансформации этносоциальных групп, их социального самочувствия и стратегии адаптации к рыночной экономике в многонациональном российском регионе на рубеже XX–XXI вв.

В соответствии с заявленной целью были обозначены следующие **теоретические и прикладные задачи:**

- показать динамику социально-профессионального состава населения накануне перехода к рыночным отношениям;
- раскрыть механизмы этносоциальной стратификации в условиях рыночной экономики в период трансформации российского общества;
- выявить социальные позиции и реалии адаптации этнических групп к условиям рыночной экономики;
- оценить трудовые ориентации и мотивации этнических групп Башкортостана как факторов интеграции в рыночные отношения;
- изучить социальное самочувствие этнических групп в контексте этносоциальной дифференциации в Башкортостане;
- охарактеризовать материальное положение и уровень жизни этнических групп на современном этапе.

Источниковая база исследования Этнологическое исследование базируется на сочетании широкого круга источников из различных отраслей социально-гуманитарного знания (истории, социологии, этнологии, антропологии, политологии и др.), что позволяет рассмотреть недостаточно изученные аспекты заявленной темы с разных точек зрения, представить многогранность проблемы и в конечном итоге получить достоверную информацию об историческом прошлом страны, выступающей связующей нитью в межэтнических отношениях.

Глубокие и противоречивые перемены, пронизывающие отдельные временные отрезки в российской истории, запечатлены во множестве источниковых материалов. Это вне всякого сомнения относится и к этносоциальным процессам, протекающим в многонациональном Башкортостане в советский период и на этапе трансформации российского общества (с конца 70-х гг. XX в. по начало третьего десятилетия XXI в.). Поскольку исторический источник является «реализованным продуктом человеческой деятельности определенной эпохи, которую он выражает, представляет, и изучение которой делает ее возможным»⁴⁴, то в нашем случае он помогает в разрешении дискуссионных вопросов, затрагивающих тему исследования. Собранные источники дают возможность восполнения пробела в локальной истории рассматриваемого региона (как неотъемлемой составляющей общероссийской истории), в части объективного освещения периода переходных процессов и условий социальных изменений, оказывавших влияние на жизнь населения.

В основу диссертационного исследования легли различные источники (как хранящиеся в текущих отечественных архивах, так и вышедшие в свет), включающие материалы эмпирической базы, которые в совокупности можно разделить на несколько типологических групп.

⁴⁴ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 352

1. Нормативно-правовые акты и официальные документы стратегического планирования, регулирующие сферу национальных и межнациональных отношений, а также вопросы социально-экономического и культурного характера.

2. Архивные документы, дающие целостное представление о национальном и социально-профессиональном составе населения Республики Башкортостан.

3. Статистические данные и материалы переписей населения, проводимых в Советском Союзе (Всесоюзной переписи населения 1979 и 1989 гг.) и Российской Федерации (Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.), отражающие актуальную информацию о демографических и социально-экономических характеристиках населения многонационального региона.

4. Материалы этносоциологических исследований, включающие результаты опросов населения Республики Башкортостан, проводимых с 1993 по 2021 гг., а также доступные данные и итоги социологических опросов, проведенных различными научными коллективами.

Для того чтобы показать информационный потенциал источникового комплекса диссертации и отметить наиболее ценные материалы, подробно рассмотрим каждую группу источников.

Важное место занимают нормативно-правовые акты союзного/федерального (РСФСР/РФ) и регионального (РБ) уровней, регулирующие вопросы государственной политики в области национальных и межнациональных отношений, социально-экономического и культурного развития страны. Во-первых, это основополагающий законодательный акт российского государства – Конституция РФ⁴⁵, выражающая внимательное отношение законодателя к вопросам межнациональных отношений. Во-вторых, федеральные подзаконные акты, среди которых выделяются Указы Президента РСФСР/РФ⁴⁶, оказавшие

⁴⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 04.07.2020. № 0001202007040001.

⁴⁶ Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 (ред. от 28.02.1992) «О мерах по либерализации цен» // Ведомости СНК РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 26.12.1991. № 52. Ст. 1878; Указ Президента РФ от 29.01.1992 № 65 (ред. от 16.05.1997) «О свободе торговли» // Ведомости СНК РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 06.02.1992. № 6. Ст. 290.

прямое влияние на жизнь населения в условиях становления и развития рыночных отношений.

Отраслевые документы стратегического планирования в области национальной политики, разработанные на общедофедеральном уровне, позволили рассмотреть ключевые направления деятельности органов государственной власти и их обозначенные приоритетные цели в данной сфере. В данном случае, это «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁴⁷.

Среди архивных источников следует отметить материалы Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), а также текущих архивов министерств и ведомств рассматриваемого региона. Привлечение данной категории источников позволяет создать объективную картину исторического прошлого и выделить социально-экономические изменения, непосредственно связанные с этносоциальными общностями многонационального региона.

Исследованные фонды Национального архива Республики Башкортостан стали основой для проведения анализа динамики социально-профессиональной структуры рассматриваемого региона, а также основных направлений деятельности республиканских органов законодательной и исполнительной власти в целях реализации социальной и этнокультурной политики в Башкортостане. Наибольшую ценность для настоящего исследования представляют следующие фонды: Башкирского обкома КПСС (Ф. 122), Совета Министров Башкирской АССР (Ф. Р-933), Президиума Верховного Совета БАССР, Министерства образования РБ (Ф. 798) и Башкирского управления статистики (Ф. Р. 472).

Содержащийся в фонде Башкирского обкома КПСС (Ф. 122) значительный пласт документов (протоколы заседаний партийных бюро и различных партийных собраний, проводившихся в 1979–1990-е гг.), стал дополнительным источником

⁴⁷ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477.

сведений о проблемах социально-экономического и общественно-политического развития республики в советский период⁴⁸. Материалы фонда Совета министров БАССР (Ф. Р. 933) содержат ценные документы, позволившие провести анализ ключевых изменений в общественно-политической жизни советского общества на локальном уровне, в социальном и профессиональном составе населения, а также изучить основные направления деятельности данного органа государственной власти в контексте проводимого исследования⁴⁹. Большой объем архивных материалов также сосредоточен в фонде Президиума Верховного совета БАССР (Ф. Р-394)⁵⁰. Эти документы особенно ценны, поскольку позволяют рассмотреть векторы развития законодательной деятельности в автономной республике на фоне масштабных перемен второй половины 1980-х гг., затронувших все сферы жизни советского общества.

Корпус архивных источников гармонично дополняют материалы из фонда архива Министерства образования Республики Башкортостан (Ф. 798), где хранится информация об образовательном уровне населения региона, а также представлены некоторые сведения о национальном составе народов республики⁵¹.

Неоценимую роль в изучении этносоциальных аспектов развития этнических групп в рассматриваемом регионе оказали материалы, извлеченные из архива Башкортостанстата⁵². Изданные под грифом данного ведомства⁵³, а также аналитические издания отдельных авторов⁵⁴ позволили провести анализ динамики этнодемографического и социально-профессионального состава населения Республики Башкортостан.

⁴⁸ НА РБ. Ф. 122. Оп. 230. Д. 57, Д. 102, Д. 105; Оп. 221. Д. 5, Д. 14, Д. 167; Оп. 224. Д. 3, Д. 13, Д. 21; Оп. 230. Д. 102, 121; Оп. 227. Д. 95, Д. 98.

⁴⁹ НА РБ. Ф. Р-933. Оп. 9. Д. 2215, Д. 2229.

⁵⁰ НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 6. Д. 579, Д. 602, Д. 611, Д. 614, Д. 623, Д. 631.

⁵¹ Архив Министерства образования РБ. Ф. 798. Оп. 9. Д. 4883, Д. 5872, Д. 6208, Д. 6350, Д. 6354, Д. 6358, Д. 7688, Д. 7646, Д. 7725, Д. 7727.

⁵² Архив Башкортостанстата. Ф. Р-472. Оп. 19. Д. 10-09, Д. 9С, Д. 10С; Оп. 14. Д. 12-12, Д. 12-13, Д. 12-14.

⁵³ Башкиры в начале XXI века: стат. сб. Уфа, 2008. 194 с.

⁵⁴ Башкиры и Башкортостан, XX век: Этностатистика / Авт. сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа, 1995. 104 с.; Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана на рубеже XX – XXI вв. / Под ред. Ф. Г. Сафина. Уфа, 2014. 155 с.

Данные Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг., а также Всероссийской переписи 2002 г., не вошедшие в специальные тематические издания были изучены в отделе статистики населения и здравоохранения Башкортостанстата. Ценнейшими источниками являются аналитические материалы, в состав которых вошли данные занятого населения отдельных национальностей в возрасте 15–64 лет, проживающих в частных домохозяйствах⁵⁵. По этим материалам были составлены таблицы, отражающие распределение по отраслям экономики и структуру занятости по профессиям.

Значительная часть источникового материала для проведения диссертационного исследования нами была получена из специализированных изданий, выпущенных органами государственной статистики по результатам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения. Для нас наибольший интерес представляют статистические сборники, подготовленные по материалам переписей 1979 и 1989 г., в них показано распределение населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства, которые даны отдельно по городскому и сельскому населению, а также по источникам средств существования и общественным группам⁵⁶.

Сборник «Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)» посвящен распределению отдельных национальностей по занятости физическим и умственным трудом в сравнительном аспекте (по данным 1979 и 1989 гг.). Это позволило более обстоятельно изучить удельный вес той или иной национальности в структуре занятости отдельных профессий⁵⁷.

⁵⁵ Архив Башкортостанстата. Ф. Р-472. Оп. 11. Д. 20-40, Д. №10-1/П.

⁵⁶ Распределение населения Башкирской АССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. Уфа, 1981. 146 с.; Распределение населения Башкирской АССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991. 169 с.

⁵⁷ Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991. 131 с.

Важную группу источников образуют материалы Всесоюзных переписей населения (1979 и 1989 гг.) и Всероссийских переписей населения (2002, 2010 гг.)⁵⁸. Материалы, включенные в комплексные статсборники позволили изучить динамику социально-профессионального состава населения Республики Башкортостан, изменения в сфере занятости, специфику профессионального разделения труда, образовательный уровень населения, особенности этнонациональной структуры в отраслях экономики.

Важнейшей составной частью источниковой базы являются издания, подготовленные Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Официальная статистическая информация, опубликованная в специализированных сборниках, отражает явления и процессы, произошедшие в экономической и социальной жизни Российской Федерации. На основе этих материалов госстатистики удалось не только получить всестороннее представление о современном состоянии экономики и социальной сферы в стране, но и провести сравнительно-сопоставительный анализ отдельных показателей социально-экономического развития в разрезе российских регионов (и в частности по субъектам Приволжского федерального округа)⁵⁹.

⁵⁸ Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. Уфа, 1981. 190 с.; Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1990. 104 с.; Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года): стат. сб. Уфа, 2006. 198 с.; Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. бюллетень. Уфа, 2012. 58 с.; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2013. 193 с.; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. 189 с. Уровень образования населения БАССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: стат. сб. Уфа, 1990. 233 с.

⁵⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 863 с.; Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.; Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 766 с.; 290. Социально-экономическое положение России. 2018. Вып. 12 / Росстат. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf (дата обращения: 25.10.2022).

Вторичный анализ панельных данных и итогов социологических опросов, проведенных Фондом развития гражданского общества (ФoPГO) при содействии и на основе данных Фонда «Общественное мнение» (ФoM)⁶⁰ обеспечил возможность сопоставительного анализа динамики социального самочувствия рассматриваемого региона. Весьма ценным источником для изучения этносоциальных процессов в многонациональной Республике Башкортостан являются материалы этносоциологических исследований, которые включают результаты опросов населения республики, проводимых учеными-этнологами и научными коллективами с 1993 по 2021 г. Эмпирическая база включает в себя результаты следующих комплексных исследований:

1. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз», Республика Башкортостан, 1993 г. Авторы проекта Дж. Хафф, Д. Лейтин, С. Лейманн, руководители исследования по РБ – М. Н. Губогло, Р. Г. Кузеев, Ф. Г. Сафин. Объем выборки составил 2410 респондентов (817 башкир, 779 татар, 814 русских).

2. Этносоциологический опрос «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России», Республика Башкортостан, 1995 г. Авторы проекта Дж. Хафф, С. Лейманн при участии М. Н. Губогло, руководители исследования по РБ – Р. Г. Кузеев, Ф. Г. Сафин. Объем выборки составил 2184 респондента (472 башкир, 614 татар, 824 русских и 274 представителей других этнических групп).

3. Экспертный опрос «Урегулирование и предотвращение межэтнических конфликтов», Республика Башкортостан, 1996 г. Автор проекта М. Н. Губогло,

⁶⁰ Фонд развития гражданского общества при содействии и на основе данных Фонда «Общественное мнение». Рейтинг социального самочувствия регионов России. Первый выпуск, август 2013 г. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/27> (дата обращения: 17.04.2021); Фонд развития гражданского общества при содействии и на основе данных Фонда «Общественное мнение». Рейтинг социального самочувствия регионов России. Второй выпуск, декабрь 2013 г. URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (дата обращения: 17.04.2021); Фонд развития гражданского общества при содействии и на основе данных Фонда «Общественное мнение». Рейтинг социального самочувствия регионов России. Третий выпуск, июнь 2014 г. URL: <http://civilfund.ru/mat/63> (дата обращения: 17.04.2021)

руководитель исследования по РБ – Ф. Г. Сафин. Объем выборки составил 296 респондентов (экспертов).

4. Этнополитологическое исследование «Этнополитические представления молодежи: формирование и функционирование», Республика Башкортостан, г. Уфа, 1996 г. Руководитель исследования Ф. Г. Сафин. Объем выборки составил 1134 респондента в возрасте 17 лет.

5. Этносоциологический опрос в рамках научно-исследовательской работы ИЭИ УНЦ РАН «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», Республика Башкортостан, г. Уфа, 2014 г. Авторы проекта – Ф. Г. Сафин, А. И. Фатхутдинова, руководитель исследования – А. И. Фатхутдинова. Объем выборки составил 1000 респондентов (295 башкир, 254 татар, 361 русских и 90 представителей других этнических групп). Диссертант принял непосредственное участие в проведении данного исследования.

6. Этносоциологический опрос в рамках научно-исследовательской работы ИЭИ УНЦ РАН «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде», Республика Башкортостан, 2014 г. Авторы проекта – Ф. Г. Сафин, А. И. Фатхутдинова, руководитель исследования – А. И. Фатхутдинова. Объем выборки составил 623 респондентов. Диссертант принял непосредственное участие в проведении данного исследования.

7. Этносоциологический опрос «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» Республика Башкортостан, 2018 г. Авторы проекта – Ф. Г. Сафин, А. И. Фатхутдинова, руководитель исследования – А. И. Халиулина. Диссертант принял непосредственное участие в проведении данного исследования.

8. Этносоциологический опрос «Современные этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия» Республика Башкортостан, 2019 г. Авторы проекта – Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина, руководитель исследования – А. И. Фатхутдинова. Объем выборки составил 799 респондентов (179 башкир, 224 татар, 264 русских, 132 представителя других этнических групп). Диссертант принял непосредственное участие в проведении данного исследования.

9. Этносоциологический опрос «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие малочисленных этнических групп (марийцы, удмурты, чуваша)», Республика Башкортостан, 2021 г. Диссертант также принимал участие в подготовке и проведении эмпирического исследования.

Перечисленные материалы отразили протекание социальных процессов в российском обществе постсоветской эпохи, многогранность этнополитических и этносоциальных проблем региона, первые шаги государства на пути к рыночной экономике, особенности межэтнического взаимодействия, экономико-финансовое положение, стратегии адаптации и социального поведения населения многонациональной республики, социальную стратификацию в этническом разрезе. Новейшие результаты этносоциологических опросов позволили провести анализ развития этносоциальных процессов среди населения полиэтничного региона в период постсоветских трансформаций.

Таким образом, источниковая база исследования сделала возможным проведение комплексного междисциплинарного исследования этносоциальных процессов в Республике Башкортостан. Благодаря привлеченным материалам удалось всесторонне изучить проблемные аспекты этносоциальной стратификации, адаптации этнических групп к рыночной экономике, их трудовых ориентаций и социального самочувствия в рассматриваемом регионе в новых условиях.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые исследованы этносоциальные основы развития населения республики в условиях перехода к рыночной экономике в сравнительном аспекте с поздним советским периодом. Раскрыты основные факторы, влияющие на социальное самочувствие в контексте этносоциальной дифференциации этнических групп в Башкортостане. Рассмотрены изменения в социальной стратификации населения, произошедшие в результате трансформации трудовых ориентаций этнических групп, которая является фактором адаптации и интеграции к рыночным отношениям. Диссертационное исследование соответствует следующим направлениям исследования специальности 5.6.4. Этнология, антропология и этнография

(исторические науки) ВАК при Минобрнауки России: 6. Идентичность, этничность, этническая история, в том числе межэтнические отношения и конфликты; 13. Экономическая антропология.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что на примере полиэтничного региона раскрыты механизмы трансформации этносоциальной структуры в условиях рыночной экономики, а также процессы, способствующие адаптации и интеграции этнических групп к новым условиям. Представленные результаты представляют значение для дальнейшего изучения этносоциальной стратификации в многонациональных регионах, постановки новых исследовательских задач, а также теоретической разработки опорных концептуальных положений. Содержащаяся информация, выводы и положения, сделанные в работе, возможно, будут применены для дальнейшей разработки проблем социальной дифференциации в условиях функционирования рыночной экономики.

Научные результаты исследования могут использоваться при подготовке государственных и региональных программ стратегического планирования в российских регионах с полиэтничным составом населения. Основные тезисы, выдвинутые в диссертационном исследовании, могут быть введены в программы образовательных курсов и использоваться в учебном процессе (при подготовке к проведению лекционных и практических занятий по дисциплинам «История», «Этнология», «Этносоциология», «Этнополитология», «История Башкортостана», «Социальная антропология», «Социально-экономическая история общества» и др.).

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы исследования этносоциальных процессов заложены в трудах отечественных и зарубежных ученых (Н. А. Аитова, С. А. Арутюнова, Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромляя, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, В. А. Тишкова, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова, О. И. Шкаратана; П. Бурдьё, Э. Гидденса, Дж. Голдторпа, Э. Райта, Д. Ротшильда, Т. Парсонса, М. Эзмана, Г. Эспинг-Андерсена), которые внесли важнейший вклад в развитие социально-

гуманитарных наук (истории, этнологии, этносоциологии и др.), в теоретическую разработку широкого круга современных проблем этнологии и социальной антропологии (этнических и этносоциальных процессов, социальной стратификации и дифференциации, социального неравенства этнических групп, социального самочувствия в полиэтничных регионах, адаптации населения к меняющимся социальным условиям и т. д.), в решение прикладных задач в области национально-государственного строительства и гармонизации межнациональных отношений.

В ракурсе научного инструментария, используемого в исследовании, следует отметить, что наряду с привычными уже терминами («социальная структура», «этносоциальные процессы», «полиэтнический регион» и др.) используются новые понятия, прочно вошедшие в научный оборот. Например, реалии этносоциальных процессов, утвердившиеся после распада СССР, стали причиной введения терминов «этносоциальная структура», «этносоциальная стратификация», «этносоциальное самочувствие», «адаптивные стратегии» (Л. В. Остапенко, И. В. Субботина).

Термин «этносоциальная структура» представляет собой «особый вид социальной структуры, который определяет положение и социальную роль этнических групп полиэтничном обществе»⁶¹. Под «этносоциальной стратификацией» нами понимается «непрерывно развивающийся процесс, основанный на структурированном неравенстве этнических групп, способах передачи этого неравенства от одного поколения к другому и его социальной оценки индивидом и обществом в целом»⁶².

На основе общенаучных методов – общелогического (анализа, синтеза, индукции, дедукции, метода аналогии) и теоретического уровня (абстрагирования, обобщения, восхождения от абстрактного к конкретному,

⁶¹ *Асланов Ш. С.* Трансформация этносоциальной структуры Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2009. С. 8.

⁶² *Зайнетдинова Л. Ф.* Этносоциальная стратификация российского общества в условиях реформ: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2003. С. 7.

метода системного анализа) проведен анализ научной литературы и выделены теоретико-методологические подходы (структурно-институциональный подход Э. Гидденса, функционалистский подход Т. Парсонса, ресурсный подход П. Бурдьё, ресурсно-потенциальный подход О. И. Шкаратана и др.) к исследованию проблем этносоциальной стратификации и дифференциации этнических групп в полинациональном регионе. Данные подходы оказали помощь в этносоциологическом изучении социально-классовой структуры советского Башкортостана (1979–1991 гг.), а также социальной структуры региона в постсоветский период (1991–2021 гг.), когда происходила трансформация российского общества, сопровождаемая становлением рыночной системы хозяйствования и адаптацией этнических групп к новым условиям.

Центральное положение занимает междисциплинарный подход, он позволил целостно исследовать различные события исторического прошлого, касающиеся научных проблем протекания этносоциальных процессов в Республике Башкортостан, объединяя теоретические и практические достижения различных наук (истории, политологии, социологии, философии и этнологии и др.). Междисциплинарный подход дает возможность изучения социальной истории локального региона как важнейшей составляющей общероссийской истории, поскольку социальные изменения, происходившие в Республике Башкортостан, оказали влияние как на повседневную жизнь населения, так и на реализацию государственной политики в области национально-этнических отношений.

Принцип историзма позволил раскрыть динамику этносоциального развития населения в контексте трансформации социально-профессионального состава населения республики под влиянием рыночной экономики, которая протекала в течение последних тридцати лет.

Историко-сравнительный метод как универсальный научный метод способствовал выявлению сходств и различий этносоциальной дифференциации населения Башкортостана в советский и постсоветский периоды. Сравнительный анализ источников исследования позволил определить закономерности и

особенности процесса этносоциальной стратификации в полинациональном регионе. Историко-хронологический метод позволил выявить некоторые тенденции формирования этносоциальной структуры полинационального региона и адаптации этнических групп к условиям рыночных реформ в выделенные исторические периоды (в 1990-е гг., в 2000-е и 2010-е гг.).

Этносоциологический подход позволил провести исследование показателей стратификации этнических групп в условиях многонационального региона через конкретного человека (участника анкетного опроса), включенного в данную группу. В основу исследовательского инструментария были положены достижения отечественной этнологии и социологии, которые дают представление о проблемах и закономерностях протекания этносоциальных процессов на региональном уровне. Социологический метод позволил показать в динамике социальное самочувствие населения в условиях трансформирующего российского общества с начала 1990-х гг. до начала третьего десятилетия XXI в. Данные опросов способствовали выявлению адаптации населения к новым экономическим отношениям с учетом процессов интеграции к рыночной экономике и установлению степени этносоциальной дифференциации населения как в целом, так и внутри каждой этнической группы.

Комплексный и системно-структурный подход сделал возможным изучение этносоциальной дифференциации на региональном уровне в тесной связи с другими аспектами проблемы (социальным самочувствием, трудовыми мотивациями и адаптацией населения к условиям рыночной экономики).

Ретроспективный метод применялся для анализа социального развития этнических общностей в Республике Башкортостан, трансформации этносоциальной структуры региона, адаптационного потенциала этнических групп к условиям рыночной экономики и др.

Метод контент-анализа применялся в ходе анализа теоретической базы исследования, изучения нормативно-правовых документов в области социальной политики и межнациональных отношений, ознакомления с республиканской

прессой по темам «социальное неравенство», «социальные настроения», «уровень жизни» и др.

Математико-статистический метод использовался в процессе анализа собранных эмпирических данных (по итогам анкетного опроса населения): обобщения полученной информации, выявления динамики этносоциальной структуры Башкортостана, а также тенденций в социально-экономической адаптации и социальном самочувствии этнических групп региона.

Положения, выносимые на защиту:

1. В условиях рыночной экономики происходит трансформация этносоциальной структуры населения в Башкортостане. Представляется, что рыночная экономика вносит свои коррективы в отношении бывших государственных и сельскохозяйственных предприятий, в которых доля работников существенно сокращается, но при этом трудовые ориентиры освободившихся работников будут направлены в сферу торговли, питания и других отраслей экономики, связанных с сервисным обслуживанием.

2. Переход к рыночной экономике в начале 1990-х гг. неоднозначно воспринимался населением республики. Определенная часть населения отнеслась к нему с одобрением и выступала за ускоренный путь ее внедрения, так как считала, что она приведет к улучшению благосостояния людей. Представляется, что к началу второго десятилетия XXI в. уже значительная часть жителей республики разочаровалась в рыночных отношениях, выразив, что переход к рынку себя не оправдал.

3. Суверенизация республики и создание приоритетных условий представителям титульной этнической группы способствовали этносоциальному расслоению по этническому признаку, так как расстановка кадров по национальной принадлежности, особенно выдвижение в органы местной и государственной власти, создали определенный перекоп в отношении других этнических групп, проживающих в Башкортостане.

4. Несмотря на трудности рыночной экономики, представляется, что значительная часть населения смогла адаптироваться к ее условиям.

5. Рыночная экономика в условиях республики порождает этносоциальную дифференциацию этнических групп, что, в свою очередь, рельефно оказывает влияние на их социальное самочувствие.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 13 публикациях общим объемом 9,24 п. л.⁶³, в том числе в 3 изданиях, ведущих рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России⁶⁴, в тексте коллективной монографии⁶⁵, а также изложены в

⁶³ Камалетдинов Д. А. Этносоциальные проблемы и их отражение в отечественной историографии // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XIII Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. ред. Э. В. Камалеев. Уфа, 2019. С. 37–39; Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А., Сафин Ф. Ф. Социальное самочувствие населения Башкортостана после крымских событий // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 1 (151). С. 101–108; Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А., Сафин Ф. Ф. Социальные установки этнических групп в многонациональном регионе (на примере Республики Башкортостан) // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему. Сб. ст. к юбилею Н. А. Дубовой. М., 2020. С. 201–214; Камалетдинов Д. А. Социальное самочувствие этнических групп Башкортостана в новых экономических условиях // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Томск, 6 – 9 июля 2021 г.) / отв. ред. И. В. Нам. М.; Томск, 2021. С. 266; Камалетдинов Д. А., Фаттахова Р. Р. Адаптационный потенциал татар Башкортостана к условиям рыночной экономики // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XV Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. ред. Э. В. Камалеев. Уфа, 2021. С. 33–36; Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А. Социальное настроение и адаптации этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 133–139; Камалетдинов Д. А., Горбачев М. А. Русские Башкортостана: жизненный уровень и социальное самочувствие // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41. № 4. С. 17–23; Камалетдинов Д. А. Социальные факторы формирования идентичностей // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной памяти Л. М. Дробизиной (Казань, 28 – 29 апреля 2022 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 79–84. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tataroved.ru/publicat/books/pozitiv_opit2022.pdf; Сафин Ф. Г., Камалетдинов Д. А. Социально-экономическое положение этнических групп в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических исследований в Башкортостане) // Этносоциология: поиски и свершения / Отв. ред., сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М., 2022. С. 171–181.

⁶⁴ Сафин Ф. Г., Камалетдинов Д. А., Кульшарипов Ф. Р. Экономические основы социального самочувствия этнических групп в многонациональном Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85). С. 1297–1306; Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А., Кульшарипов Ф. Р. Трансформация этносоциальной структуры населения в полиэтничном Башкортостане в условиях рыночной экономики (1979 – 2010 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 2862–2871; Камалетдинов Д. А. Изменение социально-

докладах и выступлениях на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (г. Уфа, 1 ноября 2019 г., 29 октября 2021 г., 28 октября 2022 г.), «Смольные чтения – 2021. Ре: конструируя новый мир» (г. Санкт-Петербург, 16–18 апреля 2021 г.), «XIV Конгресс антропологов и этнологов России» (г. Томск, 6–9 апреля 2021 г.), «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (г. Казань, 28–29 апреля 2022 г.). Отдельные аспекты исследования прошли апробацию в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 20-311-90040 «Этносоциальная дифференциация этнических групп в условиях рыночной экономики в полинациональном регионе (на примере Республики Башкортостан)».

Рукопись диссертации обсуждена на расширенном заседании отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук и рекомендована к защите.

Структура диссертации включает Введение, четыре главы, Заключение, Список сокращений и условных обозначений, Список использованных источников и литературы.

профессионального состава населения Башкортостана в 1979 – 2010 гг. // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 4. С. 153–157.

⁶⁵ Сафин Ф. Г., Камалетдинов Д. А. Трансформация этносоциальной структуры в полиэтничном российском регионе: теоретические подходы и тенденции развития. Уфа, 2022. 108 с.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В 1979–2021 ГГ.

§ 1.1. Трансформация этносоциальной структуры населения республики в 1979–2010 гг.

Социальная структура населения в Башкортостане, как и в целом по России, носит на себе отпечаток советского прошлого. В советское время, согласно марксистско-ленинской концепции считалось о существовании двух дружественных между собой классов – рабочих и колхозного крестьянства, а также между ними прослойки интеллигенции. Из них ни рабочие, ни тем более колхозники особого влияния на принятие решений и самостоятельности в труде не имели. Если рассмотреть данный процесс в этническом разрезе, то наибольшая доля в составе рабочего класса принадлежала русским.

По данным переписи населения 1989 г. в составе рабочего класса русские составляли 63,4 %, татары – 54,3 %, башкиры – 53,6 %. В составе работников сельского хозяйства высоким был удельный вес у марийцев – 36,4 %, чувашей – 31 %, башкир – 24,9 % (см. таблица 1.1). Самая низкая доля в группе колхозников – 5,7 % и 8,3 % была отмечена среди русских и украинцев, так как абсолютное большинство которых еще в 1970-е гг. являлось горожанами и трудилось в сфере промышленности, а также в других отраслях экономики, связанных с городской местностью.

Таблица 1.1 – Распределение населения отдельных национальностей Республики Башкортостан по социальным группам (в %) *

Социальные группы	Удельный вес (в % к общей численности населения)					
	Башкиры	Русские	Татары	Марийцы	Украинцы	Чуваши
Рабочие	53,6	63,4	54,3	50,6	55,3	52,5
Служащие	21,4	30,8	24,6	12,8	36,1	16,3
Колхозники	24,9	5,7	21	36,4	8,3	31

*Таблица составлена по: Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991. С. 64–68.

Производственная специализация Башкортостана имеет непосредственную связь с особым географическим положением региона и наличием в его экономике природных ресурсов. Место проживания представителей тех или иных этнических групп обусловило специфику трудовой деятельности населения, которое включалось в организационную структуру работников предприятий и организаций, расположенных в городской или сельской местности. Например, доля горожан в структуре русского населения составляла около 80 % и они в большинстве своем были заняты в сфере промышленности. Так, по данным переписи 1979 г. удельный вес русских, работающих в промышленных отраслях, составлял 40,4 %, тогда как доля занятых в сельском хозяйстве превышала немногим более 10 %. В свою очередь башкиры, составляющие более половины жителей сел, в основном трудились в сфере сельского хозяйства (44,7 %), а их доля занятых в промышленности была почти в два с лишним раза меньше (18 %). Если средний показатель занятых в промышленности по республике составил 30,8 %, то выше этого была доля только русских. Татары, уступая среднереспубликанскому показателю, были представлены 28,9 % в промышленности. При этом их доля (25,6 %) превышала средний уровень занятых в сельском хозяйстве (см. таблица 1.2).

Вместе с тем представленность этнических групп в той или иной отрасли народного хозяйства существенно отличалась. Например, если 44,7 % русских были заняты в сфере промышленности, то они составили более половины (55,3 %) всех работающих в этой отрасли. При этом доля татар была отмечена на уровне 23,3 %, тогда как башкиры составили почти в два раза меньшую долю (12,7 %). Из всех работников сферы сельскохозяйственного производства русские составили 17,8 %, хотя доля данных работников из всего русского населения, работающего в данной отрасли, равнялась лишь 10 %. Также высокой была доля занятых в сельском хозяйстве чувашей (33,1 %) и марийцев (44,4 %), хотя их общий удельный вес занятых в этой отрасли составлял соответственно 5,5 % и 5,6 %⁶⁶.

⁶⁶ Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. Уфа, 1981. С. 121.

Таблица 1.2 – Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства

(в % к общей численности занятых данной национальности) *

	1979 г.				1989 г.			
	Все население	Русские	Башкиры	Татары	Все население	Русские	Башкиры	Татары
Все отрасли народного хозяйства	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:								
Промышленность	30,8	40,4	18	28,9	33,5	42,3	24,1	30,2
Сельское хозяйство	24,4	10,3	44,7	25,6	18,9	8	30,8	21,8
Лесное хозяйство	0,8	0,6	1,2	0,7	0,9	0,6	1,5	0,7
Транспорт	5,5	6,8	3,4	5,3	6	7,2	4,4	5,8
Связь	1,1	1,2	1	1,1	1,1	1,2	1	1,1
Строительство	9	9,4	7,1	10	8,7	9	8	8,8
Торговля и общепит	5,8	6	4,9	6,9	5,9	5,7	5,3	6,9
Материально-техническое снабжение и сбыт	0,5	0,7	0,3	0,6	0,7	0,8	0,5	0,7
Заготовки	0,4	0,3	0,4	0,5	0,3	0,3	0,4	0,4
Жилищно-коммунальное хозяйство	2,8	3,4	1,8	2,7	0,8	0,9	0,6	0,7
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	3,9	4,4	3,2	3,8	4,5	4,5	4,5	4,6
Народное образование	7,4	7,4	8,2	7,2	8,4	7,9	9,8	8,1
Культура и искусство	1	0,9	1,3	1	1,2	1,1	1,5	1,1
Наука и научное обслуживание	2,6	4	1,1	1,6	1,9	2,7	1,2	1,6
Кредит и государственное страхование	0,5	0,5	0,4	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6
Управление Партийные и общественные организации	2,5	2,7	2,1	2,6	2,6	2,7	2,4	2,7

*Таблица составлена по: Профессиональный состав Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991.

Перепись 1989 г. показала увеличение доли русских и татар, занятых в промышленности, до 42,3 % и 30,2 % при сокращении их удельного веса на 2 % и 3,8 % в сфере сельского хозяйства. Доля занятых в промышленности также была высокой у украинцев (37,6 %). В 1980-е годы наиболее быстрыми темпами протекал процесс урбанизации среди башкир. Это способствовала росту доли занятых из числа представителей титульного этноса в сфере промышленности с 18 % до 24,1 %. Но в тоже время, они несколько опережали марийцев (23,3 %) и незначительно уступали чувашам (26,1 %) по данному показателю.

Распад СССР и последовавшие за ним негативные социальные последствия привели к значительному сокращению доля занятых в сфере промышленности в начале 1990-х гг. Прежде всего на это повлияло массовое банкротство и закрытие отечественных заводов и фабрик. Удельный вес русских, работающих в сфере промышленности, по данным переписи 2002 г., сократился до 26 %, татар – до 19,2 %, башкир – до 13,4 %, чувашей – до 18,5 %, марийцев – до 14,1 % при среднереспубликанском показателе – 20 %. При этом из 148 183 рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности русские составляли 45,3 %, башкиры – 21,4 %, татары – 23,7 %, марийцы – 2,3 % и чувашаи – 3,1 %. Из них 55,6 % русских, 24 % татар и всего лишь 10,4 % башкир были рабочими, выполняющими прецизионные работы (т. е. с соблюдением высокой точности параметров) по металлу и другим материалам. Из всех башкир в данной отрасли было занято 6,9 %, русских – 10,7 %, чувашей – 9,1 %, татар и марийцев – 8,3 %⁶⁷.

Среди операторов, аппаратчиков и машинистов промышленных установок более одной трети (34,9 %) составляли рабочие русской национальности, 28,3 % – башкирской и 25,9 % – татарской. В данной отрасли из всех башкир было занято 18,3 %, русских – 16,4 %, татар – 18,1 %, марийцев – 20,7 % и чувашей – 21,2 %. Среди неквалифицированных рабочих доля русских и татар составляла соответственно 8,9 % и 9,1 %, тогда как у башкир – 12,6 %, чувашей – 13,8 %, а

⁶⁷ Архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ. Фонд Р-472. Опись 19, Д. 10-09; Д. № 9 С. 10 С; Опись 14. Д. № 12–12, 12–13, 12–14.

марийцев она достигала 16,8 %. Из всех работников неквалифицированного труда 57 499 чел., т. е. одну треть составляли башкиры (33 %), немногим менее этого 55 618 чел. – русские (31,9 %) и немногим менее четверти (38 665 чел.) – татары (22,1 %)⁶⁸.

Среди неквалифицированных рабочих для всех отраслей экономики порядка около одной трети составляли представители русской национальности – 45 885 чел. (34,6 %) и башкиры – 40 010 чел. (30,2 %). Доля татар по сравнению с русскими и башкирами оказалась намного меньше (22,7 %) – 30 052 чел., также как и во внутринациональном показателе – 7,1 %. Общий удельный вес занятых в этой отрасли чуть выше татар был у русских (7,3 %), башкир (8,7 %) и с некоторым опережением у чувашей (12 %) и марийцев (12 %)⁶⁹.

Среди водителей и машинистов подвижного оборудования наибольшую представленность имели русские – 62 326 чел. (31,9 %) и башкиры – 60 030 чел. (30,7 %), существенно от них отставали татары – 50 709 чел. (26 %). В данной категории работников самой высокой долей внутри этнической группы были представлены чуваше – 15,2 %, марийцы – 14,3 %, башкиры – 13,1 %, в меньшей степени татары – 12 % и русские – 8,9 %.

Среди занятых физическим трудом в сфере строительства, транспорта, связи, а также художественных промыслов, в системе геологии и разведки две пятая часть (41,2 %) приходилась на долю русских, четверть занятых составили башкиры (24,2 %) и татары (24 %). В указанных сферах наибольшая доля из числа занятого населения данной национальности приходилась марийцам – 19,8 % и чувашам – 18 %. В данной сфере было занято 116 642 русских, но, несмотря на это, их доля из общего числа работающих данной национальности составила 17,3 %. У башкир и татар она была ненамного ниже – соответственно 15 % и 16,1 %⁷⁰.

⁶⁸ Архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ. Фонд Р-472, Опись 11. Д. № 20-40. Таблица № 45 в; Отдел статистики населения. Дело № 10-1/П.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ. Фонд Р-472, Опись 11. Д. № 20-40. Отдел статистики населения и здравоохранения. Дело №10-1/П.

В 1989 г. по сравнению с предыдущей переписью (1979 г.) резко сократилась доля работников, занятых в сельском хозяйстве – с 24,4 % до 18,9 %. Наиболее существенное снижение наблюдалось среди титульной национальности – с 44,7 % до 30,8 %, т. е. в 1,4 раза (см. таблица 1.3). Тенденция и темпы сокращения занятых в сельском хозяйстве объясняется, прежде всего, с механизацией и внедрением интенсивных технологий в данной отрасли в 1980-е гг.

Таблица 1.3 – Занятое население в возрасте 15–64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по видам экономической деятельности
(в % к общей численности занятых данной национальности) *

	1989 г.				2002 г.			
	Все население	Русские	Башкиры	Татары	Все население	Русские	Башкиры	Татары
Все отрасли народного хозяйства	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:								
Промышленность	33,5	42,3	24,1	30,2		26	13,4	19,2
Сельское хозяйство	18,9	8	30,8	21,8	13,2	5,8	22,2	11,5
Транспорт	6	7,2	4,4	5,8	7,3	8,6	5,8	7,3
Строительство	8,7	9	8	8,8	8,1	8,1	7,3	8,3
Здравоохранение, физкультура и соц. обеспечение	4,5	4,5	4,5	4,6	6,9	6,2	7,6	7,7
Народное образование	8,4	7,9	9,8	8,1	10,9	9,6	13,7	10,1
Культура и искусство	1,2	1,1	1,5	1,1	0,4	0,4	0,6	0,4
Наука и научное обслуживание	1,9	2,7	1,2	1,6	3,3	4,7	2,1	3,1
Кредит и государственное страхование	0,5	0,5	0,5	0,6		1,1	0,8	1,1
Управление	2,6	2,7	2,4	2,7		4,2	4,8	5,1

* Таблица составлена по: Профессиональный состав Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991; Текущий архив Башкортостанстата.

Необходимо обратить внимание на существенные отличия, касающиеся процентного соотношения этнических групп, занятых по большей части

физическим трудом в этом виде экономической деятельности. Если доля русских, занятых физическим трудом в сельском хозяйстве, составляла всего 5 %, то доля башкир была в 4 раза больше – 21,2 %. Татары, занимая промежуточную позицию (14,5 %), опережали русских почти в 3 раза, но уступали башкирам в 1,5 раза⁷¹.

С другой стороны, в постсоветский период в связи с прекращением дотаций в сельское хозяйство и роспуском колхозов и совхозов общая доля занятых в данной отрасли сократилась до 13,1 %. Наряду с этим доля русских, работающих в сельском хозяйстве, по данным переписи 2002 г. составила 5,8 %, татар – 11,5 %, башкир – 22,1 %, марийцев – 25,8 % и чувашей – 24,7 %⁷². Как видно, те народы, удельный вес которых среди сельских жителей был высоким, имели существенную долю представленности в сфере сельского хозяйства.

На высокий удельный вес ряда этнических групп (в частности, башкир) в сельском хозяйстве и в других видах деятельности обратили внимание ученые – участники международного проекта, которые отметили, что «для башкирского населения наиболее успешными остаются сельскохозяйственные занятия, управленческая деятельность, сфера культуры и искусства, а также промышленность, особенно добывающая и перерабатывающая, в которых они добиваются наибольших результатов»⁷³. Наряду с ними, высокий удельный вес занятых в сельском хозяйстве имеют и представители других этнических групп региона (марийцы, чувашаи, удмурты и татары), среди которых выделяется высокая доля населения, проживающего в сельских населенных пунктах. Они также представлены солидным удельным весом в сельскохозяйственном производстве.

⁷¹ Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ. Фонд Р-472, Описание 11. Д. № 20-40. Отдел статистики населения и здравоохранения. Дело №10-1/П.

⁷² Домохозяйства Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Статистический сборник. Уфа, 2006. Архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ. Фонд Р-472. Описание 11. Д. № 20-40. Таблица № 45в

⁷³ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 2002. С. 312.

Несмотря на проживание в сельской местности, после распада колхозов и совхозов, значительная часть сельского населения вынуждена была искать работу в других отраслях в ближайших городах или же выезжать в другие регионы с целью зарабатывания денег. В целом по республике, работающих в сфере сельского и лесного хозяйств, рыбоводства и рыболовства, или же занимающихся производством сельскохозяйственной продукции рыночной ориентации по данным переписи 2002 г. составляло 50 772 чел. Из них почти половину занятых в данной отрасли составляли башкиры – 47,3 %, более в два раза меньше татары – 20,4 % и русские – 15,7 %. Хотя, из всех русских и татар, в этой сфере работали лишь 1,3 и 2,4 % представителей данных национальностей. Более 5 % башкир, т. е. 24 тыс. чел., 6,3 % марийцев (2 659 чел.) и 6,2 % чувашей (3 138 чел.) отмечены как товарные производители сельскохозяйственной продукции рыночной ориентации⁷⁴.

На третьей позиции по удельному весу занятости в 1979 г. была строительная отрасль. В ней работали около 9 % от всего занятого населения республики. Процентная доля выше среднереспубликанского показателя была отмечено у русских – 9,4 % и татар – 10 %, ниже, у башкир – 7,1 % (см. таблица 1.2). Правда в 1989 г. доля башкир в строительстве, наоборот имела тенденцию некоторого роста – 8 %, а у русских и татар сократилась – до 9 % и 8,8 %. В начале 2000-х гг. в связи с кризисной ситуацией в строительстве общая доля занятых в этой отрасли также претерпела изменение в сторону сокращения в целом. Если средний показатель занятости в строительстве составлял 8,1 %, то выше этого уровня показатель был отмечен лишь у татар (8,3 %) и марийцев (9,3 %). Доля башкир по сравнению с предыдущими годами также имела тенденцию сокращения и в 2002 г. была меньше, чем в среднем по региону – 7,3 %. Среди

⁷⁴ Текущий архив Башкортостанстата. ВПН 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в.

русских в сфере строительства работало 50 762 чел., что составило 8,1 % от всего занятого русского населения республики⁷⁵.

Особую строку в распределении населения по отраслям народного хозяйства занимало народное образование, в котором работало 7,4 % от всех занятых. Существенную долю в этой сфере занимали башкиры, доля которых (8,2 %) в 1979 г. была выше среднереспубликанского показателя (7,4 %). В последующий период, т. е. в 1989 г. представленность башкир в этой отрасли также сохранила первенство и составила 9,8 %, при среднем показателе по республике – 8,4 % (см. таблица 1.2). К 2002 г. доля занятых в народном образовании существенно выросла и в среднем по республике составила почти 11 %. Выше этого уровня были показатели только у башкир (13,7 %) и марийцев (11,6 %). Ближе к республиканскому уровню были показатели чувашей – 10,6 % и татар – 10,1 %. Доля русских составляла 9,6 %, существенно уступая представителям других народов, проживающих в республике (см. таблица 1.3). Столь существенный рост башкир в народном образовании объясняется повсеместным внедрением в учебные программы всех типов школ башкирского языка. Это в свою очередь требовало увеличение количества учителей по башкирскому языку. С этой целью был увеличен прием студентов в вузы по башкирской филологии, что в свою очередь способствовало относительному и абсолютному росту башкир, занятых в системе народного образования в республике.

Значительная доля населения в республике была занята в сфере торговли и общественного питания. Официальные результаты переписи 1979 г. показывают, что трудовая занятость в данной отрасли занимала пятое место в общем распределении по отраслям народного хозяйства и составила 5,8 %, практически оставаясь к 1989 г. на этом же уровне (5,9 %). Выше среднереспубликанского

⁷⁵ Текущий архив Башкортостанстата. ВПН 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45 в.

показателя в этой отрасли в 1979 г. была занятость татар (6,9 %) и русских (6 %). Башкиры были представлены в меньшей степени (4,9 %) (см. таблица 1.2).

Несмотря на заметное прибавление (5,3 %) к 1989 г. башкиры все еще не дотягивали до среднего по республике уровня (5,9 %). Наибольшей, оставаясь стабильным удельным весом (6,9 %), занятостью в данной отрасли было представлено татарское население, превышая средний по республике показатель (см. таблица 1.2). В статистические данные переписи 2002 г. в пункт торговли и общественного питания были включены такие виды сервисного обслуживания населения – как оптовая и розничная торговля, ремонт бытовых товаров и предметов личного пользования, а также ремонт автомобилей и мотоциклов. Поэтому число занятых в данной отрасли стало существенно выше. В условиях рыночной экономики сервисное обслуживание заняло особо престижную отрасль для занятия бизнесом⁷⁶. В 2002 г. на эту сферу экономики приходилось 11,4 % из всего занятого населения республики. Наибольшую долю в этой отрасли составляли русские (12,9 %) и татары (12,5 %). Ниже среднего показатели имели башкиры – 8,9 %, чувашаи – 7,7 % и марийцы – 6,7 % (см. таблица 1.4). Представители «иных» национальностей, среди которых значительную часть в автосервисах и торговле представляют выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа, где традиционно занимались торговлей и сервисным обслуживанием, также составляли высокую долю (14,3 %) занятости в данной сфере, что существенно превышало среднереспубликанский показатель (см. таблица 1.4).

Одной из востребованных отраслей в народном хозяйстве выступает здравоохранение, в котором по данным переписи 1979 г. работало 4,4 % русских, 3,8 % татар и 3,2 % башкир. В 1989 г. наблюдалось увеличение общей доли в данной сфере до 4,5 %, при этом доля русских осталась почти неизменной (4,5 %). Но существенно выросла доля башкир – до 4,5 и татар – 4,6 %. В ходе переписи населения 2002 г. в данную отрасль при подсчете включили сферу социального

⁷⁶ *Ишемгулов М. Н., Камалетдинов, Д. А., Кульшарипов Ф. Р.* Трансформация этносоциальной структуры населения в полиэтничном Башкортостане в условиях рыночной экономики (1979 – 2010 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 2868.

обеспечения и физкультуру. Видимо, поэтому, общая доля занятых в данной отрасли повысилась до 6,9 % с общей численностью 115 852 чел. Из них теперь русские составили 6,3 %, уступая башкирам – 7,6 %, татарам – 7,7 %, марийцам – 6,7 % и чувашам – 6,5 % (см. таблица 1.4). В этом контексте следует отметить, что по обеспеченности врачами Республика Башкортостан в Российской Федерации в том году занимала 49-место⁷⁷.

Таблица 1.4 – Занятое население в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по видам экономической деятельности.

Динамика социально-профессионального состава населения *

Виды экономической деятельности							
	Всего по РБ	Русские	Башкиры	Татары	Марийцы	Чуваши	Другие
Все занятое население	1672385 100	627052 37,5	456 555 27,3	421675 25,2	41823 2,5	50292 3	745184,4
в том числе по видам экономической деятельности:							
Сельское хозяйство; охота и лесоводство	220481 13,2	36527 5,8	101 129 22,1	48 573 11,5	10786 25,8	12438 24,7	11 021 14,8
Рыболовство	292 0,01	140 0,02	92 0,02	52 0,01	4 0,01	0	4 0,005
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	67 212 3,8	21 431 3,4	20 247 4,4	19 098 4,5	2 593 6,2	1 435 2,8	2 408 3,2
Обрабатывающая промышленность	334 757 20	1630242 6	61 190 13,4	80 822 19,2	5 904 14,1	9 308 18,5	14351 19,3
Электроэнергия, газ и водоснабжение	46 447 2,8	21 808 3,5	9 597 2,1	10 964 2,6	905 2,2	1 169 2,3	2 004 2,7
Строительство	135 039 8,1	50 762 8,1	33 435 7,3	35 057 8,3	3 904 9,3	3 711 7,4	8 120 10,9
Торговля оптовая и розничная; ремонт автомобилей, мотоциклов; быт. товаров и предметов личного пользования	191 256 11,4	81 053 12,9	40 142 8,9	52 692 12,5	2 789 6,7	3 893 7,7	10 662 14,3
Гостиницы и рестораны	30231 1,8	11125 1,8	7704 1,7	8528 2	677 1,6	910 1,8	1287 1,7
Транспорт, складское хозяйство и связь	122374 7,3	53661 8,6	26601 5,8	30860 7,3	2173 5,2	3552 7,1	5502 7,4

⁷⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 243.

Финансовое посредничество	16032 1	6630 1,1	3654 0,8	4764 1,1	153 0,4	281 0,6	550 9,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда и деятельность коммерческая	48 939 2,9	223 47 3,6	10386 2,3	12148 2,9	909 2,2	1055 2,1	2080 2,8
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	75 267 4,5	26 357 4,2	21 757 4,8	21360 5,1	1276 3	1636 3,2	2867 3,8
Образование	181 701 10,9	59 967 9,6	62 468 13,7	42685 10,1	4844 11,6	5339 10,6	6354 8,5
Здравоохранение и социальные услуги	115 852 6,9	38 708 6,2	34 689 7,6	32441 7,7	2806 6,7	3291 6,5	3864 5,2
Прочие коммунальные, социальные и индивидуальные услуги	75 373 4,5	28 458 4,5	21 053 4,6	18927 4,5	1884 4,5	2061 4,1	2976 4
Частные домашние хозяйства с наемным обслуживанием	210 0,01	86 0,01	61 0,01	47 0,01	8 0,02	0	8 0,011
Экстерриториальные организации и органы	60 0,004	16 0,003	12 0,003	16 0,004	4 0,01	0	12 0,016
Нераспределенные по видам деятельности и неточно указавшие вид деятельности	10 862 0,6	4 952 0,8	2 338 0,5	2 641 0,6	204 0,5	213 0,4	448 0,6

*Таблица составлена по материалам текущего архива Башкортостанстата.

Социально-классовая структура российского общества формировалась в процессе масштабных государственно-политических и социально-экономических преобразований 1990-х гг. На этом фоне происходило исчезновение одних социальных групп и возникновение новых социальных слоев, что значительно усилило многомерность стратификационных процессов. В свою очередь «трансформация современного российского общества привела к активизации множества этносоциальных процессов, а прогрессирующее социальное расслоение, неизбежное в период системной трансформации, в полиэтничном обществе, сопровождается и этносоциальной дифференциацией»⁷⁸. За период коренных

⁷⁸ Асланов Ш. С. Трансформация этносоциальной структуры Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2009. С. 8.

изменений в экономике России практически не появилось новых профессий, и сохранились пропорции между основными профгруппами на производстве⁷⁹.

Следует проследить особенности трансформации этносоциальной структуры до этапа перехода к рыночным отношениям. Например, в 1979 г. порядка 5,5 % от занятого населения республики работали в сфере транспорта. Из всех этнических групп только русские (6,8 %) превышали среднереспубликанский показатель. При этом представленность башкир в данной отрасли была в два раз меньше (3,4 %), чем у русских. Несмотря на существенное повышение доли башкир, занятых в данной отрасли к 1989 г. (4,4 %) они все еще не дотягивали до среднереспубликанского уровня (6 %), как и татары (5,8 %) (см. таблицы 1.2).

В переписи 2002 г., учитываемые в 1989 г. отдельно такие сферы, как связь, материально-техническое снабжение и сбыт, были объединены в одну сферу и ее показатели существенно выросли. Теперь уже численность работников этой отрасли составляла 122 374 чел, при их удельном весе от всех занятых 7,3 % (см. таблица 1.4). Более 40 процентов работников этой отрасли составляли русские, хотя из общего числа русских в этой сфере работало всего 8,6 %. В системе транспорта и связи работало 30 860 татар (25,2 %), 26 601 башкир (21,7 %), 3 552 чувашей (2,9 %), 2 173 марийцев (1,7 %) и 5 502 представителей других национальностей (4,5 %) (см. таблица 1.4).

За эти годы претерпела существенные изменения внутренняя структура самих рабочих. Если в советских переписях учет велся только в одном общем показателе промышленности, то по переписи 2002 г. учитывались разные отрасли промышленности.

В процессе изучения социально-стратификационных процессов в рассматриваемом регионе исследователи установили, что «при переходе к рыночным отношениям не все народы были в равных условиях. По их мнению,

⁷⁹ Шкаратан О. И., Тихонова Н. Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России: Социология, этнология. 1996. Т. 5. № 1. С. 125.

русские и татары имели более благоприятные позиции, чем представители титульного этноса»⁸⁰.

В контексте нашего исследования отдельное внимание уделяется проблеме социальной стратификации, к основным показателям которой относятся два важных аспекта: во-первых, удельный вес представленности этнической группы в той или иной сфере экономики от занятого населения данной национальности и, во-вторых, ее удельный вес в отдельно взятой сфере народного хозяйства в сравнении с другими этносами рассматриваемого региона. Например, из всех рабочих в сфере обрабатывающей промышленности башкиры составили 18,3 %, при среднереспубликанском показателе 20 %. Из числа всех занятых башкир 13,4 % работали в обрабатывающей промышленности, тогда как почти половину рабочих данной отрасли составляли русские (48,7 %) и четверть (24,1 %) – татары. Хотя в данной отрасли из всех русских работало 6 %, из всех татар – 19,2 % (см. таблица 1.4)

Наибольшей долей башкиры в республиканском масштабе были представлены в области народного образования – 34,4 %, хотя из всех башкир в системе образования работали 13,7 % представителей титульной этнической группы, а среди специалистов в сфере образования – 6,5 %. При этом среди башкир в системе народного образования доля женщин составляла 80 %⁸¹.

Сравнительный анализ данных переписи населения 2002 г. показал, что самой высокой долей (если рассматривать все сферы профессиональной деятельности) башкиры представлены среди руководителей органов местного самоуправления (50,1 %). В области научных исследований (включая разработки в системе здравоохранения) их представленность равнялась 45,1 %, где доля татар составляла 24 %, а доля русских всего лишь 19,2 %. Каждый второй из пяти башкир (41,2 %) занимал должность руководителя органов власти и управления,

⁸⁰ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 2002. С. 303–305.

⁸¹ Текущий архив Башкортостанстата. ВПН 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в.

тогда как удельный вес русских составлял – 25,1 %, татар – 24,2 %, что в 1,7 раза ниже, чем у башкир (см. таблица 1.5).

Таблица 1.5 – Распределение этнических групп по видам экономической деятельности в возрасте 15-64 лет (количество и в % к данной отрасли) *

Виды экономической деятельности	Всего по РБ	Башкиры	Русские	Татары	Марийцы	Чуваши
Все занятое население	1672385 100	456555 27,3	627052 37,5	421675 25,2	41823 2,5	50 292 3
в том числе по видам экономической деятельности:						
Руководители учреждений, организаций и предприятий	180 571 10,8 %	40 788 22,6	76 722 42,5	47 566 26,3	2 177 5,2	3 448 6,8
Руководители (представители) органов власти и управления	4 540 0,3	1 869 41,2	1 141 25,1	1 099 24,2	104 2,5	133 2,9
Руководители органов местного самоуправления	1 639 0,1	820 50,1	308 18,8	309 18,8	60 3,7	77 4,7
Руководители подразделений (служб)	176 031 10,5	38 919 22,1	75 581 42,9	46 467 26,4	2 073 1,2	3 315 1,9
Специалисты в области естествен.и технических наук	56 118 3,3	9 664 17,2	29 354 52,3	13 117 23,4	502 0,9	796 1,4
Здравоохранения	34 539 2,1	11 121 32,2	10 787 31,2	10 030 29	604 1,7	830 2,4
Научные исследования и разработки в здравоохранении	5 151 0,3	2 325 45,1	991 19,2	1 235 24	205 4	237 4,6
Специалисты в области образования	84 668 5,1	29 752 35,1	27 385 32,3	20 139 23,8	2 210 2,6	2 262 2,7
Специалисты по экономической деятельности	18 937 1,1	3 722 19,7	8 633 45,6	5 549 29,3	133 0,7	220 1,2
Деятели литературы и искусства	7 626 0,4	2 849 37,6	2 550 33,4	1 725 22,6	112 1,5	112 1,5
Специалисты среднего уровня квалификации	211 912 12,7	56254 26,5	81 795 38,6	56 062 26,4	3 959 1,9	5 548 2,6
Рабочие лесного, охотничьего хоз-в, рыбовод-ва и рыбол-ва, имеющ. рыноч. ориентацию	50 772 3	24015 47,3	7 962 15,7	10 362 20,4	2 659 5,2	3 138 6,2
Строительство, транспорт, связь, худож. пром. геология	283 250 16,9	68446 24,2	116 642 41,2	67 946 24	8 275 2,9	9 041 3,2
Рабочие металлообработыв-й и машиностроит. промышлен-ти	148 183 8,9	31826 21,5	67 092 45,3	35 110 23,7	3 464 2,3	4 563 3,1
Работники сферы	196 566	49875	74 184	53 016	4 466	5 565

обслуживания и родств.-х видов деятельности	11,7	25,4	37,7	27	2,3	2,8
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	294 990 17,6	83 628 28,3	103 034 34,9	76 466 25,9	8 652 2,9	10 670 3,6
Неквалифицированные рабочие	174 248 10,4	57499 33	55618 31,9	38 665 22,2	7 036 4	6 944 3,9
Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	132 539 7,9	40 010 30,2	45 885 34,6	30 052 22,7	5 019 3,8	5 154 3,9
Домашняя прислуга, уборщики квартир и родствен. профессии	2 975 0,2	854 28,7	1 154 38,8	621 20,9	81 2,7	112 3,7

*Таблица составлена по материалам текущего архива Башкортостанстата. Данные ВПН 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в.

Если с одной стороны, доля башкир в управленческой службе органов государственной власти, системе образования и здравоохранения не только превышала доли в этнической структуре населения, опережая по многим показателям русских и татар, то «среди неквалифицированных рабочих (33 %), а также среди такой категории работников как операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин доля башкир была выше (28,3 %), чем у представителей других этнических групп, за исключением русских (34,9 %)»⁸².

Особенно высокой была доля башкир среди рабочих в сфере лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющих рыночную ориентацию, в которой они составляли немногим менее половины рабочих этой отрасли – 47,3 %.

Из всех отраслей экономики наибольшую долю в общей численности неквалифицированных рабочих, естественно, в силу высокого удельного веса в общей структуре населения республики, составили русские – 34,6 %. В сфере обрабатывающей промышленности наиболее высокую долю неквалифицированных рабочих составили башкиры (33 %), опережая даже русских (31,9 %). При этом доля татар, работающих в данной отрасли составляла лишь – 22,2 % (см. таблица 1.5).

⁸² *Ишемгулов М. Н.* Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1979-2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань. 2022. С. 191.

В связи с этими данными, авторы этносоциологического исследовательского проекта, проведенного под руководством Л.М. Дробижевой отмечали, «что результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. рельефно показывают, что среди башкирского населения в республике сложилась ярко выраженная этносоциальная дифференциация, которая проявилась еще в начале 2000-х гг.». Эти данные также коррелируют с результатами этносоциологических опросов, проведенных в Республике Башкортостан под руководством Ф. Г. Сафина (2002 и 2014 гг.) и А. И. Халиулиной (2018 и 2019 гг.)⁸³

По материалам переписи 2002 г. 19,8 % марийцев и 16,4 % чувашей были заняты в сфере строительства, транспорта, связи, что также коррелирует с данными этносоциологического опроса, проведенного среди марийского и чувашского населения в 2021 г. Согласно данным опроса, доля представителей этих этнических групп в сфере строительства, транспорта, связи составляла соответственно 17,8 % и 14,5 %. Тем не менее удельный вес занятых представителей этих групп в данной отрасли не превышал более 3 %⁸⁴.

Из общего количества продавцов магазинов, демонстраторов товаров и одежды, а также продавцов палаток и рынков русские составили 39 %, татары – 28 %, башкиры – 23 %⁸⁵.

Относительно низко, по сравнению с русскими, башкиры представлены среди рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности – 21,5 %, а также в строительстве, транспорте, связи, художественной промышленности и геологии – 24,2 %, в которых доля татар составила – 24 %, а русских – 45,3 % и 41,2 %. Значительная часть башкир, хотя и небольшая, работала в сфере сервисного обслуживания автотранспорта, бытовых товаров и предметов личного пользования, в оптовой и розничной торговле – 8,9 %, а также была представлена среди работников транспорта и связи – 5,8 %. Весьма

⁸³ Алексеев С. С., Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа, 2018. 187 с.

⁸⁴ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

⁸⁵ Текущий архив Башкортостанстата. ВПН 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в.

незначительная часть башкир (1,7 %) работала в ставшей престижной в условиях рыночной экономики сфере сервисного обслуживания в гостиницах и ресторанах. Здесь общая доля башкир составляла четверть всех работников данной сферы (25,5 %) ⁸⁶, «при этом женщины-башкирки составили 88,7 % работников этой сферы» ⁸⁷.

Из общего числа специалистов в области образования, работающих в этой сфере в качестве преподавателей высших учебных заведений, а также средних профессиональных учебных заведений – техникумов и колледжей, учителей средних школ, самый высокий удельный вес имели башкиры – 35,1 %, незначительно превышая русских – 32,3 % и по большей части опережая татар – 23,8 %. Доля занятых в системе образования внутри этнической группы (башкир) равнялась 6,5 % ⁸⁸.

Более глубокий анализ занятости башкир по отраслям экономики показывает, что высокая доля башкир представлена в сфере гуманитарного профиля, прежде всего, в органах власти и управления (41,2 %), здравоохранении (32,2 %) и руководящих должностях в органах местного самоуправления (50,1 %), значительно превышая долю других этнических групп, проживающих в республике и занятых в данной сфере.

На это также обратили внимание исследователи федеральных научных институтов, отмечавших, что «в постсоветский период в национальных республиках наметилась тенденция роста численности представителей титульного этноса во властных структурах, в политической и социальной сферах жизнедеятельности» ⁸⁹.

В сферах, непосредственно связанных с хозяйственной деятельностью, наибольший удельный вес имели русские. Среди руководителей организаций и

⁸⁶ Башкиры в начале XXI века: стат. сб. Уфа, 2008. С. 174.

⁸⁷ *Ишемгулов М. Н.* Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1979–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2022. С. 156.

⁸⁸ Текущий архив Башкортостанстата. ВПН 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в.

⁸⁹ Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. *Л. М. Дробижеева*. М., 1998. С. 103.

предприятий, директоров заводов, а также многих учреждений и компаний доля русских составляла две пятые части (42,5 %) данного корпуса. Более четверти руководителей в этой группе были представлены татарами – 26,3 %. Доля башкир (22,6 %) почти в два раза уступала показателю русских. При этом в данной сфере работало всего 8,9 % всех башкир при среднереспубликанском показателе – 10,8 %⁹⁰.

Высокий удельный вес башкир в таких отраслях, как образование (34,4 %), здравоохранение (32,2 %), культура и искусство (37,6 %) объясняется тем, что в течение многих лет (с начала 1990-х гг. до сегодняшнего времени) численность студентов из их числа в ряде профильных вузах республики составляла весьма высокую долю. Например, «в 2010 г. доля башкир среди студентов БГМУ, обучавшихся на 1 курсе на бюджетной основе, составляла половину от всего контингента – 50,5 %, тогда как русских – 12,8 %»⁹¹. Согласно материалам переписи 2010 г., из всех стипендиатов на долю башкир приходилось 38,1 %, тогда как на долю русских – 26,1 % и татар – 26,6 %⁹². Также следует отметить, что «несмотря на созданные приоритетные условия приема в вузы республики представителей титульного этноса, этносоциальная дифференциация по доле специалистов с высшим образованием проявляется особенно заметно. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. доля лиц с высшим образованием на 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше у башкир равнялась 142 чел., тогда как у украинцев – 194 чел., татар – 183 чел., русских – 181 чел.»⁹³.

⁹⁰ Архив ТО ФСГС по РБ. Отдел статистики населения и здравоохранения. Дело №10-1/П.

⁹¹ Архив Министерства образования Республики Башкортостан. Фонд – 798, Отдел статистики; См. также: Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана на рубеже XX – XXI вв. / Под ред. Ф. Г. Сафина. Уфа, 2014. С. 70; Сафин Ф. Г., Халиуллина А. И., Алексеенко С. С. Динамика этносоциальной структуры и социального самочувствия населения в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 443.

⁹² Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. С. 28–33.

⁹³ Там же. С. 17–23; см. также: Сафин Ф. Г., Халиуллина А. И., Алексеенко С. С. Динамика этносоциальной структуры и социального самочувствия населения в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 443.

При этом доля лиц с высшим образованием резко отличается между городским и сельским населением. Если в 1989 г. в городах на 1000 чел. работающего населения приходилось 121 чел., то в сельской местности всего 61 чел. Вместе с тем в городах доля башкир с высшим образованием намного выше, чем у других этнических групп, превышая даже русских⁹⁴.

В Республике Башкортостан, как и в целом по стране, сохранилось превышение численности женщин над численностью мужчин. По данным переписи 2002 г. число женщин в регионе равнялось 257,9 тыс. человек, а по итогам переписи 2010 г. этот показатель вырос до 265 тыс. человек. Если в среднем по России на 1 тыс. мужчин приходится 1163 женщины, то в Башкортостане соответственно 1139 женщин. Необходимо обратить внимание на разрыв между соотношением обоих полов, который с одной стороны главным образом проявляется в городах и с другой стороны у этнических групп проживающих преимущественно в городском типе поселения. В наибольшей степени этот разрыв проявляется у следующих этнических групп: у украинцев – 1212 женщины на 1000 мужчин (74,2 % городского населения), у мордвы – 1164, у белорусов – 1179 (58,8 % и 54,9 % горожан, соответственно) и у русских – 1180 (76,7 %). В большей мере выравненная ситуация отмечается среди марийцев – 1097 женщин на 1000 мужчин (66,3 % сельского населения), чувашей – 1123 (57,1 %) и башкир – 1126 (59,3 %)⁹⁵.

В контексте вышеизложенного важно подчеркнуть, что в возрастной структуре народов региона (башкир, татар и русских) наблюдаются некоторые различия (см. таблица 1.6). Возрастной состав включает три основные группы (моложе трудоспособного, трудоспособное и старше трудоспособного). Так, у башкир прослеживается наибольший удельный вес лиц моложе трудоспособного населения (20,1 %), в отличие от русских – 18,2 % и татар – 17 %. Наибольшая доля трудоспособного населения отмечена у татар – 63 %, тогда как у башкир она составляла 57,7 % и у русских – 59,7 %. В среднем по региону пропорция возрастных

⁹⁴ Уровень образования населения БАССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: стат. сб. Уфа, 1990. С. 40–41.

⁹⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. С. 8–16.

групп равна: моложе трудоспособного – 18,2 %, трудоспособного – 61,6 % и старше трудоспособного – 20,2 %, соответственно⁹⁶.

Таблица 1.6 – Структура населения по возрастным группам (в %) *

	Все население			Башкиры			Русские			Татары		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Все население	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе в возрасте:												
моложе трудоспособного	26,7	21,3	18,2	29,3	24,3	20,1	26,8	19,7	18,2	26,1	20,6	17
трудоспособном	56	59,4	61,6	56,5	57,7	61,7	54,7	59,7	59,9	56,9	60,9	63
старше трудоспособного	17,3	19,3	20,2	14,2	18	18,2	18,5	20,5	21,9	17	18,4	20

*Таблица составлена по материалам текущего архива Башкортостанстата.

Таким образом, итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. показывают, что рыночные отношения внесли определенные коррективы в социально-профессиональную структуру населения полиэтнического Башкортостана⁹⁷.

Этносоциальная структура населения прошла заметную трансформацию в период становления и развития рыночных отношений в стране, которая была связана с появлением новых форм собственности и глубокими переменами в системе занятости этнических групп. Если одни этносы практически продолжали работать в той или иной отрасли, то другие адаптировались к условиям рынка и осуществили переход в «новую» для себя сферу трудовой деятельности.

Если башкиры высокий удельный вес имели в таких отраслях, как образование (34,4 %), здравоохранение (32,2 %), культура и искусство (37,6 %), то русские в сфере промышленности и в наукоемких отраслях. Среди руководителей организаций и предприятий, директоров заводов, а также многих учреждений и компаний доля русских составляла двух пятую часть (42,5 %) данного корпуса.

⁹⁶ Там же. С. 9–11.

⁹⁷ Ишемгулов М. Н., Камалетдинов, Д. А., Кульшарипов Ф. Р. Трансформация этносоциальной структуры населения в полиэтничном Башкортостане в условиях рыночной экономики (1979–2010 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 2869.

Более четверти в этой группе были представлены татарами – 26,3 % и только 22,6 % – башкирами (см. таблица 1.5).

Значительная часть населения, хотя и небольшая, работала в сфере сервисного обслуживания автотранспорта, бытовых товаров и предметов личного пользования, в оптовой и розничной торговле (11,4 %) (см. таблица 1.5). Весьма незначительная часть занималась ставшей престижной в условиях рыночной экономики в сфере сервисного обслуживания в гостиницах и ресторанах. Например, общая доля башкир (25,5 %) и татар (27 %) составляла четверть всех работников данной сферы, тогда как русские (37,7 %) опережали их более чем на 10 % (см. таблица 1.6).

Таким образом, заметные изменения социально-профессионального состава населения рассматриваемого региона отражают особенности социальной формы профессионального разделения труда между разными этническими группами. Необходимо отметить, что распад Советского Союза и строительство новой модели экономики в российском государстве оказали существенное влияние на представленность этнических групп в той или иной отрасли экономики. Наиболее глубокие изменения произошли в сфере промышленности и сельского хозяйства, в которых наблюдалось резкое сокращение доли занятых в этих отраслях. Увеличение занятых произошло в сфере обслуживания, торговли и близких к ним секторах, имеющих рыночную ориентацию.

§ 1.2. Синхронный срез этносоциальной стратификации в Башкортостане на современном этапе

Данные этносоциологического опроса, позволившие провести анализ занятости этнических групп по видам экономической деятельности, в целом коррелируют с результатами переписи населения. Заккрытие многих заводов и фабрик, предприятий обрабатывающей промышленности, а также кризис в сельском хозяйстве в условиях рыночной экономики подтолкнули население к занятию в наименее трудоемких отраслях, или же в такой сфере как обслуживание. Как

выяснилось в ходе опроса 2018 г., наибольший удельный вес занятых, независимо от этнической принадлежности, приходился на сферу обслуживания и родственных ей видов деятельности. В данной сфере были заняты русские (14,5 %), немного опережая башкир (12,7 %) и татар (11,2 %), но существенно уступая представителям «иных» этнических групп (23,6 %). Среди последних, наиболее высокой была доля марийцев и чувашей, которая составила, соответственно – 27,4 % и 20,5 %⁹⁸.

Башкортостан имеет один из высоких показателей в сфере строительства. Даже в начале 2000-х гг. в республике возводилось более 1,5 млн кв. м. жилья. К началу второго десятилетия этот показатель существенно вырос. Поэтому значительная часть населения трудилась в данной сфере. С учетом того, что строительство, транспорт, связь учитываются в общей графе, естественно показатели получаются немного завышенными, чем, например, только в одной из указанных сфер. Как выяснилось в ходе опроса, в данной отрасли работало 11,2 % русских, 10,3 % башкир и 7,3 % татар. Среди «иных» этнических групп показатели занятости в строительстве и транспорте были существенно выше, например, составляя среди марийцев 17,8 % и среди чувашей – 14,5 %⁹⁹.

Достаточно высокой, как и по данным переписи 2002 г., оставалась представленность этнических групп в сфере образования. Наибольшую долю в сфере образования, как и прежде, составили башкиры – 12,7 %, татары – 14,3 %, представители «иных» национальностей – 12,5 % и замыкали русские – 11,2 %¹⁰⁰. Вместе с тем, следует отметить, что среди занятых в сфере образования были не только педагоги и учителя, но и множество работников, обслуживающих данную сферу: уборщицы, кочегары, водители, сторожа и другой персонал. В этом смысле, проживающие в сельской местности с высоким удельным весом, марийцы, удмурты и чуваша также внесли свою лепту в удельный вес занятых в сфере образования. Во многих сельских населенных пунктах с преобладающим населением указанных

⁹⁸ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Текущий архив Башкортостанстата. ВПН 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15-64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в.

национальностей сохранились школы, которые продолжали функционировать и после перевода их на подушное финансирование в зависимости от количества учащихся. В связи с переходом на данный вариант финансирования многие сельские малокомплектные школы, особенно в татарских и башкирских населенных пунктах, были закрыты под видом оптимизации. Общеобразовательные школы в сельской местности со значительной долей удмуртского, марийского и чувашского населения смогли избежать процесса оптимизации и сохранили определенный контингент работников, занятых в сфере образования.

Вместе с тем, сфера образования остается одной из конкурирующих отраслей. Она в некоторой степени является местом пересечения профессиональных интересов представителей разных этнических групп. Если на селе такая конкуренция не особо заметна, т. к. многие села являются моноэтническими, то в районных центрах и особенно в городах такая конкуренция имеет место быть. Более того, обязательное изучение башкирского языка во всех школах республики дает преимущество быть принятым на работу, прежде всего, носителям башкирского языка, что имплицитно означает – приоритет башкир в этом контексте.

Также обращает на себя внимание уровень работников, занятых в сфере сельского хозяйства. Несмотря на сохранившуюся значительную долю сельских жителей в республике, количество работающих в сфере сельского хозяйства резко сократилось. Это, прежде всего, было связано с банкротством многих колхозов и совхозов, а также неразвитостью фермерских частных хозяйств, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции. В этом отношении, немногим более 4 % опрошенных, независимо от этнической принадлежности (за исключением татар), отметили, что их род деятельности связан с сельским хозяйством¹⁰¹. В ходе проведения этносоциологического опроса среди сельских жителей, многие респонденты жаловались на отсутствие работы на селе. Большое число молодежи также вынуждено работать вахтовым методом в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях, хотя постоянное их место жительства, а

¹⁰¹ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

также место проживания их семей, в том числе детей дошкольного и школьного возрастов – это сельская местность региона.

В ряде сельских населенных пунктов с преобладающим удмуртским и марийским населением, в которых сохранились «колхозы», доля работающих в сфере сельского хозяйства была значительно выше и существенно превышала среднереспубликанский показатель. Так, по результатам этносоциологического опроса населения были получены следующие данные: более 13 % удмуртов, особенно проживающие в Татышлинском районе Республики Башкортостан, отметили, что они работают в сфере сельского хозяйства, а также в лесном и охотничьем хозяйствах¹⁰². Заметим, что в Татышлинском районе удмурты составляют 21,5 % от всех жителей района¹⁰³, в котором практически сохранились «колхозы», преобразованные в крестьянские фермерские хозяйства (КФХ), что позволяет успешно трудиться местному населению, не выезжая в другие регионы. Это в свою очередь позволяет молодежи вести индивидуальное строительство и обзавестись собственными домами.

Часть сельских жителей имеет личные подсобные хозяйства и занимается разведением домашних животных и выращиванием овощей и фруктов не только для личного пользования, но и для реализации на рынке. В этом отношении некоторые жители специализируются в определенной сфере: имеют тепличные хозяйства, выращивают овощи для оптовых поставок и розничной торговли, имеют животноводческие построения для выращивания крупного рогатого скота, разведения лошадей, а также возделывания кумыса.

В машиностроительной промышленности на современном этапе, наряду с русскими и татарами, увеличилась доля башкир (6,3 %), а также представителей «иных» национальностей (9,7 %). Среди последних преобладали украинцы, мордва и чуваша. Относительно «высокая» доля башкир в сфере машиностроительной и обрабатывающей промышленности объясняется тем, что их значительная часть

¹⁰² Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

¹⁰³ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. С. 153.

башкир переехала в города и устроилась в востребованные на заводах вакантные рабочие места. Часть русских и татар, которая составила в советское время основной контингент рабочих данных отраслей, вышла на пенсию, а их дети, хотя и сохранили рабочие семейные традиции, выбрали более престижные места для трудоустройства, получив высшее образование. Часть вчерашних сельских марийцев и особенно чувашей, например, в горнодобывающей промышленности и разработке карьеров составили соответственно 2,7 % и 3,6 %. Определенной долей чуваша и марийцы также были представлены в обрабатывающей и металлообрабатывающей промышленности – свыше 3,5 %¹⁰⁴.

Необходимо отметить, что рыночные отношения особенно рельефно проявились в сфере торговли и общественного питания. Появились новые базы оптовой торговли, которые в свою очередь стали центрами по расширению и развитию торговой сети в целом по стране. Открытие новых торгово-развлекательных центров и сервисных комплексов требовало включения в эту сферу части людских резервов. Данная сфера с периода «дикого капитализма» прошла эволюцию совершенствования и приобрела в настоящее время новый облик торгово-экономических отношений. Как показывают данные этносоциологических опросов, сфера оптовой и розничной торговли стала одной из востребованных отраслей экономики и занимает ведущую позицию в социально-профессиональном распределении по роду занятий. Так, в данной отрасли были заняты около четверти населения региона (7,9 % башкир, 6,6 % татар, 4,5 % русских и 6,9 % респондентов «иных» национальностей)¹⁰⁵. Сопоставление этих показателей с данными переписи Всероссийской переписи 2002 г. указывает на произошедшее существенное сокращение занятых в сфере оптовой и розничной торговли. Такое сокращение легко объясняется, во-первых, произошедшими циклическими кризисами, особенно в сфере торговли. Во-вторых, мелкая торговля была поглощена крупными торговыми гигантами. И, в-третьих, государство в какой-то степени навело порядок в данной сфере,

¹⁰⁴ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

¹⁰⁵ Этносоциологический опрос, ноябрь 2018 г.

упорядочив деятельность частных торговцев, например, прежде всего, потребовав установления элементарных кассовых аппаратов, регистрации в налоговых органах в качестве индивидуальных предпринимателей, занимающихся торговлей и закрыв стихийные рынки. В данной сфере особенно масштабно работают выходцы из Северного Кавказа – азербайджанцы и армяне, а также из Средней Азии – узбеки и таджики. В регионе имеются целые оптовые торговые базы представителей даже из Дальнего Зарубежья, например, вьетнамцев.

Одним из направлений экономики является сфера электроэнергетики, газового обслуживания и водоснабжения. В целом по республике, по данным опроса, 4,8 % респондентов отнесли себя к работникам указанной сферы. Как известно данная отрасль не нуждается в значительном количестве трудящихся, но все же определенная доля опрошенных лиц из числа башкир (4 %), татар (4,1 %), русских (2,8 %), а также представителей «иных» национальностей (8,3 %) отметила, что они являются работниками данной сферы профессиональной деятельности (см. таблица 1.7). Из числа респондентов «иных» национальностей об этом заявила высокая доля удмуртов (9,2 %) ¹⁰⁶.

Таблица 1.7 – Результаты этносоциологического опроса
«К какой отрасли экономики относится род вашего занятия»? *

	Варианты ответов	Башкиры	Татары	Русские	Другие
1.	Сельское хозяйство, охота и лесоводство, фермерское хозяйство	4,8	2	4,5	4,2
2.	Рыболовство	2,4	1	1,7	2,8
3.	Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	1,6	7,1	1,1	4,2
4.	Обрабатывающая, металлообрабатывающая промышленность	4	2	2,8	1,4
5.	Машиностроительная промышленность	6,3	4,6	6,1	9,7
6.	Электроэнергия, газ и водоснабжение	4	4,1	2,8	8,3
7.	Строительство	4,8	3,1	6,7	4,2
8.	Торговля оптовая и розничная	7,9	6,6	4,5	6,9
9.	Ремонт автомобилей, мотоциклов; бытовых товаров и предметов личного пользования	0,8	0,5	1,7	0,1
10.	Гостиницы, хостел	0,8	0,9	1	0,2

¹⁰⁶ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

11.	Рестораны, кафе, заведения быстрого питания	1,6	1,9	2,8	4,2
12.	Транспорт	3,2	2	3,4	0,4
13.	Связь, интернет обеспечение	0,1	2	1,7	1,4
14.	Материально-техническое снабжение и сбыт	0,2	1,5	1,7	1,4
15.	Заготовки	0	0,5	1,1	1,4
16.	Финансовое посредничество	3,2	0,5	1,7	0,1
17.	Операции с недвижимым имуществом, аренда и деятельность коммерческая	0,1	1	0,6	0,1
18.	Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	0,8	3,6	1,1	1,4
19.	Партийные и общественные организации				
20.	Геология	1,6	0,5	1,1	0,2
21.	Образование	12,7	14,3	11,2	12,5
22.	Здравоохранение	2,4	2	3,9	0,3
23.	Физкультура и социальное обеспечение, фитнес-центры.	0,8	0,5	0,6	1,4
24.	Культура и искусство	1,6	0,5	0,1	4,2
25.	Управление	0,8	0,7	0,6	1,4
26.	Жилищно-коммунальное хозяйство	0,8	0,5	2,2	0,1
27.	Менеджмент	0,9	1	1,7	1,4
28.	Общепит, комбинаты общего питания	0,9	1,5	0,6	2,8
29.	Сетевой маркетинг	0,8	0,7	0,9	1,4
30.	Индивидуальное предпринимательство	0,3	2	0,6	2,8
31.	Интернет-бизнес	0,2	0,5	0,6	1,4
32.	Кредит и государственное страхование	2,4	2,5	2,9	1,4
33.	Сфера обслуживания и родственные виды деятельности	6,3	4,6	6,1	9,7
34.	Частные домашние хозяйства с наемным обслуживанием	1,4	1	1,8	0,05
36.	Прочие коммунальные, социальные и индивидуальные услуги	1,6	3,1	1,7	0,9
37.	Нераспределенные по видам деятельности и неточно	2,4	4,1	5,6	0
38.	Нет ответа	17,5	21,4	17,9	9,7

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Одной из отраслей народного хозяйства, в которой переплетаются конкурирующие интересы представителей этнических групп в Республике Башкортостан, остается сфера здравоохранения. Несмотря на ряд особенностей подготовки кадров для этой отрасли, она из года в год остается труднодоступной сферой для будущего трудоустройства уже в ходе поступления в медицинские учебные заведения из-за жесткой конкуренции между абитуриентами разных национальностей. В этом смысле Кабинетом Министров Республики Башкортостан еще в начале 1990-х гг. было принято решение о выделении определенных квот для районов с башкирским населением для поступления в ВУЗы республики. Эти меры жестко контролировались со стороны руководства республики и строго исполнялись

ректорами ВУЗов. Например, в Башкирском государственном медицинском университете (БГМУ) в 2010 г. доля башкир, обучающихся на бюджетной основе достигла более половины от всего контингента студентов (50,5 %), тогда как удельный вес русских составил всего лишь 12,8 %¹⁰⁷. Широкое распространение лиц еврейской и русской национальности среди специалистов медиков в советский период сменилось в постсоветское время широким охватом студентов из числа лиц «коренной» национальности. Несмотря на приоритетное принятие в медицинские учебные заведения представителей титульной национальности, в медицинских учреждениях все еще преобладали русские. В ходе этносоциологического опроса населения выяснилось, что в сфере здравоохранения, физкультуры и социального обеспечения из числа представителей русских работали 4,5 %, башкир – 3,2 % и татар – 2,5 %¹⁰⁸. В связи с учетом сферы здравоохранения в одном пункте с такими направлениями как социальное обеспечение, физическая культура и оздоровительные центры, а также фитнес-клубы, доля русских по сравнению с представителями других национальностей была выше. Поскольку такие центры и клубы были в основном в столице региона и больших городах, то зачастую их организация и функционирование осуществлялись с использованием капитала не только местных предпринимателей, но и бизнесменов из других регионов страны.

Если в 1979 году доля башкир в системе здравоохранения была одной из низких (3,2 %), по сравнению с русскими (4,4 %) и даже татарами (3,5 %) (см. таблица 1.2), то в 2002 г. данный показатель у башкир вырос более, чем в два раза, составив 7,6 %, заметно опережая русских – 6,2 % (см. таблицы 1.4 – 1.5). Но при этом, наибольшая доля работников по экономической деятельности, занятых в сфере здравоохранения, отмечалась у русских – 5,6 %, существенно превышая татар – 2 % и башкир – 3,2 % (см. таблица 1.8).

¹⁰⁷ Архив Министерства образования Республики Башкортостан. Отдел статистики. Фонд – 798, Опись 9; См. также: Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана на рубеже XX – XXI вв. / Под ред. *Ф. Г. Сафина*. – Уфа, 2014. – С. 70.

¹⁰⁸ Этносоциологический опрос, ноябрь 2018 г.

Таблица 1.8 – Результаты этносоциологического опроса

«К какому виду экономической деятельности относится род вашего занятия?» *

	Варианты ответов	Башкиры	Татары	Русские	Другие
1.	Руководители учреждений, организаций и предприятий	4,8	8,2	3,9	6,9
2.	Руководители (представители) органов власти и управления	0,8	1	0,6	0
3.	Руководители органов местного самоуправления	4	0,1	0,6	0
4.	Руководители подразделений (служб)	2,4	3,1	1,1	4,2
5.	Специалисты в области естественных и технических наук	1,6	3,1	3,9	6,9
6.	Здравоохранение	3,2	2	5,6	1,4
7.	Научные исследования и разработки в здравоохранении	0,8	2	1,1	2,8
8.	Специалисты в области образования	9,5	12,2	12,3	8,3
9.	Специалисты по экономической деятельности	4	5,1	5	4,2
10.	Деятели литературы и искусства	3,2	2	0,9	1,4
11.	Специалисты среднего уровня квалификации	9,5	10,7	10,6	11,1
12.	Рабочие рыбоводства и рыболовства	2,4	0	0	0
13.	Строительство, транспорт, связь, худож., пром., геология	10,3	7,1	11,2	4,2
14.	Рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	4	2,6	4,5	5,6
15.	Работники сферы обслуживания и родственных видов деятельности	12,7	11,2	14,5	23,6
16.	Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	1,6	7,7	5	2,8
17.	Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	0,8	6,1	3,4	2,8
18.	Домашняя прислуга, уборщики квартир и родственные профессии	3,2	1	1,1	2,8
19.	Нет ответа	21,4	13	15,1	10

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Опрос также практически подтвердил высокий уровень представленности башкир среди руководителей органов местного самоуправления – 4 %, существенно опережая татар – 1 % и русских – 0,6 %. Башкиры (0,8 %) также, больше, чем русские (0,6 %) входили в группу руководителей органов власти и управления, но в тоже время, уступая татарам (1 %) (см. таблица 1.8). При этом, среди руководителей учреждений, организаций и предприятий, т. е. директорского корпуса, башкиры (4,8 %) существенно уступали татарам (8,2 %), респондентам «иных» национальностей (6,9 %), но немного опережали русских

(3,9 %) (см. таблица 1.8). Учитывая, что такая должность, как директорский корпус является одним из ресурсных рычагов во власти, экономической и материальной области, то он выступает одной из конкурирующих сфер в этносоциальной стратификации.

Поэтому активисты и лидеры башкирских национально-культурных организаций всегда болезненно реагировали на проблему расстановки кадров и ставили вопрос перед руководством республики о необходимости назначения лиц башкирской национальности в руководящие органы исполнительной и законодательной власти, а также в промышленные предприятия и учреждения.

Среди специалистов в области естественных и технических наук наибольшая доля была отмечена среди респондентов «иных» национальностей (6,9 %). Хотя, из всех работников в данной отрасли добрую половину в 2002 г. составили русские – 52,3 %, при их распределении по всем отраслям лишь 4,7 % приходилось к этой сфере. Наименьший удельный вес имели башкиры 1,6 %, заметно уступая русским – 3,1 % и татарам – 3,9 % (см. таблица 1.8).

По данным опроса наибольшую долю в социально-профессиональной группе составили работники со средним профессиональным образованием. К данной группе отнесли себя немногим менее одной трети башкир (29,4 %), каждый пятый русский (21,8 %) и татарин (21,4 %). Среди представителей «иных» этнических групп с данной группой ассоциировали себя 16,7 % респондентов (см. таблица 1.9). Вместе с тем, опрос, проведенный непосредственно среди марийского, удмуртского и чувашского населения, также показал существенный удельный вес лиц со средним специальным образованием: марийцы – 27,4 %, чувашаи – 25,3 % и удмурты – 30,3 %¹⁰⁹.

Менее четверти башкир (22,2 %), столько же татар (21,4 %), а также удмуртов (22,5 %), марийцев (21,9 %) и чувашей (23 %), как выяснилось в ходе опроса, оказались профессионалами с высшим образованием, что в свою очередь подтверждает о высокой степени конкуренции между представителями разных

¹⁰⁹ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

этнических групп, в тех отраслях, где имеется востребованность в профессионалах с данным уровнем образования.

Таблица 1.9 – Результаты этносоциологического опроса
«К какой социально-профессиональной группе Вы себя относите?» *

		Башкиры	Татары	Русские	Другие
1.	Предприниматели, коммерсанты	1,6	4,6	4,5	1,4
2.	Управляющие высшего звена и чиновники	0,8	1	1,1	1,4
3.	Управляющие среднего звена	3,2	4,1	5,6	12,5
4.	Руководители низового звена	3,2	3,6	2,2	1,4
5.	Высококвалифицированные профессионалы	4	10,2	8,4	5,6
6.	Профессионалы с высшим образованием	22,2	21,4	14,5	13,9
7.	Работники со средним специальным образованием	29,4	21,4	21,8	16,7
8.	Работники нефизического труда (в торговле, обслуживании)	6,3	6,6	9,5	13,9
9.	Высококвалифицированные рабочие	3,2	1	2,8	5,6
10.	Квалифицированные рабочие	13,5	6,6	14,5	11,1
11.	Не- и полуквалифицированные рабочие	2,8	3,6	2,2	4,2
12.	Работники квалифицированного труда в с/х	0,9	0,5	1,1	1,4
13.	Работники малоквалифицированного труда в с/х	0,8	2	1,7	1,4
14.	Самозанятые	8,7	4,6	6,7	9,7
15.	Нет ответа	3,2	8,7	3,4	0

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Несмотря на формирование и развитие рыночной экономики на протяжении длительного периода (более 30 лет), доля предпринимателей и коммерсантов в общей социально-профессиональной группе была незначительной. Среди этой группы русские составили 4,5 %, татары – 4,6 %, башкиры – 1,6 % и представители «иных» национальностей – 1,4 % (см. таблица 1.9). Значительную долю в социально-профессиональной группе составляли работники нефизического труда в сфере торговли и сервисном обслуживании. Среди них наибольшую долю занимали представители «иных» национальностей, особенно выходцы из Кавказа и Средней Азии, которые традиционно занимались торговлей и обслуживанием.

Если каждый десятый татарин определял себя как высококвалифицированного профессионала, опережая башкир более чем в 2,5 раза, «иных» национальностей – в 1,8 раза и русских – в 1,2 раза, то среди

квалифицированных рабочих их доля пропорционально уступала башкирам в 2 раза, русским – в 2,2 раза, а представителям «иных» этнических групп – в 1,7 раза (см. таблица 1.9). Доля квалифицированных рабочих была высокой среди удмуртов (13,5 %) и марийцев (13,7 %) ¹¹⁰. При этом немногим менее четверти башкир (22,2 %) и столько же татар (21,4 %) назвали себя профессионалами с высшим образованием, что существенно превышало русских (14,5 %) и респондентов «иных» этнических групп (13,9 %).

Этносоциальная стратификация в современном Башкортостане является важным показателем социально-классового положения этнических групп, а в свою очередь изменения в профессиональной структуре населения становятся и фактором динамики социального неравенства в обществе. В рассматриваемом регионе, с одной стороны, в большинстве своем сохраняется представленность этнических групп в основных отраслях народного хозяйства, сформировавшихся в советский период. С другой стороны, выделение новых «рыночных» профессий оказало влияние на процесс этносоциальной стратификации в республике.

В западной научной литературе при изучении социально-профессиональных признаков применялись критерии, предложенные Дж. Голдторпом и Э. О. Райтом ¹¹¹. Ученые отразили сдвиги в современном капитализме в своих классовых схемах, ставших в зарубежной социологии наиболее авторитетными ¹¹². При определении социальной дифференциации они брали за основу участие индивидов в принятии решений и самостоятельность в труде. В отечественной научной литературе мы привыкли определять социальную структуру и социальную дифференциацию по распределению работников по отраслям

¹¹⁰ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

¹¹¹ *Goldthorpe J. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts // Goldthorpe J. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory. Oxford, 2000. P. 206–229; Wright E. O. Class, Crisis and the State. London, 1993. 266 p.; Wright E. O. A General Framework for the Analysis of Class Structure // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D. B. Grusky (ed.). Boulder, 2001. P. 98–109; Райт Э., Костелло С., Хейчен Д., Спрейг Дж. Классовая структура американского общества // Социологические исследования. 1984. № 1. С. 152–163.*

¹¹² *Жвиташвили А. Ш. Рабочий класс в классовых схемах западной социологии // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 7.*

народного хозяйства.

По мнению Н. Е. Тихоновой «Автономность труда тесно связана с наличием у работника определённого ресурса влияния у себя на работе. И поскольку труд большинства россиян характеризуется низкой степенью автономности, то независимо от их должности они не более чем простые исполнители, а следовательно, они в массе своей не имеют ресурса влияния во взаимоотношениях с работодателем и не могут претендовать и на какой-то особый трудовой контракт»¹¹³.

Принятие решений свидетельствует о характере господствующих в обществе властных отношений, степени централизации существующей социальной системы. В то же время, собственники, ставшие в большей степени коллективным субъектом предприятий, вынуждены считаться с интересами наемных работников, кооптировать их в процесс принятия решений¹¹⁴.

Второй показатель – самостоятельность в труде – также характеризует природу классовых отношений. Чем выше самостоятельность, тем больше прав у работника, больше свободы и меньше закрепощенности по отношению к внешним обязательствам. В сумме оба показателя способны охарактеризовать классовое деление общества, по крайней мере в той его части, которая соотносится со сферой производства¹¹⁵.

В нашем случае непосредственно провести анализ о влиянии определенных групп, в том числе в этническом ракурсе, на принятие решения и о самостоятельности в труде, представляется не совсем удачно. Но все же, имея определенные данные этносоциологических исследований, попытаемся хотя бы косвенно определить степень их участия, исходя их самооценок о своей позиции на шкале богатства, власти, престижа и других показателей.

Оценивая свою позицию в шкале «Богатства» лишь 7,2 % башкир, 10,7 % татар, 10,1 % русских и 8,4 % респондентов «иных» национальностей поставили

¹¹³ Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. С. 218.

¹¹⁴ Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижеева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М., 2011. С. 30.

¹¹⁵ Там же. С. 31

себя выше среднего уровня. В общем массиве данные показатели составляют весьма скромную долю, которая бы оказала соответствующее влияние на принятие решений более высокого уровня. Возможно на среднем уровне определенная группа имеет влияние на принятие решений, но это лишь рангом ниже, что также подтверждает о существующей этносоциальной дифференциации, но уже по шкале Дж. Голдторпа, Э. Райта¹¹⁶. Кстати, применяемая нами данная методика исследования социальной структуры в Башкортостане показала, что значение индекса принятия решений русскими практически коррелирует с некоторыми поправками, применяемыми для данной группы в г. Санкт-Петербурге в 2007 г.¹¹⁷

Как выяснилось в ходе опроса немногим менее половины русских (46,9 %) и респондентов «иных» национальностей (45,8 %), а также треть татар (35,2 %), менее этого башкир (30,2 %) вообще не участвуют в принятии решений (совокупный показатель отнесших себя ниже средней позиции, см. таблица 1.10).

Таблица 1.10 – Результаты этносоциологического опроса
«Какую позицию вы занимаете на шкале «Богатства»?» *

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
1. Низшая	14,3	13,3	22,3	33,3
2.	4,8	6,1	8,4	5,6
3.	11,1	15,8	16,2	6,9
4. Средняя	61,9	51	41,9	45,8
5.	2,4	4,1	5	4,2
6.	1,6	4,6	2,2	4,2
7.	1,6	0,5	1,1	0
8. Высшая	1,6	1,5	2,2	0

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

¹¹⁶ Goldthorpe J. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts // Goldthorpe J. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 206–229; Wright E. O. Class, Crisis and the State. London, 1993. 266 p.; Wright E. O. A General Framework for the Analysis of Class Structure // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D. B. Grusky (ed.). Boulder, 2001. P. 98–109; Райт Э., Костелло С., Хейчен Д., Спрейг Дж. Классовая структура американского общества // Социологические исследования. 1984. № 1. С. 152–163.

¹¹⁷ Черныш М. Ф. Стандарты жизни и социальная структура русских // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижеева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М., 2011. С. 31.

Средние показатели в данном измерении имеют 41,9 % русских, половина татар (51 %), почти две трети башкир (61,9 %). Данная группа, судя по классификации, входящая в группу специалистов со средним профессиональным образованием, также особыми полномочиями в принятии решений не обладает. Лишь 7,2 % башкир, 10,5 % русских и столько же татар (10,7 %), а также 8,4 % респондентов «иной» этнической принадлежности, по данным опроса, предположим косвенно, могут полноценно влиять на производственные и другие решения. В этом смысле, данная группа, надо полагать, не только решает повседневные производственные задачи, но и принимает планы стратегического развития предприятий и компании в целом.

Оценивая свою позицию на шкале «Престижа» каждый десятый башкир (11,1 %) и немногим более этого татар (14,3 %) поставили себя в низшую ступень (см. таблица 1.11). Данный показатель у русских (19,6 %) превышал башкир почти в два раза, а у респондентов «иной» этнической принадлежности он составил более четверти опрошенных (29,2 %), что имплицитно означало, что они изначально пессимистически оценили свое социальное положение. Половина русских, как и представителей «иных» национальностей, причислили себя к средней позиции, ассоциируя себя с людьми, занимающими определенную нишу, которая была выше, чем в шкале «Богатства» и «Власти».

Таблица 1.11 – Результаты этносоциологического опроса
«Какую позицию вы занимаете на шкале «Престижа»?» *

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
1. Низшая	11,1	14,3	19,6	29,2
2.	7,9	6,6	7,3	4,2
3.	12,7	11,2	10,1	5,6
4. Средняя	57,1	52	49,7	50
5.	4	5,6	5	6,9
6.	1,6	2,6	1,1	2,8
7.	1,6	2	1,7	0
8. Высшая	3,2	1,5	4,5	1,4

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Удельный вес русских (4,5 %), оценивших себя в высшей позиции «Престижа» был выше, чем у представителей иных народов региона. Так, в высшей позиции престижа ассоциировали себя 3,2 % башкир, 1,5 % татар и 1,4 % «иных» национальностей. У респондентов «иной» этнической принадлежности доля лиц, занимающих между средней и высшей позициями, составляла 9,7 %, превышая башкир (7,2 %) и русских (7,8 %), но уступая татарам – 10,2 % (см. таблица 1.11). Вторым показателем – самостоятельность в труде является надежным индикатором классового деления.

Данные этносоциологических исследований показывают, что респонденты, отнесших себя к категории малообеспеченных или же со средним достатком, в основном заняты рутинным трудом. Доля группы со средним достатком в общей структуре составляла более двух трети респондентов. Еще одна категория работников, которая больше занята мало/или неквалифицированным трудом, также составляет группу малообеспеченной части, которая никак не могла видеть себя самостоятельной в труде. Если среди такой группы доля башкир (26,2 %) и татар (25,5 %) составила четверть респондентов, то среди русских (36,9 %) и представителей «иных» национальностей (33,3 %) она была существенно выше (см. таблица 1.12).

Таблица 1.12 – Результаты этносоциологического опроса
«К какой из нижеперечисленных групп вы бы себя отнесли?» *

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Люди с высоким достатком	5,6	5,1	3,4	1,4
Средний класс	68,2	66,8	58,1	62,5
Малообеспеченные	26,2	25,5	36,9	33,3
Нет ответа	0	2,6	1,6	2,8

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

А среди марийцев, удмуртов и чувашей такая категория работников, занятых неквалифицированным трудом, превышала более половины опрошенных, а остальная часть причислила себя к малообеспеченной группе, которая также не

имела возможности быть самостоятельной и оказать влияние на принятие решений (см. таблица 1.13). Таким образом, судя по данным опроса, при принятии решений по шкале «богатства» и «достатку» особо выделяемой вариативной дифференциации между респондентами по этнической принадлежности не выделяется. Вместе с тем, в данной группе, показатели башкир (5,6 %) и татар (5,1 %) выше, чем у русских (3,4 %) и «иных» национальностей (1,4 %). Это в свою очередь позволяет косвенно утверждать о небольшой группе представителей башкир и татар, которые принимают участие в принятии решений.

Таблица 1.14 – Результаты этносоциологического опроса
«К какой из нижеперечисленных групп вы бы себя отнесли?» *

	Удмурты	Марийцы	Чуваши	Всего
Люди с высоким достатком	0	0	1	0,4
Средний класс	47,4	78,7	51,4	57,9
Малообеспеченные	52,6	21,3	47,6	41,7

*Таблица составлена по данным ЭСО (апрель 2021 г.).

Данные этносоциологических исследований показывают, что респонденты, отнесших себя к категории малообеспеченных или же со средним достатком, в основном заняты рутинным трудом. Доля группы со средним достатком в общей структуре составляла более двух трети респондентов. Еще одна категория работников, которая больше занята мало/или неквалифицированным трудом, также составляет группу малообеспеченной части, которая никак не могла видеть себя самостоятельной в труде. Если среди такой группы доля башкир (26,2 %) и татар (25,5 %) составила четверть респондентов, то среди русских (36,9 %) и представителей «иных» национальностей (33,3 %) она была существенно выше (см. таблица 1.13). А среди марийцев, удмуртов и чувашей такая категория работников, занятых неквалифицированным трудом, превышала более половины опрошенных, а остальная часть причислила себя к малообеспеченной группе, которая также не имела возможности быть самостоятельной и оказать влияние на принятие решений (см. таблица 1.14). Таким образом, судя по данным опроса, при принятии решений

по шкале «богатства» и «достатку» особо выделяемой вариативной дифференциации между респондентами по этнической принадлежности не выделяется. Вместе с тем, в данной группе, показатели башкир (5,6 %) и татар (5,1 %) выше, чем у русских (3,4 %) и «иных» национальностей (1,4 %). Это в свою очередь позволяет косвенно утверждать о небольшой группе представителей башкир и татар, которые принимают участие в принятии решений.

Вторая группа респондентов определилась по самооценке самих этнических групп, согласно их позиции на шкала «Власти». В самую низшую позицию по этой шкале, согласно самооценке респондентов, поставили себя свыше четверти башкир (29,4 %), более трети татар (35,2 %), каждый второй из пяти русских (40,2 %) и немногим менее половины «иных» национальностей (44,4 %) (см. таблица 1.14). Иначе говоря, данная группа респондентов однозначно признала свои возможности, отметив, что у нее нет никаких властных полномочий для принятия каких-либо решений.

Таблица 1.15 – Результаты этносоциологического опроса
«Какую позицию вы занимаете на шкале Власти?» *

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
1. Низшая	29,4	35,2	40,2	44,4
2.	13,5	12,2	11,2	1,4
3.	5,6	8,7	8,4	6,9
4. Средняя	39,7	32,1	26,8	40,3
5.	7,9	1,5	1,1	2,8
6.	2,4	3,6	3,4	2,8
7.	0	0	1,7	0
8. Высшая	0,8	2,6	3,9	1,4

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Среднюю группу на шкале «Власти» составили 39,7 % башкир, 40,3 % «иных» национальностей, одна треть татар (32,1 %) и более четверти русских (26,8 %) (см. таблица 1.14). Отметим, что муниципальные органы власти на местном уровне не только должны, но и обязаны решать многие хозяйственные, культурные, а также в определенной степени экономические проблемы. Группа респондентов,

«распределенная» между средней и высшей позицией на этой шкале, надо полагать, в определенной степени оказывает влияние на принятие каких-либо решений на муниципальном уровне. Среди башкир, данная группа (между средней и высшей позицией) составила 10,3 %, среди татар – 5,1 %, среди русских – 6,2 % и среди представителей «иных» национальностей – 5,2 %. Данная группа, состоящая из представителей этнических групп, которые входят в структуру руководящего состава, в силу служебных обязанностей участвует в принятии управленческих решений на локальном уровне.

В свою очередь, высшую группу на шкале «Власти» составили всего лишь 0,8 % башкир, 2,6 % татар, 3,9 % русских и 1,4 % респондентов «иных» национальностей. Такая конфигурация в группе высшей власти позволяет предполагать, что наибольшие функциональные возможности при принятии решений имеются у респондентов русских, в меньшей степени татар и башкир. Данные показатели в целом коррелируют с существующим национальным составом в высших органах республики, который сложился после транзита власти с избранием Главы Башкортостана Р. Ф. Хабирова.

Таким образом, данные опроса выявили, что методика распределения населения региона на социальные группы по принципу участия в принятии решений и самостоятельности в труде показывает низкий уровень участия респондентов в принятии решений и не выявила самостоятельный характер труда в производственном процессе. Более того, такая методика определения социальных групп в нашей стране, в отличие от западных, еще не получила должного понимания и применения. Возможно, со временем, в отечественной науке и практике данная методика получит широкое распространение и послужит одним из критериев определения классов и социальных слоев в российском обществе.

ГЛАВА 2. АДАПТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП К УСЛОВИЯМ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ИХ ТРУДОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

§ 2.1. Социальные позиции этнических групп в Башкортостане в условиях функционирования рыночной экономики

Переход к рыночной экономике в начале 1990-х гг. был неоднозначно воспринят населением не только в целом по стране, но и в частности в Республике Башкортостан. Негативному восприятию рыночных отношений в республике способствовало критическое освещение в масс-медиа нового курса российского руководства. В ряде интервью руководства региона, особенно в публикациях в средствах массовой информации, часто звучал тезис о неправильности реформаторского курса, который активно поддерживался федеральными органами власти¹¹⁸.

Переход к рыночной системе, а также разрыв экономических связей с предприятиями, находящимися в других регионах, в том числе и в бывших союзных республиках, впоследствии привел к закрытию многих промышленных предприятий, заводов и фабрик. В этом отношении рабочие данных предприятий были уволены и поэтому составили основную часть нового социального слоя – безработных. При этом, как было отмечено, основной контингент рабочих на заводах составили русские. «Уставшие» от советской распределительной и уравнилельной системы часть населения в начале 1990-х гг. с некоторым одобрением восприняла переход к рыночной экономике. Поэтому каждый пятый русский (19,2 %) посчитал единственно возможным путем развития экономики и поддержал переход на рыночные отношения. С такой постановкой проблемы согласились 14,8 % татар и 17,7 % башкир. Ощущая некоторый дискомфорт от последствий кризиса в экономике 40,4 % респондентов (каждый второй из пяти

¹¹⁸ Рахимов М. Г. Ельцин и Гайдар не знают реальной жизни. Интервью корреспонденту «Независимой газеты» // Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Т. 3. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах / Сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1993. С. 21–23.

опрошенных лиц), независимо от этнической принадлежности, полагали, что курсу рыночной экономики в стране альтернативы не имеется, поэтому необходим переход к такой системе, но по нему надо идти постепенно. Однако часть населения новые «капиталистические» отношения не торопилась одобрить. Каждый десятый респондент русской, столько же башкирской, каждый 13-й татарской национальности посчитали неприемлемым рыночную систему экономики (см. рисунок 2.1).

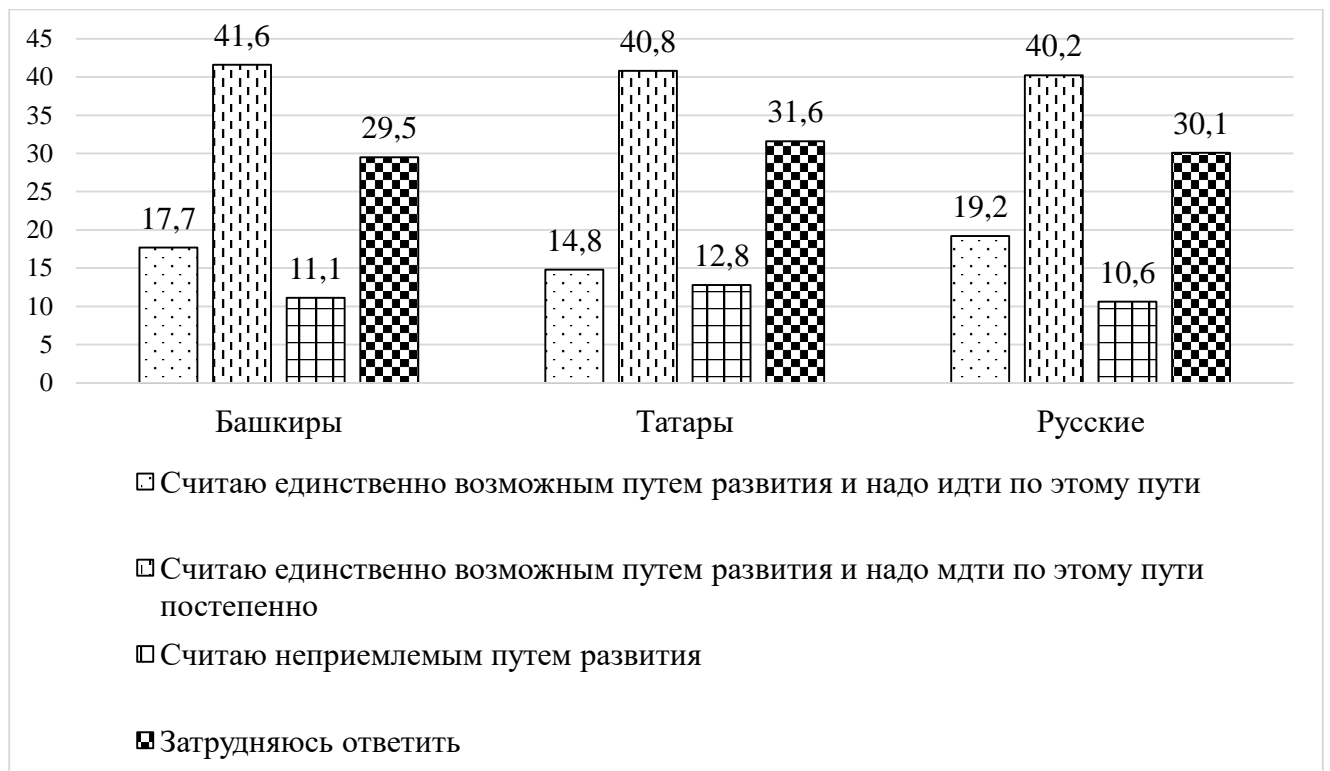

Рисунок 2.1 – Результаты этносоциологического опроса «Что Вы думаете о переходе к рыночной экономике в России?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.).

Одновременно данные этносоциологического опроса показали, что переход к рыночной «капиталистической экономике» почти одной третью населения еще не был переосмыслен и поэтому она осталась в затруднительном положении (см. рисунок 2.1). Население республики, начитанное о тяжелой эксплуатации капиталистами рабочих на Западе, воспринимало переход на рыночные рельсы с некоторой осторожностью. Мнение о преимуществе общенародной собственности – базовой

составляющей социалистического общества, преобладало среди большей части этой группы респондентов.

Материалы этносоциологических исследований, проведенных в начале 1990-х гг. XX в., показали, что около одной трети респондентов (вне зависимости от принадлежности к какой-либо этнической группе) предпочли бы работать на государственном предприятии или учреждении. Русские и татары, составляющие основную долю работников государственных промышленных предприятий, не хотели бы менять свои рабочие места в традиционно привычных для себя коллективах. Основной состав трудовых коллективов, несмотря на большую текучесть кадров, еще сохранял советские традиции. По данным опроса 1993 г. более 40 % трудовых коллективов промышленных предприятий составляли русские, около четверти – татары и порядка 20 % – башкиры. В ряде фабрик легкой промышленности в рабочих коллективах наряду с русскими (45,1 %) практически одинаково были представлены татары (42,9 %), а также около одной трети составляли башкиры (32,9 %) ¹¹⁹.

В начале 1990-х гг. две трети городского населения продолжала работать в государственных предприятиях. Лишь около 5 % респондентов указали, что они работают в частном секторе. Одна треть русских (32,6 %), более четверти татар (28,4 %) и башкир (27,9 %) признались, что они не работают, т. е. они составили новый, не присущий для советской экономической системы, контингент безработных (см. рисунок 2.2).

Несмотря на то что в 1990-е гг. шел процесс закрытия многих промышленных предприятий, в результате которого тысячи рабочих лишились основного источника дохода, в которых они долгие годы трудились, данные цифры не означают столь высокую долю безработных в республике. Например, из одной трети русских, признавших, что они не работают, львиная доля, т. е. одна пятая часть, приходилась на пенсионеров – 19,4 %. Среди татар доля пенсионеров составляла 14,8 %, у башкир – 10,9 %. Относительно высокий удельный вес неработающих составляли студенты, учащиеся ПТУ и

¹¹⁹ Этносоциологический опрос, апрель 1993 г.

техникумов – 9,4 %. Весьма солидной, особенно у башкир была доля находившихся в декретном отпуске – 4 %, у татар – 2,6 %, у русских – 1,5 %, что также коррелирует с статистическими показателями рождаемости в разрезе национальностей. Общая доля безработных, по данным опроса, составляла всего лишь 0,5 %, это также согласуется со статистическими показателями (см. рисунок 2.2).

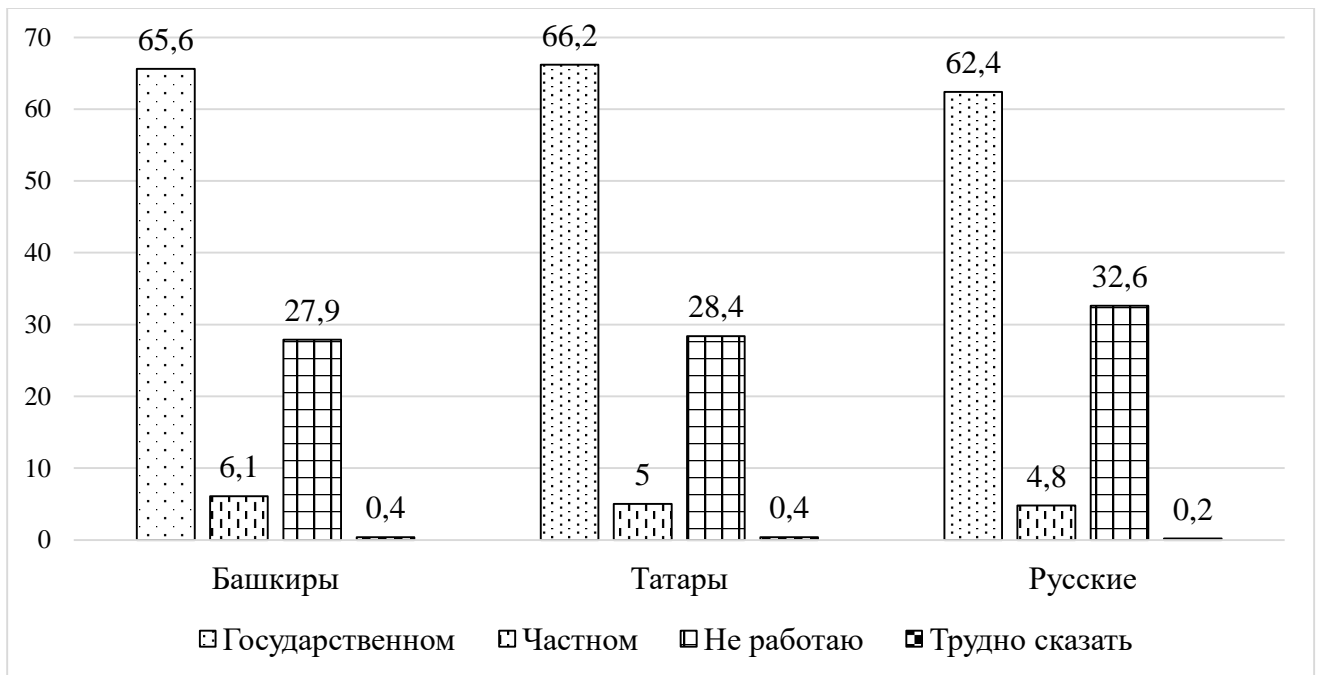

Рисунок 2.2 – Результаты этносоциологического опроса «В государственном или частном секторе Вы сейчас работаете (в %)?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.).

Вместе с тем, весьма значительная часть населения была ориентирована на открытие и развитие собственного дела. Например, как показали результаты опроса, о своем желании создать свое дело изъявили 17,5 % татар, 16,9 % башкир и каждый десятый русский (10,7 %). Значительная часть населения (до 20 %) была ориентирована на работу в совместном с иностранным капиталом предприятии. Каждый пятнадцатый респондент башкирской, немногим менее этого русской и татарской национальности не отказались бы работать в акционерном или частном предприятии. Лишь 7 %

башкир, 5,5 % татар и 4,5 % русских хотели бы трудиться в кооперативах, что косвенно подтверждает о производственной ориентации указанной группы на участие в рыночных отношениях (см. рисунок 2.3).

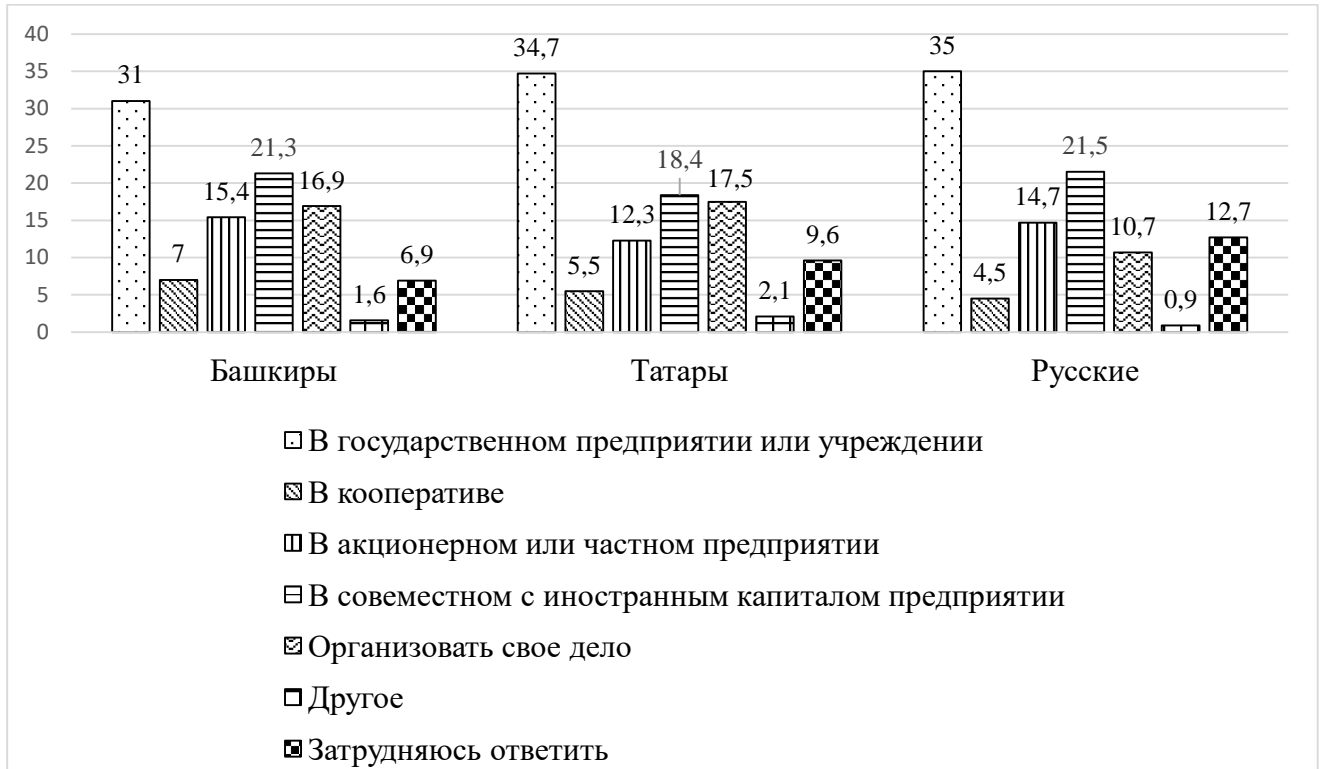

Рисунок 2.3 – Результаты этносоциологического опроса «Если в ближайшие 3 года возникнет возможность выбора, где бы Вы предпочли работать (в %)?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.).

В условиях турбулентности, возникшей в переходной экономике 1990-х гг., русские по большей части находились в ситуации неопределенности, поскольку «рассмотренный выше вопрос поставил их в затруднительное положение (12,7 %), что существенно превышало показатель татар и в два раза больше, чем у башкир (6,9 %)» (см. рисунок 2.3).

Если бы на территории Башкортостана появились предприятия с иностранным капиталом, значительная часть респондентов (вне зависимости от принадлежности к какой-либо этнической группе) полагала, что она не отказалась бы в них работать. Хотя таких прецедентов в начале 1990-х гг. не наблюдалось. Более того, тогда еще никто не мог предполагать появление иностранных предприятий на территории

республики. Принимая во внимание этот факт, мы можем заметить основания, по которым практически одна третья часть татар (30,2 %), почти столько же русских (29,6 %) и четверть башкир (25,1 %) не изъявили желание работать в таких предприятиях (см. рисунок 2.4).

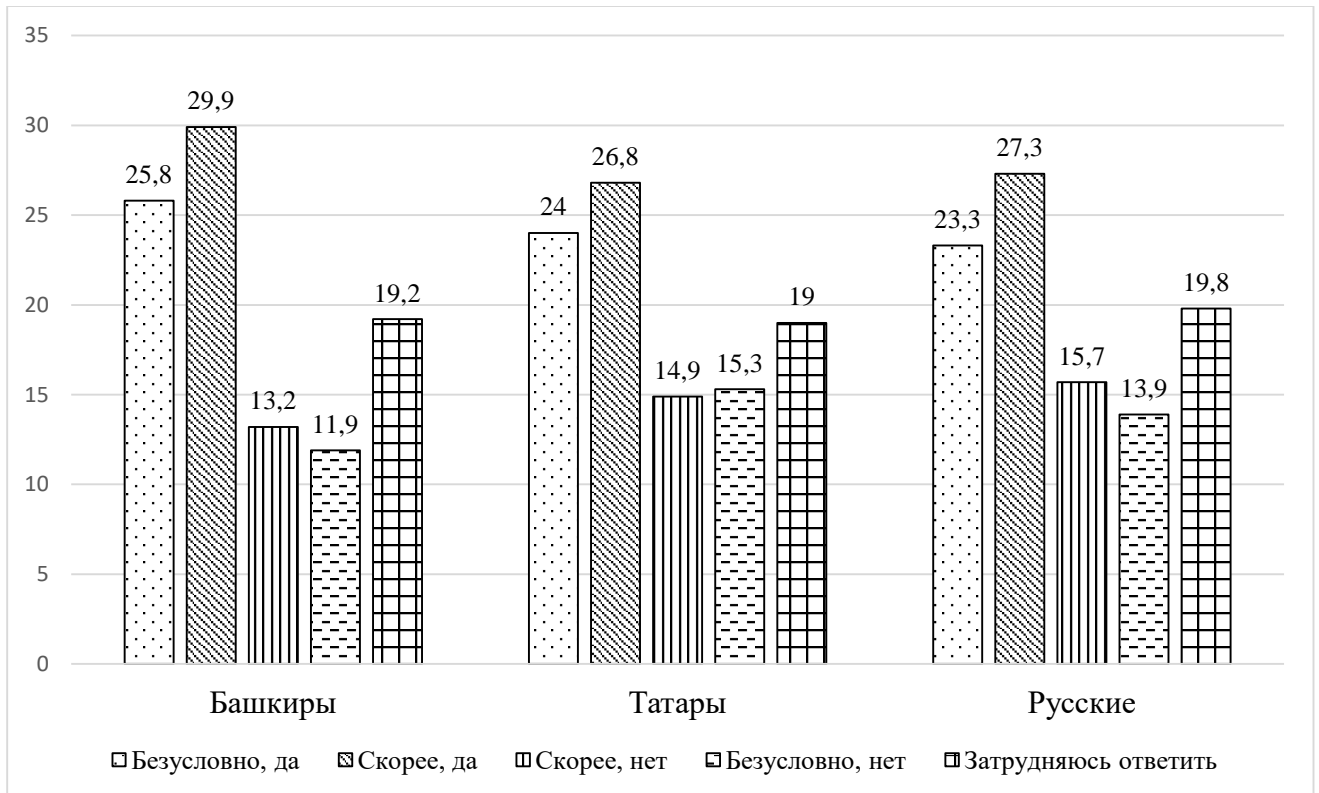

Рисунок 2.4 – Результаты этносоциологического опроса «Хотели бы Вы лично работать на иностранном предприятии, расположенном на территории Башкортостана (в %)?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.).

В начале 1990-х гг. прошло фактически семьдесят лет с момента становления советской системы с общенародной собственностью на средства производства и ввиду этого население неоднозначно воспринимало появление такой категории граждан, занимающихся бизнесом. Лишь немногим менее 10 % респондентов приветствовало их деятельность. Данная доля опрошенных лиц предполагала, что граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность, окажут помощь государству в выходе из кризисной ситуации, т. е. определенная часть граждан еще

надеялась на «чудо» рыночной системы, основанной на частном предпринимательстве (см. рисунок 2.5).

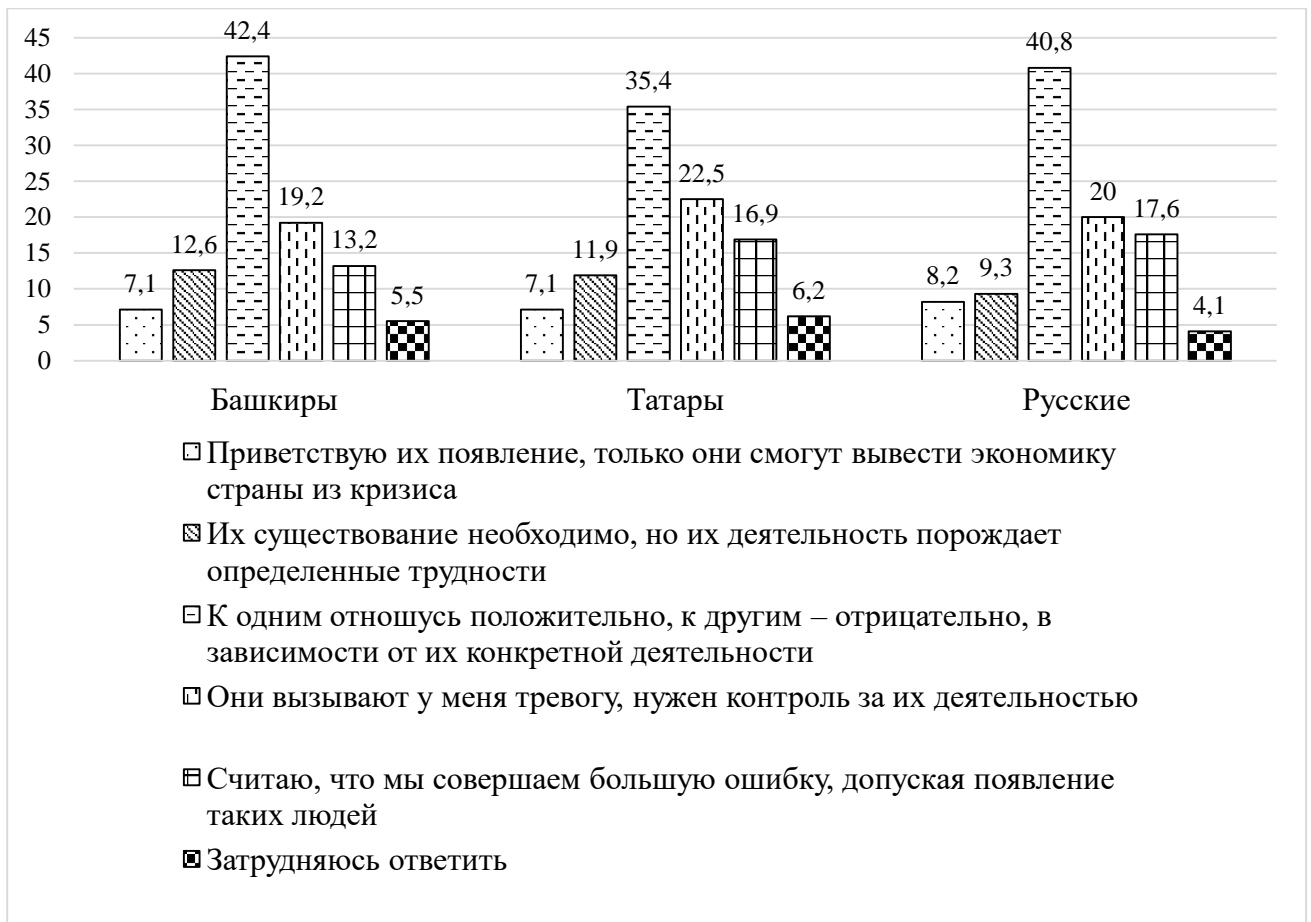

Рисунок 2.5 – Результаты этносоциологического опроса «Как Вы относитесь к появлению категории граждан, занимающихся бизнесом (в %)?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.).

Группа респондентов, состоящая из десятой части опрошенных, в целом одобряя появление такой категории населения, которая занималась бизнесом, допускала, что это породит определенные трудности. Более того, каждый пятый опрошенный (вне зависимости от принадлежности в какой-либо этнической группе) обозначил, что это у них вызывает определенную тревогу, и указал на необходимость контроля за их деятельностью. Довольно существенная доля русских (17,6 %), татар (16,9 %), а также башкир (13,2 %), считала, что «мы совершаем большую ошибку, допуская появление таких людей» (см. рисунок 2.5).

Таким образом, как показали данные этносоциологических исследований, в начале 1990-х гг. общество неоднозначно воспринимало первые шаги рыночной экономики и порождение ее основных социальных классов.

Необходимо отметить, что вышеупомянутые различия не свидетельствуют об отсутствии проявления предпринимательской инициативы (главным образом в этническом разрезе) у опрошенных лиц, поскольку «включенность в предпринимательскую деятельность в значительной степени определяется структурными факторами, а одним из условий для создания собственного бизнеса является стартовый капитал, который в России получить крайне затруднительно»¹²⁰. Ключевое значение в данном вопросе имеет и то, что «малый и средний бизнес – это часто семейные предприятия, чем крепче и больше семья, тем успешнее и легче развивается семейный бизнес»¹²¹. У значительного числа опрошенных респондентов, подходящих под эту категорию горожан, средний показатель количества членов семьи, особенно у русских, был слишком маленьким. Это обстоятельство отчасти объясняет то, что русские семьи в самом начале становления рыночной системы хозяйствования не смогли приспособиться к новым механизмам функционирования экономики.

В этом отношении особую ценность представляют материалы этносоциологического опроса населения Башкортостана, проведенного в 2014 г., т. е. фактически спустя двадцать лет с момента перехода от командно-административной экономики к рыночной системе. Анализ данных социологического исследования показал, что «значительных перемен в восприятии к развитию рыночных отношений среди населения не наблюдалось»¹²². В момент проведения опроса, быстрый переход к рыночной экономике был поддержан незначительной долей респондентов: 7,4 %

¹²⁰ Сафин Ф. Г., Алексеенко С. С. Этносоциальное самочувствие русских в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М., 2016. С. 352.

¹²¹ Черныш М. Ф. Стандарты жизни и социальная структура русских // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижеева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М., 2011. С. 34–35.

¹²² Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Кульшарипов Ф. Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 23.

русской, 11,6 % башкирской и 12,3 % татарской национальности. Также по-прежнему (как и по данным ранее проводимых опросов населения), население в большинстве своем выступало за постепенный переход к рыночной экономике. Данное мнение выразили менее половины башкир (41,3 %), треть татар (33,5 %) и немногим более этого русских (39,5 %). В целом становление рыночной системы хозяйствования, так или иначе, «не воспринималось» почти четвертью опрошенных респондентов. С одной стороны, порядка 10 % участников опроса выступило против функционирования экономики на рыночных началах, а с другой – солидная часть опрошенных лиц отвергала эту систему хозяйственных отношений, обозначив, что «переход к рынку не оправдал себя» (см. рисунок 2.6). Вариант «затрудняюсь ответить» был отмечен более четвертью населением региона, это означает, что даже по происшествии длительного времени (спустя двадцать лет) данная часть населения не поняла сути функционирования рыночной системы.

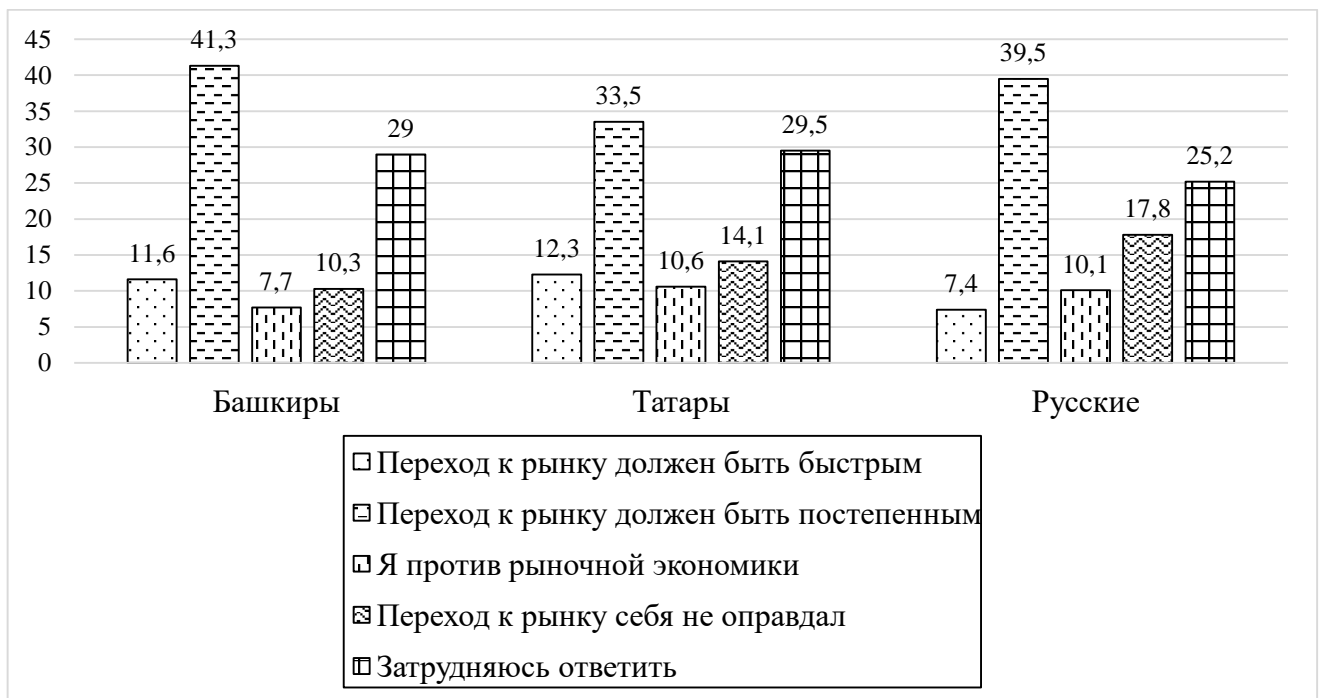

Рисунок 2.6 – Результаты этносоциологического опроса «Что Вы думаете о переходе к рыночной экономике в России?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

Российская действительность, основанная на коллективистском начале, несмотря на прошедшие тридцать лет развития рыночной экономики, до сих пор все еще не сумела адаптироваться к ее жестким условиям. Негативное отношение к рынку особенно сильно подогревалось в годы усиливающихся периодических кризисных моментов. Если в 1990-е или же в середине первого десятилетия XXI в. две трети населения в целом одобряли рыночные отношения и высказывалась за постепенный переход к нему, то в начале второго десятилетия XXI в. доля считающих переход к рынку единственным верным путем к развитию экономики существенно снизилась. Данная позиция разделялась одной третью опрошенных «иных» национальностей – 34,7 % и несколько меньшей частью башкир – 31,7 %. Среди опрошенных татар лишь немногим более четверти были уверены, что переход экономики на рыночные рельсы в свое время был самым верным решением. Но наименьшую позицию, по данному мнению, заняли русские, среди которых лишь каждый пятый (19,6 %) согласился поддержать такое решение (см. рисунок 2.7).

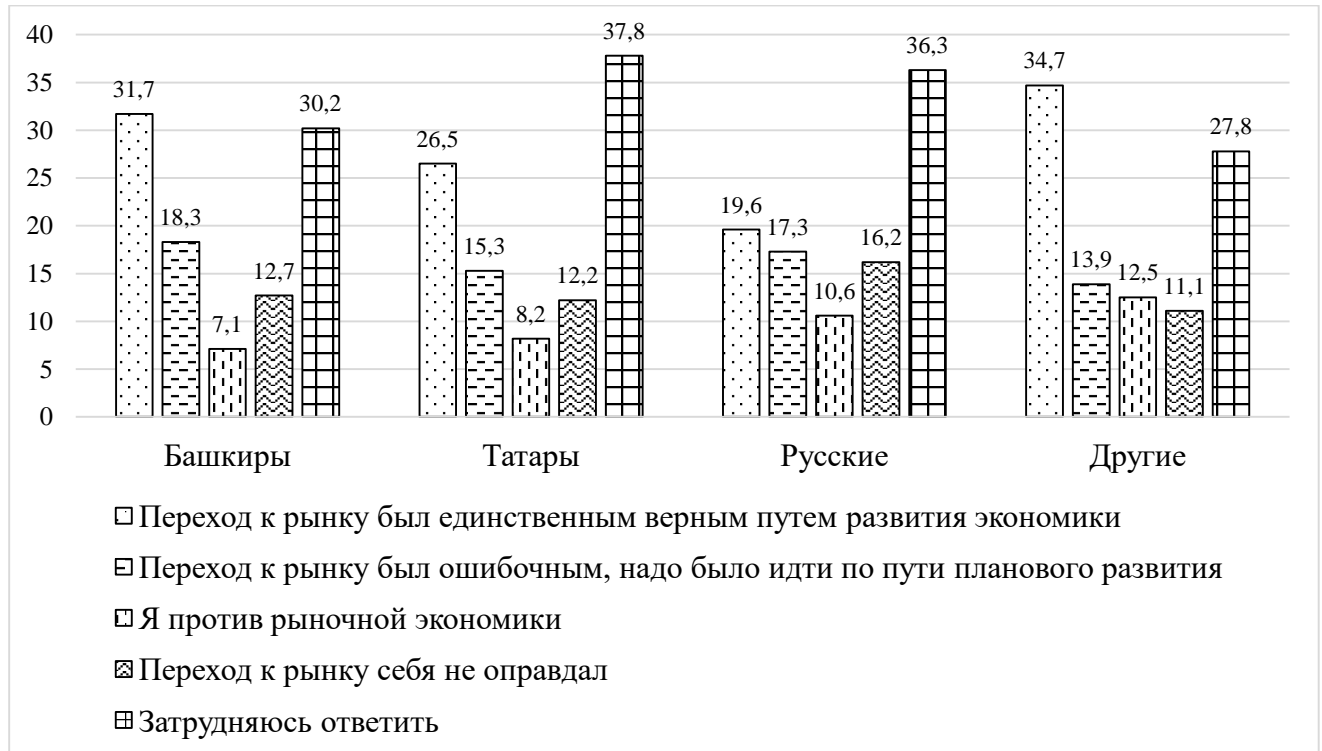

Рисунок 2.7 – Результаты этносоциологического опроса «Что Вы думаете о переходе к рыночной экономике в России?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Несмотря на то что почти одна треть башкир поддержала переход к рыночной системе хозяйствования, то другая самая наибольшая по доле в этой группе опрошенных (18,3 %) посчитала, что это было ошибочным решением и надо было идти по пути планового развития. С данной постановкой проблемы также согласились 17,3 % русских, 15,3 % татар и 13,9 % опрошенных респондентов «иных» национальностей.

Другая группа, позиция которой также имела антирыночный характер, была представлена значительной долей опрошенных лиц. Ее «возглавляли» представители русской национальности (16,2 %), заявившие о «неоправданном переходе к рыночной экономической модели». Между тем коллег по группе поддержали более 12 % башкир и татар, а также 11,1 % респондентов «иных» национальностей. Данные, полученные в ходе опроса, показали, что некоторая часть респондентов вообще выступила против рыночной экономики (см. рисунок 2.7).

Стоит вспомнить, что проведение кардинальных рыночных реформ в 1990-е гг. включало осуществление программы массовой приватизации, когда государственное имущество переходило в частные руки. Данные этносоциологического опроса 2014 г. свидетельствуют, что реализация государственной политики приватизации вызвала неоднозначную реакцию у населения постсоветской России (см. рисунок 2.8). На уровне рассматриваемого региона русские также меньше (7,4 %), чем остальные участники опроса, поддержали ускоренную приватизацию госсобственности. В это же время, башкиры на 5,4 % больше высказались в поддержку заметного ускорения приватизации. Однако русские по большей части с осторожностью воспринимали дальнейшую реализацию приватизационных мероприятий (15,9 %), заметив, что приватизацию «следует повернуть обратно». Процентная доля от числа опрошенных русских по данному пункту несколько отличается (в сторону увеличения) по сравнению с другими этносами региона. К примеру, такое же мнение высказали 12,9 % башкир и 10,1 % татар (см. рисунок 2.8).

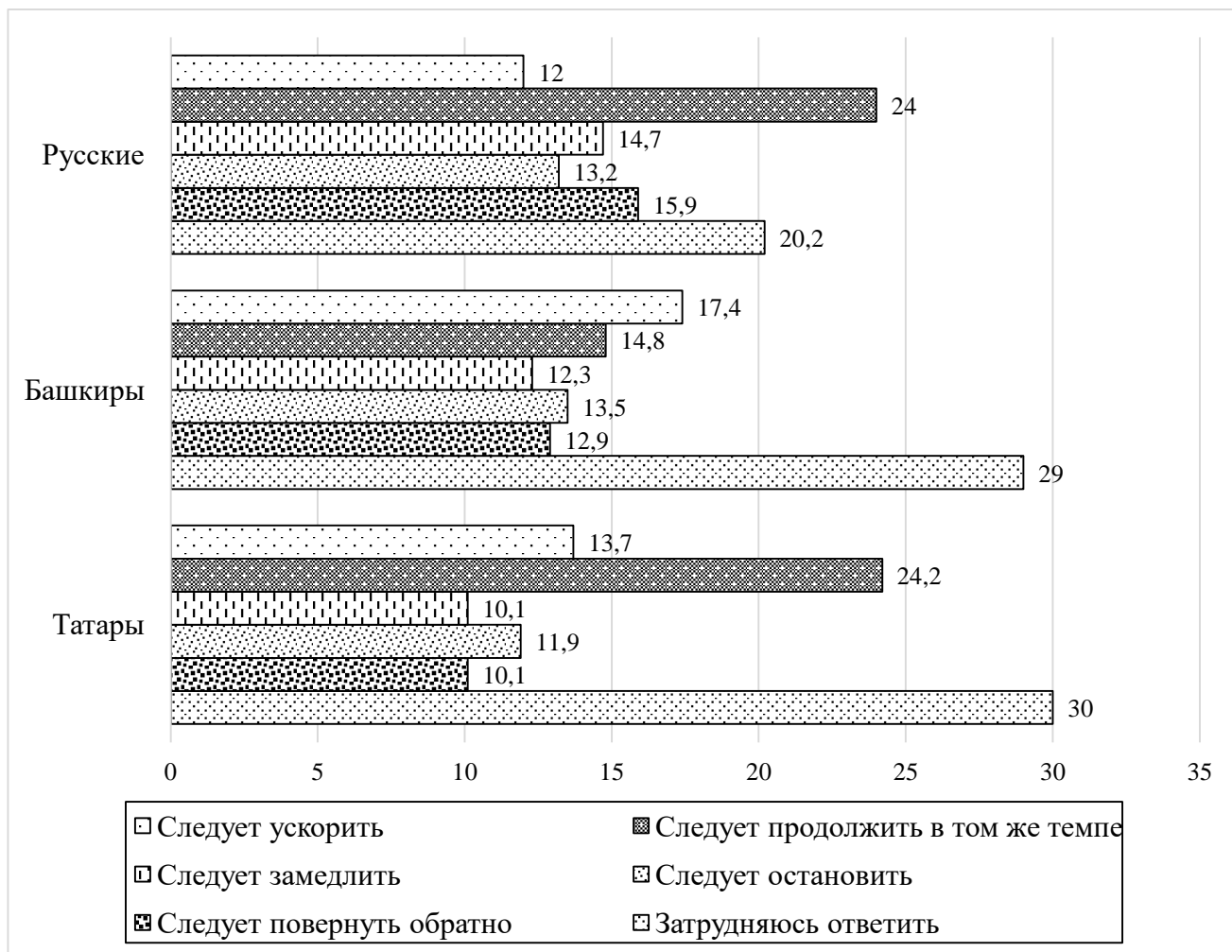

Рисунок 2.8 – Результаты этносоциологического опроса «Как Вы оцениваете приватизацию государственной собственности в России?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

Как мы видим, в глубине народных масс все еще преобладало коллективистское начало, развиваемое на протяжении длительного времени. Значительная часть респондентов никак не хотела мириться с приватизацией государственной собственности, когда созданные целыми поколениями заводы и фабрики, уходили практически за бесценок с молотка на аукционах. Видимо поэтому определенная часть опрошенных, независимо от этнической принадлежности, выступала за то, чтобы «замедлить приватизацию» (12,4 %), или же «остановить» ее (12,9 %), а в лучшем случае «следует повернуть обратно (13 %). Заметная доля респондентов затруднилась ответить на поставленный вопрос о приватизации госсобственности в стране. Практически более четверти (26,4 %) опрошенных лиц

(русских, башкир и татар) не смогла выработать конкретную позицию и каким-либо образом оценить российскую приватизацию (см. рисунок 2.8).

Несмотря на существующие трудности в стране в целом, более половины респондентов отметило, что основным занятием у них является работа. Самый низкий показатель, только обучавшихся, отмечен среди респондентов русской национальности (7 %) (см. рисунок 2.9).

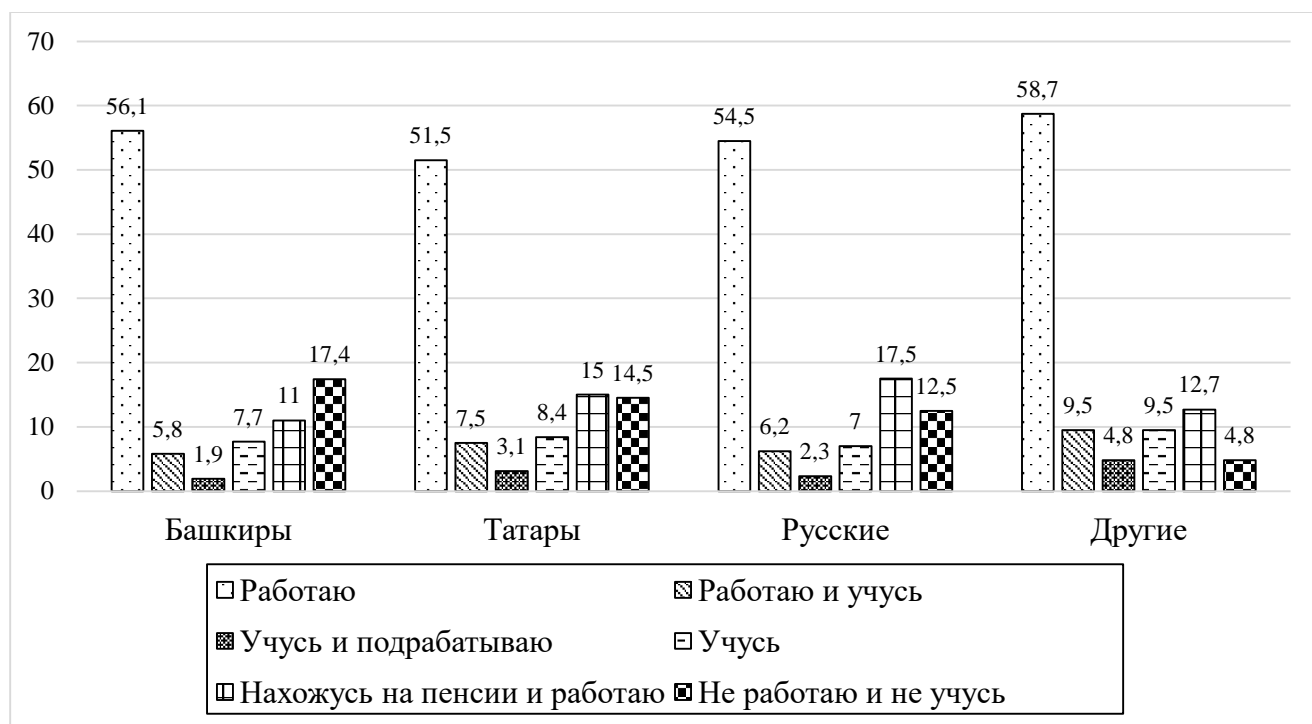

Рисунок 2.9 – Результаты этносоциологического опроса «Чем Вы занимаетесь в настоящее время?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

Помимо работы определенная часть населения повышает своей образовательный уровень, одновременно работая и обучаясь в учебных заведениях. Большинство работающих и обучавшихся отмечено среди представителей иных национальностей и татар. При этом самая высокая доля находившихся на пенсии и работающих зафиксирована среди русских (17,5 %) и татар (15 %).

Основным источником для роста материального благосостояния людей выступал труд (см. рисунок 2.9). Более половины опрошенных респондентов

отметили, что главным источником средств существования у них является доход по основному месту работы. Важно, что определенная часть населения, независимо от этнической принадлежности, помимо основной работы и учебы считает нормальным иметь дополнительный заработок, который необходим для изменения их материального положения в лучшую сторону.

Однако, как показал анализ данных социологического опроса 2014 г., абсолютное большинство русских (72,8 %), две трети башкир (65,2 %) и почти столько же татар (63 %) признались, что они не занимаются другой деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок (см. рисунок 2.10).

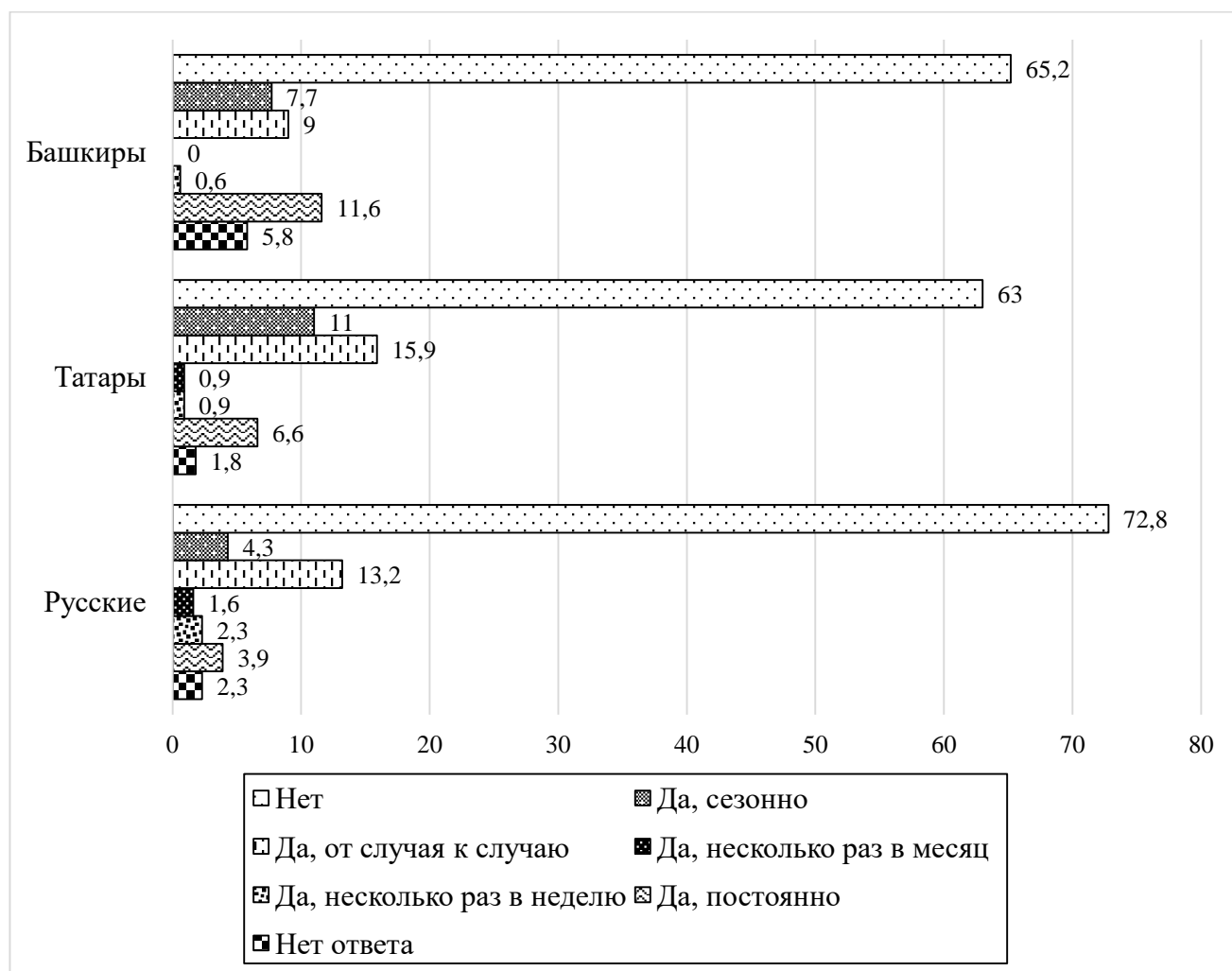

Рисунок 2.10 – Результаты этносоциологического опроса «Занимаетесь ли Вы какой-либо деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.)

По результатам исследования стало известно, что 24,9 % опрошенных русских респондентов в той или иной степени заняты помимо основного места на других работах. Башкиры (11,6 %) в 1,7 раза чаще, чем татары (6,6 %) и в 3 раза, чем русские (3,9 %), отмечали, что они помимо основного места работы еще постоянно подрабатывают, чтобы иметь дополнительный заработок (см. рисунок 2.10). В зависимости от необходимости и возможности, четверть русских, более трети башкир и практически столько же татар признались, что они время от времени подрабатывают для получения дополнительного дохода, который может быть получен сезонно, от случая к случаю или по несколько раз в месяц/неделю.

По итогам исследования, проведенного в 2014 г., выяснилось, что 24,9 % опрошенных русских респондентов в той или иной степени, помимо основного места, заняты на других работах, а 11,6 % респондентов башкирской национальности вынуждены подрабатывать постоянно, чтобы иметь дополнительный доход (см. рисунок 2.10).

Результаты этносоциологического исследования также продемонстрировали, что заработная плата по основному месту работы является главным источником дохода у подавляющего большинства респондентов. Аналогичная ситуация в структуре денежных доходов населения наблюдается и в целом по стране¹²³. Наиболее высокая доля в данной группе была отмечена у русских и татар, у которых данный показатель соответственно составлял 43,6 % и 39,3 % (см. таблица 2.1). Четверть респондентов «иных» национальностей, а также немногим более этого башкир также отмечали, что они живут только на одну зарплату. Но при этом башкиры добавили, что они имеют постоянный дополнительный доход (11,1 %), их мнение почти в три раза превосходило ответ аналогичной группы русских (3,9 %). Каждый пятый участник опроса признал, что наряду с заработной платой он время от времени имеет дополнительный доход. Это в свою очередь способствует поддержанию материального благосостояния данной группы граждан.

¹²³ Социально-экономическое положение России. 2018. Вып. 12 / Росстат. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf (дата обращения: 25.10.2022).

Таблица 2.1 – Результаты этносоциологического опроса

«На какие средства вы живете?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Живу случайными заработками	4	5,1	5	6,9
Живу только на зарплату	29,4	39,3	43,6	25
Живу на заработную плату и время от времени имею дополнительный доход	22,2	18,4	20,7	22,2
Имею заработную плату и постоянный дополнительный доход	11,1	6,6	3,9	5,6
Живу на доходы от собственной предпринимательской деятельности	0,8	2,6	4,5	2,8
Другое	0	3,6	1,1	2,8
Затрудняюсь ответить	0	1	1,1	2,8
Нахожусь на иждивении	4,8	1,5	1,7	0
Стипендия	9,5	5,6	2,2	2,8
Живу на доходы родителей	0	3,1	1,1	2,8
Содержу хозяйство	0,8	0,5	0	0
Пособие на детей	0,7	0,5	0	0
Пособие по инвалидности	0,8	0	0	0
Пенсия и помощь детей	12,7	8,7	14	16,7
Отказ от ответа	3,7	3,6	1,1	9,7

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Отсутствие возможностей иметь постоянную работу негативно отражается на общем социальном самочувствии граждан республики. В этом отношении порядка 5 % респондентов заявили, что они живут случайными заработками. Существенно высоким оказался удельный вес граждан, которые живут за счет пенсии и помощи детей. Проживающие в сельской местности башкиры, татары, а также марийцы и чувашаи отмечали, что держат хозяйство, получают пособия на детей, поскольку рождаемость на селе, у данных этнических групп, за исключением татар, составляет высокую долю¹²⁴.

Получение стипендии представляет важный источник средств к существованию у значительного числа башкир (9,5 %), что более чем в четыре

¹²⁴ Этносоциологический опрос 2018 г., 2021 г.

раза превосходило удельный вес русских и в 3,4 раза – респондентов «иных» национальностей в данном контексте. Данные этносоциологического опроса полностью коррелируют и с официальными результатами Всероссийской переписи 2010 г., согласно которым представители башкирской молодежи составляли 40 % от числа всех стипендиатов региона. Например, если на 1000 человек в среднем по республике приходилось 24 чел. получавших стипендию, то среди башкир он составлял 32 чел.¹²⁵

Низкой оказалась доля респондентов, кто живет на доходы от собственной предпринимательской деятельности (2,7 %). Выше этого уровня были показатели только у русских (4,5 %) и респондентов «иных» национальностей (2,8 %).

Сравнительный анализ данных многолетних опросов, проводимых на региональном уровне за 20-летний период (с 1993 по 2014 гг.), включая и молодежный массив, показывает относительно разные подходы приспособления населения к рыночной экономике. Если старшее поколение появившиеся «лишние деньги» пустило бы на покупку квартиры, то молодежь предпочла бы их «отложить на черный день»¹²⁶. Хотя последний вариант ответа у старшего поколения также занимал значительную долю и практически у представителей всех этнических групп оказался на второй позиции. На втором месте у молодого поколения оказался вариант, согласно которому «лишние деньги» были бы направлены на покупку автомобиля. Наибольшая потребность приобретения такой «роскоши» была отмечена у респондентов русской национальности (10,9 %), что имплицитно означает о том, что у русской молодежи до сих пор еще не было возможности приобрести такое дорогое средство длительного пользования¹²⁷.

Вместе с тем материалы проведенных в Республике Башкортостан эмпирических исследований показывают, что возможности «капитализироваться» у молодежи разных этнических групп различаются. Незначительная часть данной

¹²⁵ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. С. 28.

¹²⁶ Этносоциологический опрос молодежи, февраль 2014 г.

¹²⁷ Там же.

социальной группы при наличии определенной суммы денег предпочла бы их потратить на свое культурное развитие, в том числе на туризм и путешествия.

Диахронный анализ показывает неоднозначность позиций этнических групп к рыночной экономике. Ощущая некоторый дискомфорт от последствий кризиса в экономике, 40,4 % опрошенных респондентов (т. е. каждый второй из пяти), независимо от этнической принадлежности, полагают, что «курсу рыночной экономики в стране альтернативы не имеется, поэтому необходим переход к такой системе, но по нему надо идти постепенно». Однако часть населения новые «капиталистические» отношения не торопилась одобрить. Каждый десятый респондент русской, столько же башкирской, каждый тринадцатый – татарской национальности посчитали неприемлемым рыночную систему экономики.

Несмотря на трудности рыночных отношений, как показывают результаты этносоциологического исследования, отдельная группа респондентов (31 % башкир, 35,2 % татар и 44,4 % респондентов «иных» национальностей) убедительно заявила, что она полностью приспособилась к рыночной системе хозяйствования (см. рисунок 2.11).

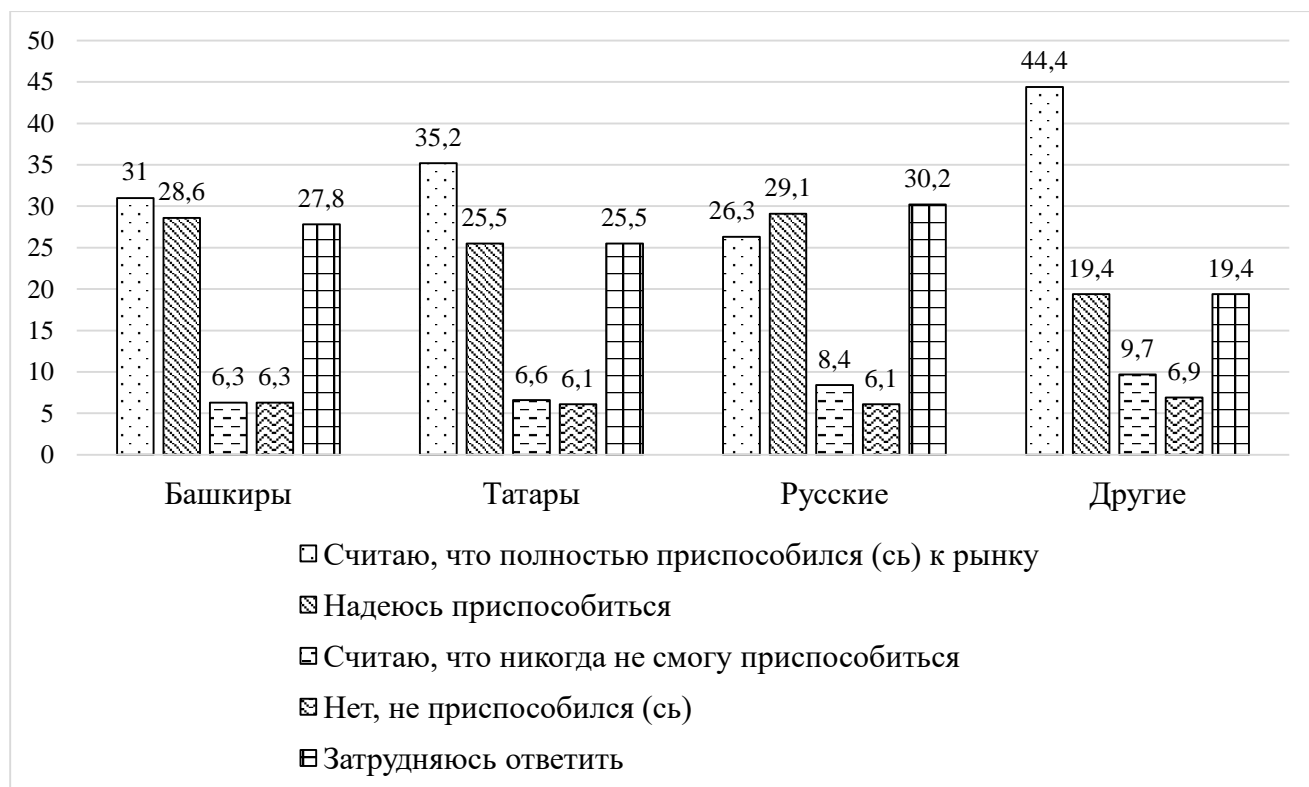

Рисунок 2.11. Результаты этносоциологического опроса

«Смогли ли вы преодолеть трудности переходного периода и адаптироваться к рыночным условиям?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Однако такой позиции придерживалась лишь четверть русских (26,3 %). Но в то же время, менее трети опрошенных лиц русской национальности (29,1 %), почти столько же башкирской (28,6 %) и татарской (25,5 %) выразили надежду, что смогут приспособиться к условиям рыночной экономики.

С одинаковой долей (6,3 %) опрошенные лица, независимо от их этнической принадлежности (6,3 % башкир, 6,1 % татар, 6,1 % русских, 6,9 % респондентов «иных» национальностей) заявили, что не преодолели возникшие трудности. Немногим более этого русские (8,4 %), а также представители «иных» этнических групп (9,7 %) посчитали, что никогда не смогут приспособиться к рыночной системе хозяйствования. К началу второго десятилетия показатель потенциально негативно настроенных к рыночной экономике преобладал у респондентов русской и «иных» национальностей. Русские также в большей степени (30,2 %), чем представители других этнических групп рассматриваемого региона, включая татар (25,5 %) и башкир (27,8 %), не смогли преодолеть трудности переходного периода адаптации к рыночной экономике, оставшись при этом в затруднительном положении (см. рисунок 2.12). О трудностях адаптации к новым рыночным отношениям больше отмечала молодежь русской (12,8 %), башкирской (12,8 %) и «иных» национальностей (14,3 %), в отличие от татар (8,8 %) ¹²⁸.

Оценивая наиболее приемлемый тип собственности для российского общества на современном этапе, все респонденты (без исключения национальной принадлежности) на первое место поставили частную собственность (см. рисунок 2.12). Если наибольшая доля башкир ратовала за частную собственность (27,8 %), то немногим менее четверти русских (23,5 %) разделяла данное мнение. Русские,

¹²⁸ Этносоциологический опрос молодежи, февраль 2014 г.

также меньше всех, выступали за сочетание различных форм собственности (18,4 %), в отличие от тех же башкир (22,2 %) или татар (20,4 %).

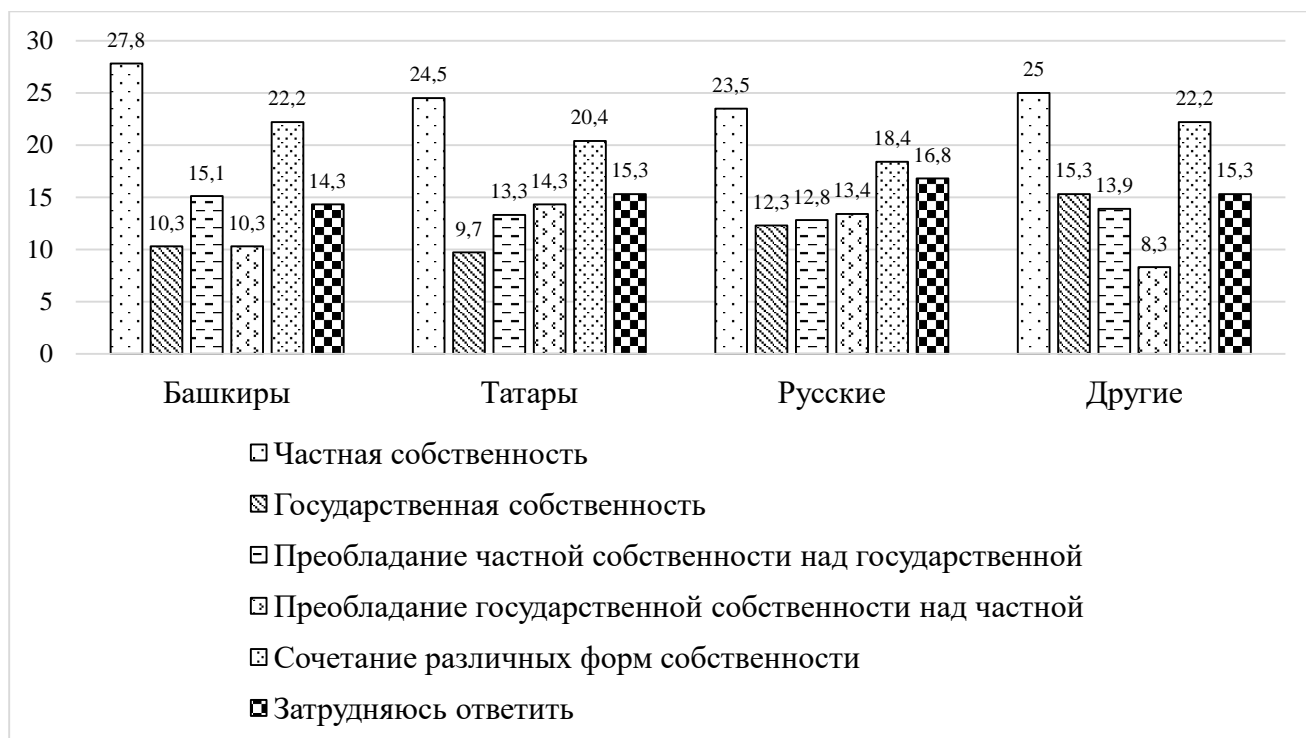

Рисунок 2.12 – Результаты этносоциологического опроса «Какой тип собственности вы считаете наиболее приемлемым для нашего общества?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

На третьей позиции у определенной доли башкир (15,1 %) находился ответ «преобладание частной собственности над государственной», тогда как татары и русские «выступали» за преобладание государственной собственности над частной, соответственно 14,3 % и 13,4 %. В тоже время для опрошенных «иных» национальностей на третьей позиции оказалось преобладание государственной собственности над частной (15,3 %), что существенно опережало долю ответивших татар – 9,7 %, башкир – 10,3 % и частично русских – 12,3 % (см. рисунок 2.12). Определенные предпочтения респондентов титульной национальности в пользу частной собственности над государственной, видимо, можно объяснить проводимой кадровой политикой в республике, когда в их пользу были перераспределены более половины руководящих должностей в

государственных и местных органах власти. Также многие местные хозяйственные предприятия и организации были приватизированы в интересах титульного населения в районах. В ряде районов сельскохозяйственные угодья, особенно вокруг столицы и городов, были приватизированы и впоследствии проданы для индивидуального жилищного строительства. Если ранее часть башкирского населения выступала против частной собственности, в том числе и на землю, то к началу второго десятилетия она уже выступала за преобладание частной собственности над государственной.

Консервативность респондентов русской национальности выражена не только в негативном отношении к преобладанию частной собственности, но и в их отношении к функционированию рыночных механизмов (см. таблица 2.2). Так, русские меньше всех (14,5 %) выступали за предоставление полной свободы бизнесу, низких налогов, которых рынок должен сам отрегулировать, тогда как эту позицию поддерживали около четверти башкир (23 %) и каждый пятый татарин (20,4 %) ¹²⁹.

Таблица 2.2 – Результаты этносоциологического опроса

«На ваш взгляд, должно ли государство управлять всей экономикой?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Должно в интересах сохранения общего социального равенства	34,1	28,6	34,1	33,1
Государство не должно управлять экономикой	6,3	5,6	7,8	5,6
Возможно, сохранять определенную долю государства в управлении экономикой	19	28,1	18,4	15,3
Должно для защиты частной собственности	12,7	10,2	10,1	13,9
Должно в интересах государствообразующей нации	4,8	4,6	4,5	6,9
Затрудняюсь ответить	23	23	25,1	25

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

¹²⁹ Этносоциологический опрос, ноябрь 2018 г.

Но с другой стороны, русские в большей степени (по сравнению с другими респондентами), правда не в таких существенных масштабах, высказались, что государство не должно управлять экономикой. Все же четверть русских, как и респонденты других национальностей, полагала, что в интересах сохранения общего социального равенства государство должно управлять всей экономикой. По мнению более четверти татар (28,1 %), одной пятой – башкир и русских, государство с целью сохранения определенной своей доли должно участвовать в управлении экономикой. Каждый десятый респондент считал, что государство должно управлять экономикой для защиты частной собственности (см. таблица 2.2).

Таким образом, несмотря на ряд трудностей, порядка немногим менее половины населения республики подтвердило о своей полной адаптации к условиям рыночной экономики. Более четверти респондентов были уверены, что в ближайшее время смогут адаптироваться к рыночной системе. Рыночную экономику население воспринимает как свободно конкурирующих между собой хозяйствующих субъектов. Поэтому жители региона полагают, что наиболее оптимальным вариантом для экономики республики была бы полная свобода бизнеса и низкие налоги.

§ 2.2. Трудовые ориентации населения Башкортостана как фактор адаптации и интеграции в рыночные отношения

Кардинальные реформы начала 1990-х гг. ознаменовали строительство новой экономической системы в стране. Кризис на рынке труда наиболее ярко проявился в ходе реализации так называемой «шоковой терапии», которая внесла коррективы в привычный уклад жизни людей как в целом по стране, так и в ее регионах. Помимо этого обострилась проблема финансово-экономического положения населения, у которого резко сократились располагаемые достаточные средства к существованию. Жители постсоветской России были вынуждены искать новые источники дохода в условиях развития рыночной модели хозяйствования.

Относительно мер по развитию экономики, прежде всего малого и среднего бизнеса, в стране имеются разные подходы. При этом в зависимости от поставленных задач предприниматели уже в начале при регистрации своих фирм сталкиваются с рядом проблем, которые в ходе работы приобретают все новые и новые препятствия для своей работы. В этом смысле данные этносоциологического опроса рельефно вырисовывают наиболее уязвимые стороны предпринимательской деятельности в республике. При этом имеются разные оценки в разрезе этнических групп. Но наиболее равномерная оценка респондентами, независимо от этнической принадлежности, была отмечена в маркере «освободить предприятия малого и среднего бизнеса от налогов в первые три года деятельности» (см. таблица 2.3).

Таблица 2.3 – Результаты этносоциологического опроса
«Что, по Вашему мнению, может ускорить развитие экономики?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Дать свободу предпринимателям	22,2	12,2	12,3	18,1
Упростить регистрацию фирм и ООО, занимающихся предпринимательством	16,6	10,7	12,3	12,5
Освободить предприятия малого и среднего бизнеса от налогов в первые три года деятельности	26,2	27,4	27,4	19,4
Защитить от чиновничьего произвола	15,9	31,6	29,1	29,2
Затрудняюсь ответить	19	17,8	19	20,8

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

В ходе опроса выяснилось, что данное утверждение поддержали более четверти башкир (26,2 %), татар (27,4 %), русских (27,4 %) и лишь 19,4 % респондентов «иных» национальностей. В свою очередь, башкиры, в отличие от респондентов других национальностей, больше всех выступали за упрощение регистрации фирм и ООО, занимающихся предпринимательством (16,6 %). Каждый пятый башкир (22,2 %), в отличие от татар и русских, почти в два раза

больше поддерживал предоставление свободы предпринимателям. Но при этом башкиры, в два раза меньше (15,9 %), чем татары (31,6 %), почти столько же, чем русские (29,1 %) и респонденты «иных» национальностей (21,2 %) жаловались на произвол со стороны чиновников (см. таблица 2.3).

Несмотря на разброс позиций касательно развития рыночных отношений, по мнению каждого пятого татарина и почти четверти башкир, наиболее оптимальным вариантом для экономики республики была бы полная свобода бизнеса и низкие налоги, что позволило бы самому рынку регулировать экономику. Но русские и респонденты «иных» национальностей такую позицию разделили не с особым энтузиазмом, соответственно 14,5 % и 9,7 % (см. таблица 2.4).

Таблица 2.4 – Результаты этносоциологического опроса «Какую из идеологических платформ вы считаете наиболее привлекательной, готовы ее поддержать?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Высокие налоги на бизнес для выравнивания благосостояния граждан	7,1	6,6	6,1	5,6
Полная свобода бизнеса, низкие налоги, рынок сам регулирует экономику	23	20,4	14,5	9,7
Сочетание преимуществ всех систем: рыночной и плановой, либеральной и социал-демократической	20,6	20,9	19	11,1
Режим «твердой руки», власти виднее, что лучше для народа, главное, чтобы была защищена частная собственность, тогда будет порядок	11,1	9,7	8,9	20,8
Свобода должна ограничиваться только законом	7,1	9,2	14,5	15,3
Нужно приоритетно отстаивать интересы государствообразующей нации	5,6	2	3,9	4,2
Затрудняюсь ответить	25,4	28,6	30,2	33,3

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Часть опрошенных, порядка 20 % башкир, русских и татар, высказалась за сочетание преимуществ всех систем: рыночной и плановой, либеральной и социал-демократической. С такой позицией согласился лишь каждый десятый респондент «иных» национальностей, который в свою очередь одной пятой долей (20,8 %) поддержал режим «твердой руки», отметив, что «власти виднее, что лучше для народа, главное, чтобы была защищена частная собственность, тогда будет порядок». Но такое мнение устраивало лишь десятую часть башкир, русских и татар. Респонденты «иных» национальностей (14,5 %), как и русские (15,3 %), в отличие от башкир (7,1 %) и татар (9,2 %), следовали букве закона, отметив, что «свобода должна ограничиваться только законом» (см. таблица 2.4).

В свою очередь, «переход к рыночной экономике создал определенные трудности в сфере трудоустройства и материально-финансового положения населения страны, которые также имелись и в Республике Башкортостан из-за неравномерного расселения этнических групп в городской и сельской местности»¹³⁰. Переход от административно-командной экономики к рыночной системе хозяйствования сопровождался рядом негативных последствий для социально-трудовой сферы, включая: ликвидацию и реорганизацию государственных предприятий, последующий спад производства, сокращение и отмену социальных гарантий, стремительный рост безработицы. Вследствие этого в пореформенной России 1990-х гг. появилась категория безработных граждан.

Для более детального изучения этносоциальных аспектов трудовой деятельности населения региона в постсоветский период обратимся к результатам российских переписей населения. Материалы переписи населения 2002 г. раскрывают сведения о количестве источников (от одного и более) формирования дохода жителей страны, это и отличает ее от советской системы учета дохода населения, когда фиксировался лишь один источник средств к существованию. Анализ результатов первой постсоветской переписи также позволил выявить

¹³⁰ Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Кульшарипов Ф. Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 20.

некоторые тенденции касательно формирования дохода этнических групп в многонациональном регионе. Перепись 2002 г. показала, что единственным источником дохода, исходя из выборки объемом 1000 чел., располагали 517 чел. башкирской, 664 татарской и 729 русской национальности, из которых соответственно 481, 336 и 243 чел. указали в опросном листе наличие более одного источника формирования дохода. В частности, 1,3 % русских, 1,7 % татар и 2,4 % башкир отметили три источника средств к существованию. Между тем доля лиц, указавших четыре источника дохода составила у русских – 0,04 %, столько же у татар и 0,06 % у башкир¹³¹.

В первое десятилетие XXI в. были проведены масштабные социально-экономические реформы и в стране «в основном завершился переход к рыночной экономической системе¹³²». Всероссийская перепись населения, проводимая на территории Российской Федерации в 2010 г., не только раскрыла некоторые аспекты трудовой жизни людей, но и показала изменения динамики доходов населения в региональном разрезе (на уровне Республики Башкортостан). Трудовая деятельность, как и для многих жителей страны, выступила в качестве основного источника дохода у практически половины населения региона (43,6 %). У представителей русской, чувашской, и татарской национальности этот показатель был несколько выше среднереспубликанского, соответственно 45,1 %, 45,3 % и 46,2 %. Между тем у башкир он равнялся 41,5 %. Следует добавить, что среди чувашей Башкортостана была отмечена самая высокая доля (в процентном измерении) имеющих несколько источников дохода одновременно. Так, два источника средств к существованию обозначили более одной трети (39 %) представителей этой этнической группы. В свою очередь, средний по региону показатель равнялся 29,4 %, а менее этого (22,4 %) составил у русских. Часть населения республики (70 570 чел.) указала в опросном листе три источника

¹³¹ Народы Башкортостана в переписях населения: стат. сб. В 2-х ч. Ч. 2. Уфа, 2005. С. 244.

¹³² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489

средств к существованию. Как выяснилось, в это число вошли 16 885 татар – 23,9 %, 18 363 русских – 26,9 % и 28 245 башкир – 40 %¹³³.

Значительная часть населения (1 708 тыс. чел.) в 2002 г. отмечала, что трудовая деятельность приносит им определенный доход. По итогам переписи 2010 г. численность этой категории выросла практически на 4 % и достигла 1 774 тыс. чел. Данная цифра была эквивалентна 70,7 % от числа населения трудоспособного возраста, которое в общем равнялось 61,6 % от всей численности населения региона. Доля трудоспособного населения Башкортостана из числа русских равнялась 59,9 %, среди башкир достигала 61,7 %, внутри татар и чувашей составила 63,1 %. В бланке переписного листа 2002 г. можно было указать данные о трудовой деятельности как по основному месту работы, так и по совместительству. Работа по совместительству также послужила источником дохода населения региона. Это подтвердили немного более четверти башкир и татар (25,2 % и 27,2 %), а также одна треть русских (33,5 %). По итогам переписи 2010 г. данная пропорция по сути осталась прежней, но с некоторой тенденцией к увеличению. Например, этот показатель вырос до 27,4 % у башкир и у русских, достигнув – 36,6 %, тогда как у татар наметилась тенденция некоторого сокращения – 26,3 %¹³⁴.

Перечень источников средств к существованию, представленный в переписном листе 2010 г., состоял из 12 пунктов и включал личное подсобное хозяйство (ЛПХ). В соответствии с официальным определением, изложенным в статье 2 Федерального закона от 07.07.2003 № 112-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О личном подсобном хозяйстве», личное подсобное хозяйство является «формой непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции»¹³⁵. В Башкортостане ЛПХ указали в качестве источника дохода 29,6 % чувашей и 27,4 % башкир, этот достаточно высокий

¹³³ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. С. 28.

¹³⁴ Там же. С. 28–30.

¹³⁵ Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О личном подсобном хозяйстве» // Собрание законодательства РФ. 14.07.2003. № 28. Ст. 2881.

показатель на 10,7 % превосходил среднереспубликанские значения. Надо признать, что у населения за межпереписной период (с 2002 по 2010 гг.) заметно выдвинулись вверх доходы, полученные от ведения непредпринимательской деятельности в форме ЛПХ (к примеру, у русских – в 1,1 раза (с 23,8 до 26,1 %), у татар – в 1,7 раза (с 22,3 % до 39,2 %), у башкир – в 1,5 раза – (с 42,5 до 66,1 %))¹³⁶.

В российском государстве установлены меры социальной поддержки населения, включая социальные пособия. Жители рассматриваемого региона активно обращаются в органы соцзащиты для их оформления. Но стоит отметить, что в этническом разрезе (внутри этнической общности) численность и доля лиц, получающих разные виды социальных пособий (за исключением пособия по безработице), имеют некоторые различия. В частности, социальные пособия получали 12,8 % башкир (149 616 чел.), 7,5 % татар (75 867 чел.) и 6,6 % русских (94 370 чел.). Следует, что из этой формы социального обеспечения чуть менее половины (42 %) приходилось на долю башкирского населения, менее одной четверти (21,3 %) – татарского и немного более четверти (26,5 %) – русского¹³⁷.

Материалы переписи 2010 г. позволили выделить региональные данные о доле населения, указавшего иждивение, помощь других лиц и алименты в качестве основного источника средств к существованию. К таковым относились 30,9 % населения региона (1 260 тыс. чел.), из которых 33,9 % представляли башкир, а 30,7 % татар и русских. Так, среди чувашского населения Башкортостана был зафиксирован самый низкий (нежели в среднем по республике) показатель лиц, находящихся на иждивении (27,6 %). Также в последнюю категорию входят несовершеннолетние дети и значительная часть молодежи, которая не вовлечена в трудовую деятельность. Пенсионеры, располагающие вышеуказанным источником дохода, составили практически четверть (22 %). Заметим, что общая доля пенсионеров в составе населения региона выросла и достигла отметки 898 тыс. чел.

¹³⁶ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. С. 28–34.

¹³⁷ Там же. С. 28–30.

В структуре получателей пенсий доля башкир была равна одной пятой (20,6 %), что оказалось чуть ниже доли татар и русских, соответственно 22,1 и 24 %.

Трудовая занятость населения отражает социальные позиции этнических групп в многонациональном обществе. Данные государственной статистики позволили рассмотреть особенности структуры занятости башкир: работающими по найму являлись 95,9 % из всего экономически активного населения в возрасте от 15 до 72 лет, оставшиеся 4,1 % осуществляли предпринимательскую деятельность, как с привлечением, так и без (т. е. самостоятельно) наемных работников¹³⁸. Если рассуждать о гендерных аспектах занятости, то 2,7 % мужчин и 2,3 % женщин башкирской национальности зарегистрированы в качестве индивидуального предпринимателя¹³⁹.

Формирование новой модели трудовых отношений проходило в условиях становления рыночных отношений на постсоветском пространстве. Трансформационная реформа национальной экономики оказала существенное влияние на конъюнктуру российского рынка труда. Если в СССР был «закрытый» рынок труда, то в российском государстве он является открытым для движения рабочей силы. В свою очередь, развитие рыночной экономики способствовало созданию рабочих мест в частном секторе. Несмотря на это, этносоциологический опрос 2018 г. показал, что заметная часть жителей региона (35,7 %) отдает предпочтение работе на государственном предприятии (см. рисунок 2.13). Данное стремление выразили практически равное количество респондентов среди башкир, татар и русских, соответственно 38,1 %, 38,3 % и 39,7 %, а также более четверти опрошенных лиц (26,4 %), представляющих другие национальности региона.

Как мы видим из данных рисунка 2.13, работа по найму, включающая небольшую, но стабильную «экономическую выгоду в денежной или натуральной форме», оказалась в меньшей степени предпочтительна для башкир (13,5 %), нежели для остальных респондентов – 17,3 % татар, 19 % русских и 19,4 % «иных»

¹³⁸ Башкиры в начале XXI века: стат. сб. Уфа, 2008. С. 26.

¹³⁹ Там же. С. 157.

этнических групп. Инвестиционные предпочтения выразили 5,6 % башкир и менее этого (1 и 3,4 %) татар и русских.

Рисунок 2.13 – Результаты этносоциологического опроса
«Какие из предпочтений работы, основанной на «социалистических» и
«рыночных» принципах, Вам близки?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Работа «на себя» зачастую дает возможность самостоятельно планировать рабочий график и вести деятельность на своих условиях. Вполне вероятно, что это является обоснованием выбора 19,2 % респондентов, которые предпочли не только работать «на себя», но и при этом иметь крупный доход, выделяющийся своей нерегулярностью. К этой группе «присоединилась» достаточно малая часть русских (12,3 %), но с этим согласились 18,3 % башкир, 22,4 % татар и 23,6 % представителей других национальностей (см. рисунок 2.13).

Рыночная экономика включает в себя важный элемент – предпринимательство. Опрос населения 2018 г. позволил выявить как долю занятости населения Башкортостана в предпринимательстве, так и их отношение

к этой инициативной трудовой деятельности. Практически каждый десятый респондент отметил, что является предпринимателем, это 8,7 % башкир, 8,2 % татар, 10,1 % русских и 2,8 % «иных» национальностей (см. рисунок 2.14).

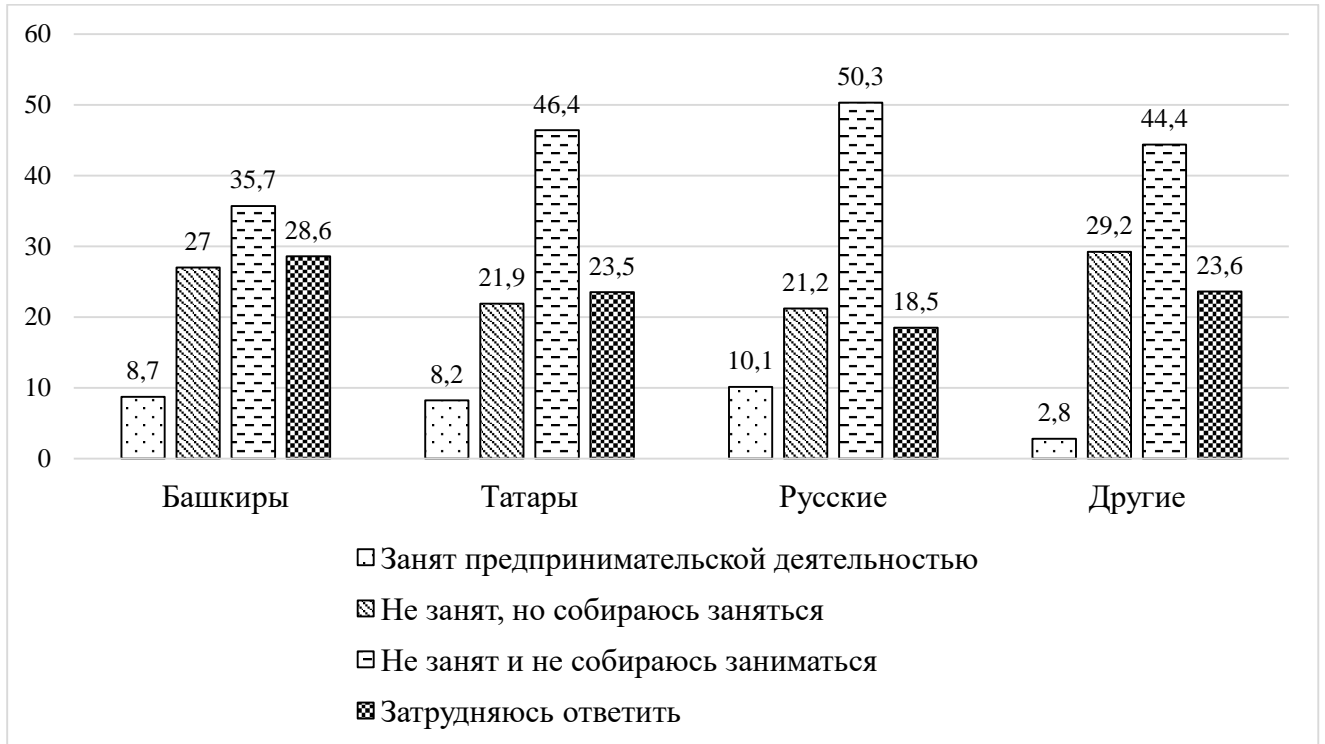

Рисунок 2.14 – Результаты этносоциологического опроса «Заняты ли вы в предпринимательстве и ориентированы на предпринимательскую деятельность?»*

* Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Практически четверть населения (24,8) региона указала, что она не вовлечена в предпринимательскую деятельность, но при этом, из данного числа респондентов в большей степени башкиры (27 %) и представители других национальностей (29,2 %) хотели в будущем стать предпринимателями, в меньшей же степени этого желали татары и русские (21,9 % и 21,2 %). Практически половина опрошенных лиц (44,2 %) категорически отвергла возможность осуществления предпринимательской деятельности (в дальнейшей перспективе), выбрав пункт «не занят и не собираюсь заниматься». Так, половина русских респондентов, которые если вспомним (см. рисунок 2.13) по большей части были ориентированы к работе на госпредприятии (39,7 %), сообщила об отсутствии желания становится

предпринимателем (50,3 %). Это был самый высокий показатель среди опрошенных этнических групп, поскольку аналогичный ответ выразили лишь треть башкир (35,7 %), немного менее половины татар – 46,4 % и почти столько же представителей других национальностей – 44,4 % (см. рисунок 2.14).

Результаты опроса 2018 г. показали, что в разряд предпринимателей и коммерсантов отнесли себя 4,6 % татар, 4,5 % русских, 1,6 % башкир и 1,4 % респонденты «иных» национальностей. По большому счету взгляды населения современного Башкортостана последовательно направлены к занятию предпринимательской деятельностью.

Переход от командно-административной к рыночной системе хозяйствования после распада советского государства, сопровождаемый негативными последствиями, не только привел к росту разрыва в доходах между бедными и богатыми россиянами, но и поставил заметную часть социума в затруднительное материально-финансовое положение. У населения возникла необходимость поиска дополнительных источников средств к существованию, без которых многим оказалось довольно сложно достичь материального благополучия. Структура денежных доходов населения региона по данным Росстата (в процентах от общего объема денежных доходов населения) состоит из оплаты труда (47,5 %), доходов от предпринимательской деятельности (3,6 %), социальных выплат (22,7 %), доходов от собственности (2,9 %) и прочих денежных поступлений (23,3 %)¹⁴⁰.

В этом плане, материалы опроса 2018 г., позволили провести анализ ресурсных возможностей населения по получению дополнительного дохода от какой-либо деятельности (за исключением заработной платы от основной работы, пенсионных и стипендиальных выплат), который показал, что немного более половины респондентов (57,9 %) не имеет соответствующего дохода. В свою очередь, приносящая дополнительный доход деятельность имеется у 8,3 % населения региона (т. е. фактически у каждого десятого жителя). Данная деятельность осуществляется как на постоянной основе, так и носит нестабильный

¹⁴⁰ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 402.

характер (от случая к случаю, несколько раз неделю/месяц и от сезона к сезону) что происходит чаще всего (см. рисунок 2.15).

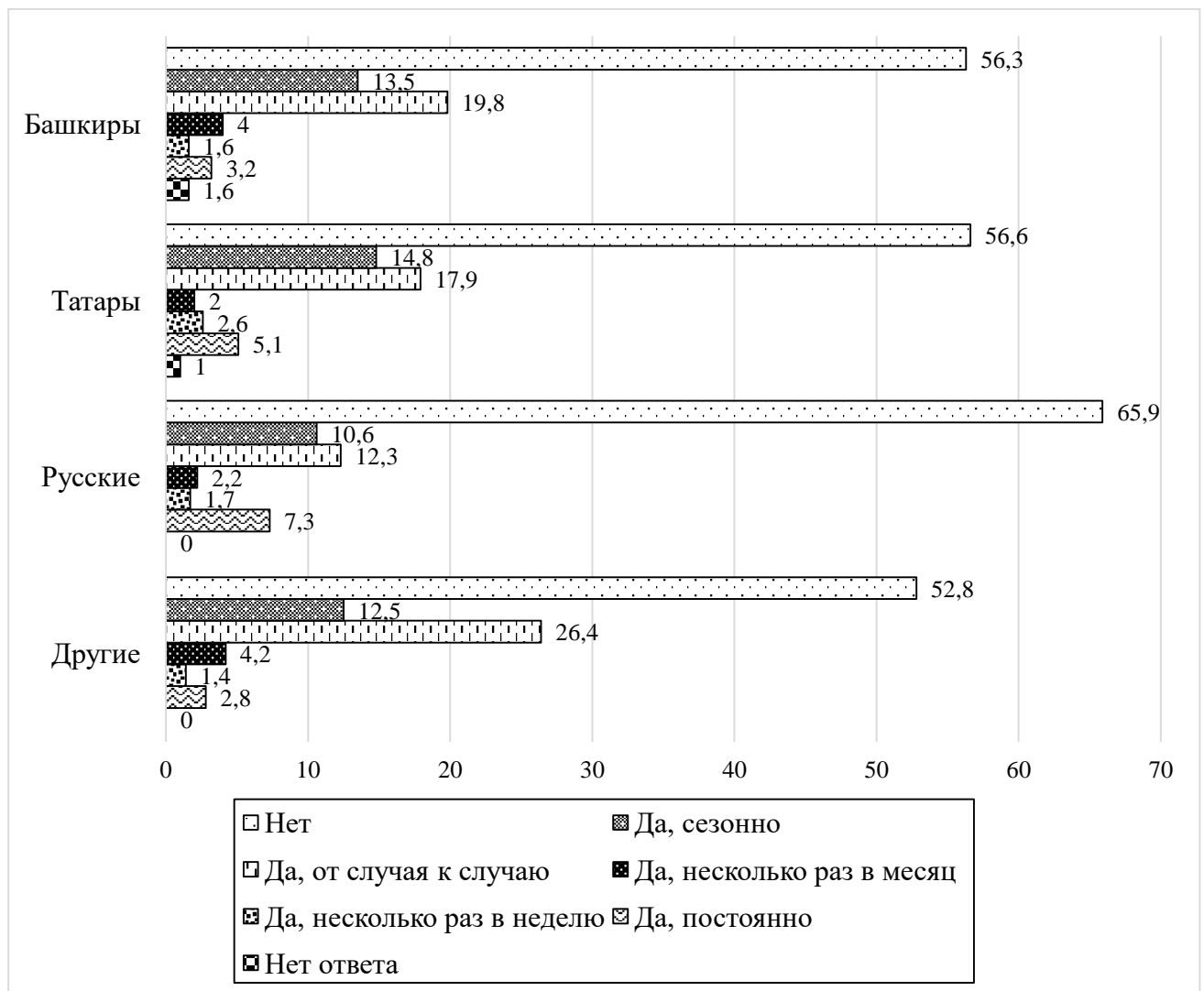

Рисунок 2.15 – Есть ли у Вас деятельность, являющаяся дополнительным источником средств к существованию (помимо заработка по основной работе, пенсии, стипендии)? *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Анализ материалов проведенного исследования (2018 г.) показал, что каждый десятый башкир, представитель «иных» национальностей, а также немногим менее этого русских (8,9 %) и татар (5,1 %) отметили, что они имеют дополнительный доход благодаря работе на одной или нескольких работах (помимо основной работы). Другая группа сдает жилплощадь в аренду с целью получения дополнительного дохода (см. рисунок 2.16).

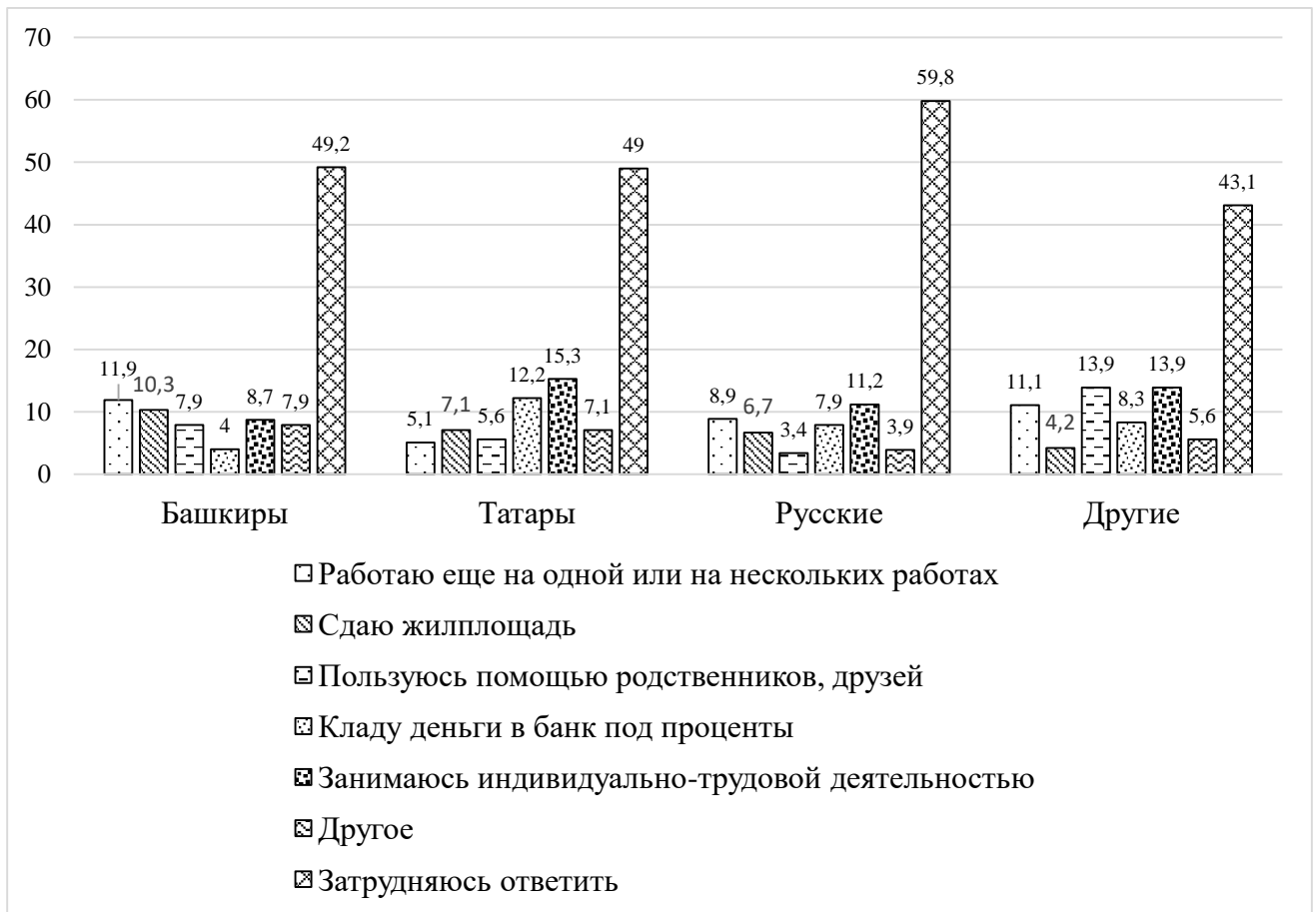

Рисунок 2.16 – Результаты этносоциологического опроса «Если Вы имеете дополнительный доход, то укажите, пожалуйста его источник?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Значительная часть респондентов для получения дополнительного дохода занимается индивидуально-трудовой деятельностью. Среди этой группы наибольшую занятость индивидуально-трудовой деятельностью указали татары (15,3 %) и респонденты «иных» национальностей (13,9 %). Татары также больше, чем остальные, отметили, что дополнительный доход им приносят деньги, заложенные в банке под проценты, что в три раза превышает аналогичное действие респондентов башкирской национальности (4 %) (см. рисунок 2.16).

Определенная группа людей с целью получения дополнительного дохода занималась шитьем, вышиванием, вязанием или же плела корзины и продавала их на рынке (см. таблица 2.5). Небольшая часть респондентов, независимо от национальности, занималась частным извозом в качестве местных таксистов. Небольшая группа, как выяснилось в ходе опроса, занималась репетиторством (4,5

%), торговала через интернет-магазины (1,9 %), помогала в ремонте бытовой техники, компьютеров, автомашин (2,5 %), а также участвовала в заготовке лекарственных растений и кормов (1,4 %).

Таблица 2.5 – Результаты этносоциологического опроса «Если Вы занимаетесь какой-либо индивидуально-трудовой деятельностью, то чем именно?» *

Варианты ответов	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Подрабатываю перепродажей, мелкой торговлей	4	6,1	5	0
Оказываю помощь в ведении хозяйства, уходе за детьми	4,8	1,5	1,7	0
Выращиваю овощи, фрукты для себя и на продажу, занимаюсь птицеводством, животноводством	7,9	7,6	4,5	8,3
Продаю сделанные мною вещи, шью, вяжу, вышиваю, плету корзины и т. п.	4,8	2,6	3,4	2,8
Занимаюсь репетиторством, переводами	5,6	5,6	4,5	1,4
Занимаюсь частным извозом (такси)	3,2	3,6	3,4	5,6
Оказываю медицинские, парикмахерские услуги	0,8	1	0	0
Занимаюсь распространением прессы, рекламирую товары	1,6	0,5	0	0
Развиваю интернет-магазин	2,4	1,5	1,2	2,8
Участвую в заготовке лекарственных растений, кормов	0,8	1,5	1,7	1,4
Занимаюсь организацией досуга, играю на музыкальных инструментах	0	2	0	2,8
Помогаю в ремонте бытовой техники, компьютеров, автомашин	2,4	1,6	2,8	2,8
Занимаюсь сбором и сбытом цветного и черного металла	1,6	0	1,1	0
Собираю бутылки, банки	0,8	1	0	1,4
Другое (укажите, что именно)	1,6	6,1	5,6	2,8

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Отдельная группа из числа тех, кто занимается индивидуально-трудовой деятельностью, указала, что она выращивает овощи, фрукты как для себя, так и для продажи, а также занимается птицеводством и животноводством. Доля такой группы людей составила порядка 7 %, за исключением русских (4,5 %). Такой низкий показатель наличия подсобного хозяйства у русских объясняется низким удельным весом последних в составе сельского населения – около 20 %, тогда как более половины башкир (57 %) являются жителями села. Небольшая группа респондентов русской (5 %), татарской (6,1 %) и башкирской (4 %) национальностей указала, что осуществляет мелкую торговлю и подрабатывает перепродажей (см. таблица 2.5).

Также часть населения (около 16 %) владеет дачей, садово-огородным участком с домом, а порядка 5,6 % имеет землю или же подсобное хозяйство (1,2 %), где, как правило, занимается разведением домашних животных, но в большей степени выращиванием овощей и фруктов, как для личного потребления, так и для продажи остатков на рынке.

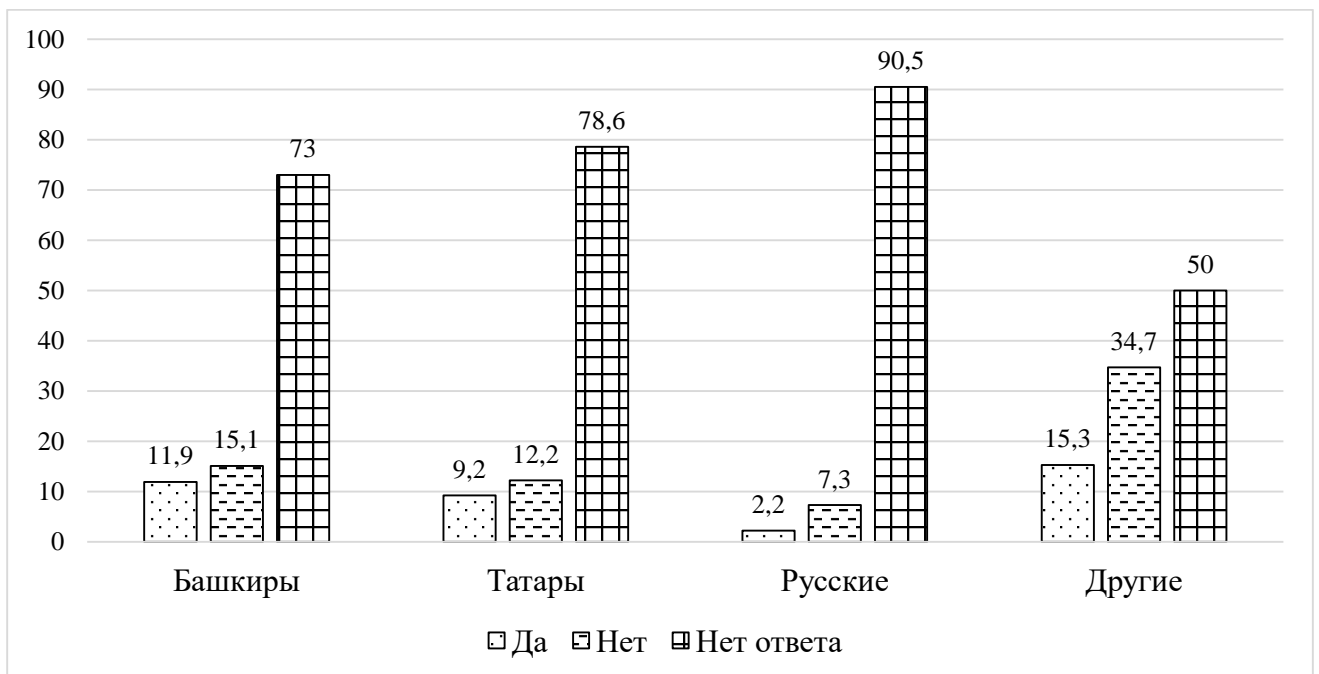

Рисунок 2.17 – Результаты этносоциологического опроса
«Продаете ли Вы продукцию Вашего личного хозяйства?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Однако, как выяснилось в ходе опроса, доля продаваемой продукции на рынке оказалась не такой и высокой. Так, 11,9 % башкир, 9,2 % татар, 2,2 % русских, а также 15,3 % респондентов «иных» национальностей заявили, что они продают произведенную продукцию (см. рисунок 2.17).

Масштабы произведенной продукции, реализованной для потребителей, не покрывают всех потребностей рынка. В целом население понимает необходимость более масштабного решения продовольственной проблемы в стране. С этой целью, по мнению почти одной трети башкир (34,9 %), немногим менее этого татар (31,1 %), четверти русских (26,8 %) и «иных» национальностей (25 %), необходимо сохранить существующие колхозы и совхозы, разрешив им продавать по крайней мере половину продуктов по рыночным ценам (см. рисунок 2.18).

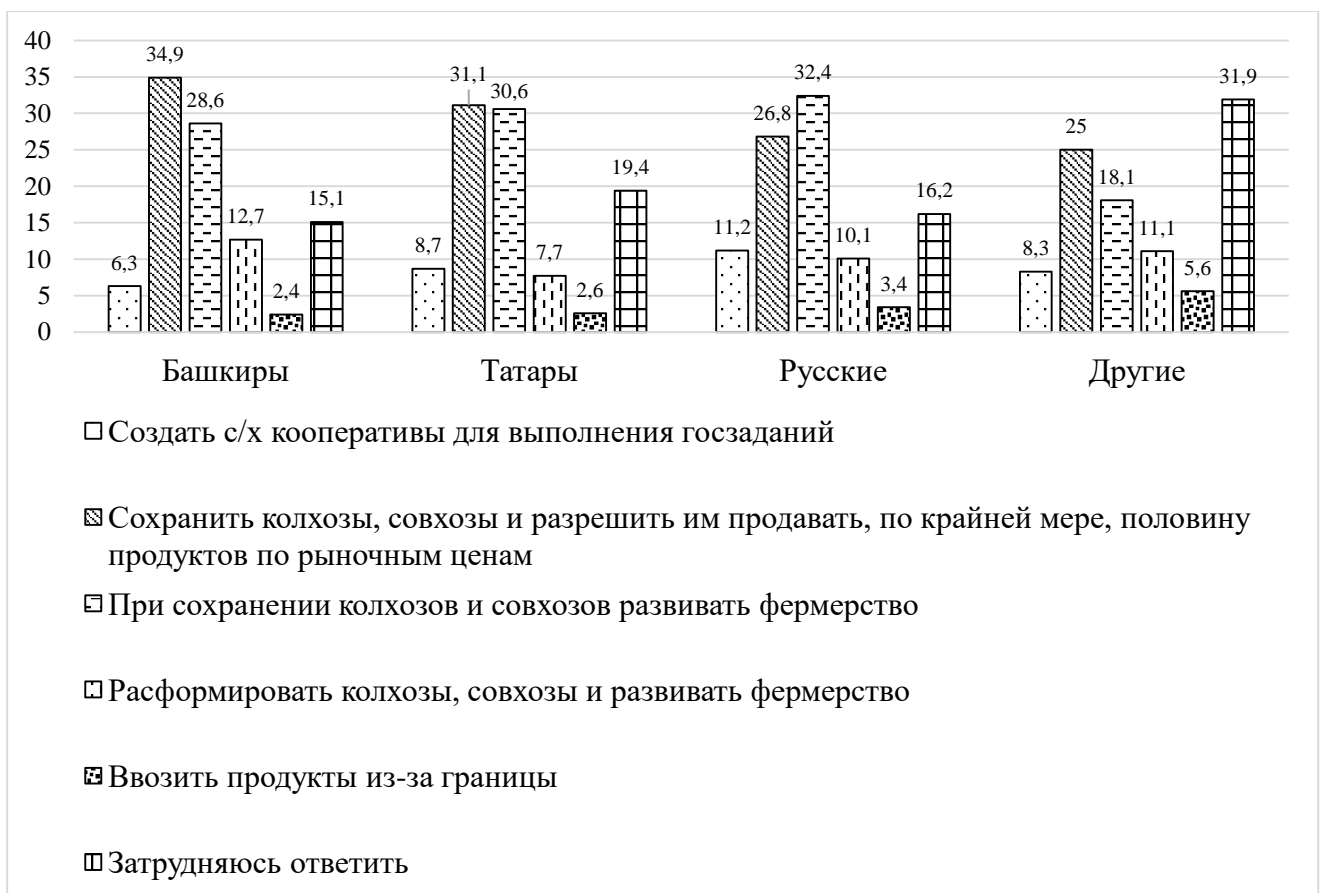

Рисунок 2.18 – Результаты этносоциологического опроса
 «Каким образом, по Вашему мнению, можно быстрее всего решить
 продовольственную проблему в Башкортостане?» *

*Рисунок составлен по материалам опроса (ноябрь 2018 г.)

Другая часть, наиболее либеральная, полагает, что при сохранении колхозов и совхозов необходимо развивать фермерство. Если до этого русские по многим рыночным позициям выступали более консервативно, то в данном случае одна треть русских (что больше доли респондентов других национальностей) высказалась за развитие фермерства при сохранении колхозов и совхозов. Отдельная группа русских (10,1 %), также как и другие респонденты (12,7 % башкир, 7,7 % татар, 11,1 % представителей «иных» этнических групп), высказалась за более радикальный шаг – «расформировать колхозы, совхозы и развивать фермерские хозяйства».

При этом башкиры, выступающие обычно за введение более радикальных мер, особенно в сельском хозяйстве, меньше всех выступали за создание сельскохозяйственных кооперативов для выполнения государственных заданий. В этом смысле наиболее радикальную позицию заняли респонденты русской национальности (11,2 %), превышая башкир в 1,8 раза. Промежуточную позицию заняли татары (8,7 %) и представители «иных» национальностей (8,3 %) (см. рисунок 2.18).

При отсутствии работы на местах люди вынуждены выезжать в другие населенные пункты, в том числе работать вахтовым методом в районах Крайнего Севера и Западной Сибири. В этом отношении более мобильными по сравнению с представителями других национальностей оказались татары, которые больше, чем остальные, ездят на работу не только в другие населенные пункты внутри республики (12,8 %), но и за пределы республики (7,1 %). Например, такие выезды совершают башкиры соответственно 7,9 % и 5,6 %, русские – 8,4 % и 0,6 %, и респонденты «иных» национальностей – 9,7 % и 6,9 % (см. рисунок 2.19). Татары рассматриваемого региона, как показали материалы эмпирического исследования, также больше всех выезжают за пределы страны на работу с целью заработать деньги (3,6 %): более в два раза, чем башкиры (1,6 %) и еще больше, чем русские (0,6 %) и представители «иных» национальностей (2,8 %).

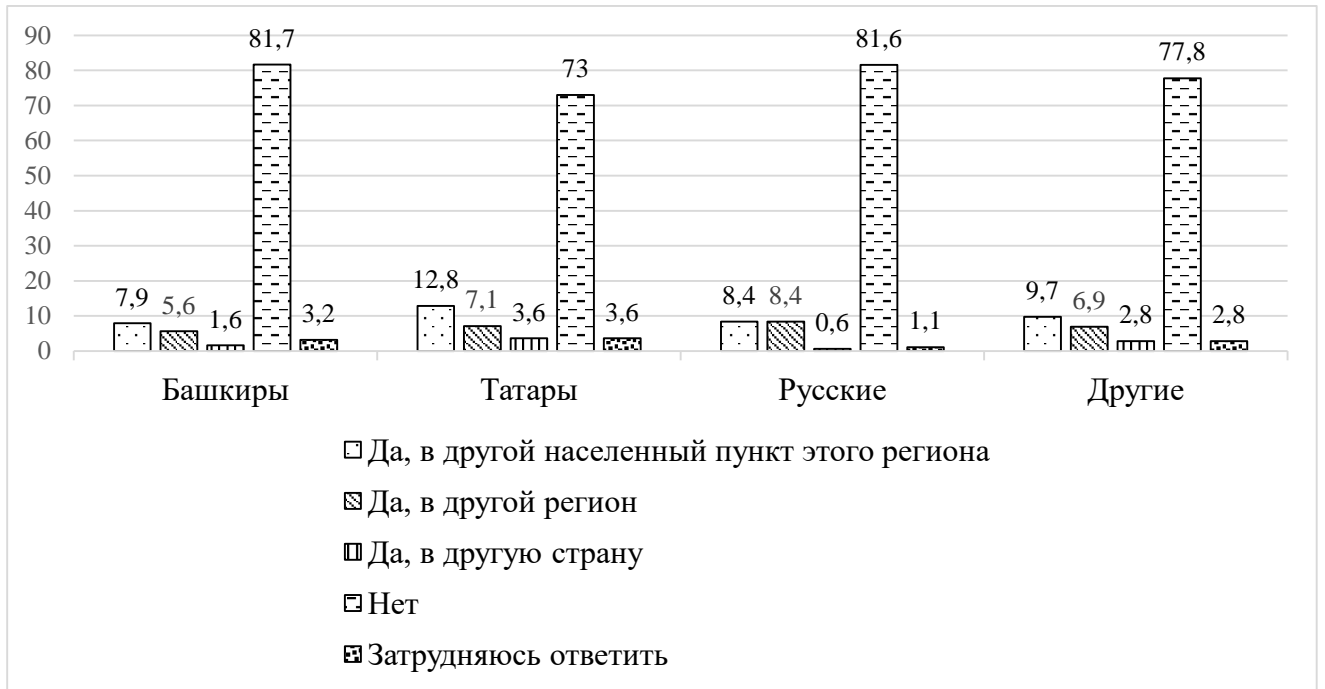

Рисунок 2.19 – Результаты этносоциологического опроса «Выезжаете ли Вы в другой населенный пункт, регион или другую страну на работу или заработка? (а также ежедневные выезды на работу в другой населенный пункт)»*

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Регионами, в которые выезжают на заработки уроженцы Башкортостана, являются, прежде всего, Тюменская область, г. Москва и Московская область, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, а также ряд соседних регионов.

В результате проведенного анализа трудовых ориентаций населения Республики Башкортостан (на материалах этносоциологических исследований) можно сделать вывод, что население полиэтнического региона не только преодолевает трудности рыночной модели хозяйствования, но и активно приспосабливается к новым социально-экономическим условиям жизни в трансформирующемся российском обществе. Для достижения этой цели этнические группы используют все имеющиеся возможности, которые привнесла рыночная экономика в нашу страну. Между тем, поступательное развитие рынка труда в условиях функционирования рыночной экономики в целом не оказало столь заметного влияния на трудовые предпочтения населения региона. Массовые

этносоциологические исследования показали, что для значительной части населения республики (в том числе независимо от принадлежности к какому-либо этносу) предпочтительна работа на государственном предприятии. Определенная группа населения отдала предпочтение работать по найму, пусть с небольшим, но со стабильным доходом. Немногим менее половины опрошенных, помимо заработка от основной работы, пенсии или стипендии, занимаются иной трудовой деятельностью. Одним из распространенных видов деятельности, приносящих дополнительный доход является занятие индивидуально-трудовой деятельностью. Незначительная часть населения при отсутствии работы на местах вынуждена выезжать в другие населенные пункты, а также вахтовым методом работать в различных регионах страны.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В БАШКОРТОСТАНЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

§ 3.1. Самооценка социального самочувствия этнических групп в диахронном срезе

Произошедший распад Советского Союза коренным образом изменил сложившуюся жизненную ситуацию жителей некогда могучей державы. Переход к рыночной экономике, банкротство и остановка действующих десятилетиями промышленных предприятий привели к массовой безработице миллионов жителей во многих регионах бывшего Советского Союза. Распад СССР привел к разрыву не только экономико-политических, но и чисто человеческих отношений, когда живущие в разных республиках родственники оказались гражданами других государств, что, в свою очередь, привело к глубоким эмоциональным потрясениям. В сложившейся ситуации все эти процессы в определенной степени оказывали свое, в большей степени негативное влияние на социальное самочувствие людей.

В зависимости от социально-психологического самочувствия человека зависит социальная адаптация к тем или иным условиям жизни. «Социальное самочувствие выступает как индикатор, интегральный показатель социальной адаптации, приспособления населения к трансформирующемуся обществу, удовлетворенности человека различными сторонами жизни, как некий результат успешности/неуспешности протекания адаптационных процессов»¹⁴¹.

В полиэтнических регионах важным показателем выступает социальное настроение этнических групп, которое оказывает значительное влияние как на степень их приспособления к трансформационным процессам в переходный период, так и на характер межэтнического взаимодействия в социуме. В этом контексте, как показывают исследования ряда отечественных ученых,

¹⁴¹ Остапенко О. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М., 2012. С. 264.

«этнический фактор в республиках стал своего рода реальным дополнительным социальным ресурсом для представителей титульных народов»¹⁴², которые в силу привилегированности лучше адаптируются к трудностям трансформационного периода. Хотя в ряде национальных республик страны, в том числе и в рассматриваемом регионе, некоторые ученые утверждали, что «башкиры в республике как титульный этнос имели наихудшие стартовые возможности при переходе к рыночной экономике»¹⁴³.

Вместе с тем анализ исследований, посвященных проблеме адаптации и социального самочувствия населения в ряде бывших союзных и автономных республик, показывает, что в разных регионах эти процессы происходят по-разному, при этом «демонстрируя многообразие этнорегиональных моделей адаптации населения к новым условиям существования и роли в этих процессах социального самочувствия людей»¹⁴⁴.

Результаты этносоциологического опроса населения постсоветского Башкортостана (апрель 1993 г.) показали интересные детали. Респонденты указали, что они не заметили каких-либо ощутимых изменений как в собственной повседневной жизни, так и в целом на уровне республики, «такого мнения придерживались немногим более четверти опрошенных респондентов, независимо от этнической принадлежности»¹⁴⁵. Данная позиция вызывает некоторое удивление, поскольку прошло практически три года с момента

¹⁴² Дробижеева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений. М., 2003. С. 36.

¹⁴³ Ирнараров Р. И. Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа, 1997. 150 с.; Валиахметов Р. М. Основные индикаторы социально-экономического и социально-культурного неравенства этнических групп Башкортостана // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 2002. С. 300–319.

¹⁴⁴ Остапенко Л. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М., 2012. С. 267.

¹⁴⁵ Сафин Ф. Г., Алексеенко С. С. Этносоциальное самочувствие русских в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М., 2016. С. 353. Сафин Ф. Г., Камалетдинов Д. А., Кульшарипов Ф. Р. Экономические основы социального самочувствия этнических групп в многонациональном Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85). С. 134.

принятия Декларации о государственном суверенитете Башкирской ССР¹⁴⁶ (октябрь 1990 г.), сыгравшей значительную роль в дальнейшей судьбе населения и политизации общества.

В свою очередь, меньшая часть жителей региона (немногим более 5 %) ощутила на себе перемены к лучшему, в эту группу вошли почти каждый десятый башкир (8,8 %), а также примерно равное число русских и татар (3,3 и 4,6 %) (см. рисунок 3.1). Как видим, изменения в какой-то степени к лучшему и отчасти к худшему подтвердили более одной трети респондентов (37,5 %), среди которых было около четверти русского населения (23 %), практически половина башкирского (41,6 %) и немногим более трети татарского (37,5 %). При этом «поворот к худшему» в среднем заметило менее четверти опрошенных лиц (18,1 %). В данном случае большинство составили русские (23 %), почти в два раза опередившие башкир (12 %) и на 3,6 % – татар (19,4 %).

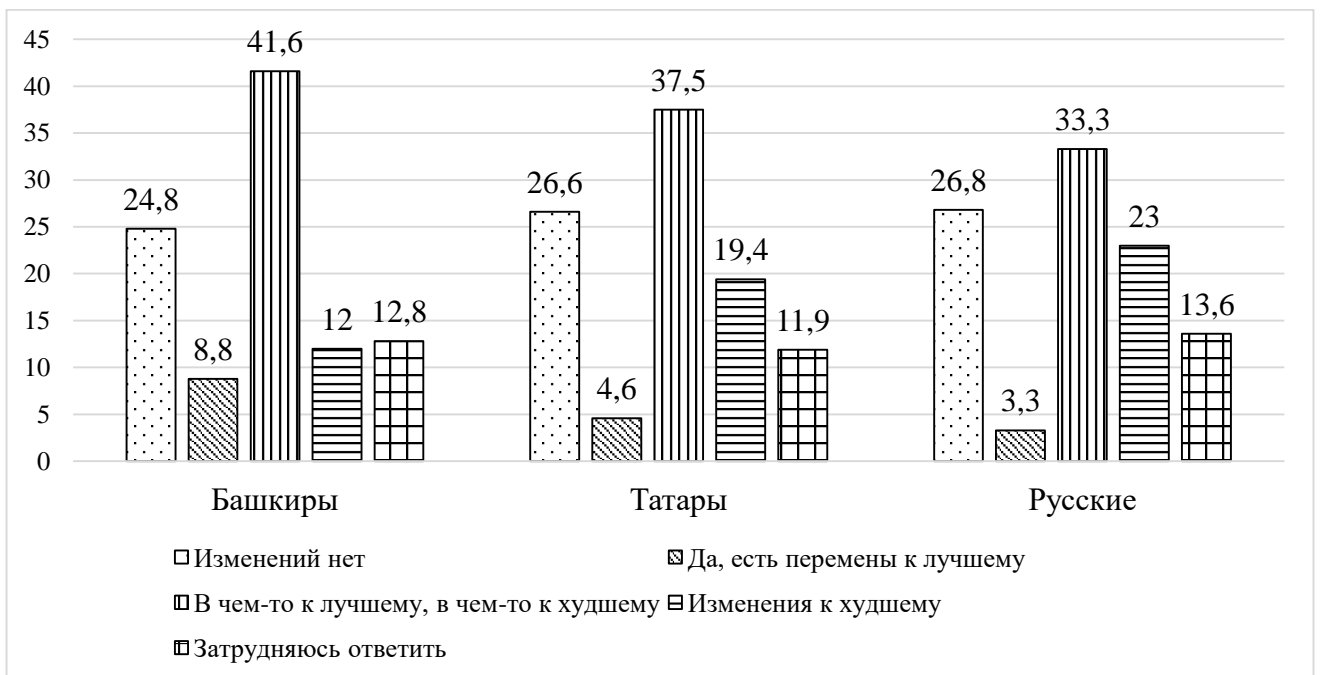

Рисунок 3.1 – Результаты этносоциологического опроса «Произошли ли изменения в республике после принятия Декларации о государственном суверенитете? (в %)» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.).

¹⁴⁶ Декларация о государственном суверенитете БАССР (принята Верховным Советом Башкирской ССР 11 октября 1990 г.) // Законы Башкирской ССР. 1992. Выпуск I. С. 16.

Оценка количественных характеристик, позволяющая провести анализ изменений в лучшую сторону, осуществлялась с помощью восьми индикаторов (см. рисунок 3.2). Респонденты отмечали, что перемены к лучшему напрямую связаны со следующими маркерами:

- 1) национальным возрождением (15,8 %);
- 2) ростом самостоятельности и инициативы (17,5 %);
- 3) улучшением материального положения (3,8 %);
- 4) уважением к человеческому достоинству (2 %);
- 5) условиями трудовой деятельности (1,9 %);
- 6) бытовой и семейной жизнью (0,9 %);
- 7) экологической обстановкой (0,9 %);
- 8) состоянием здоровья населения региона (0,3 %).

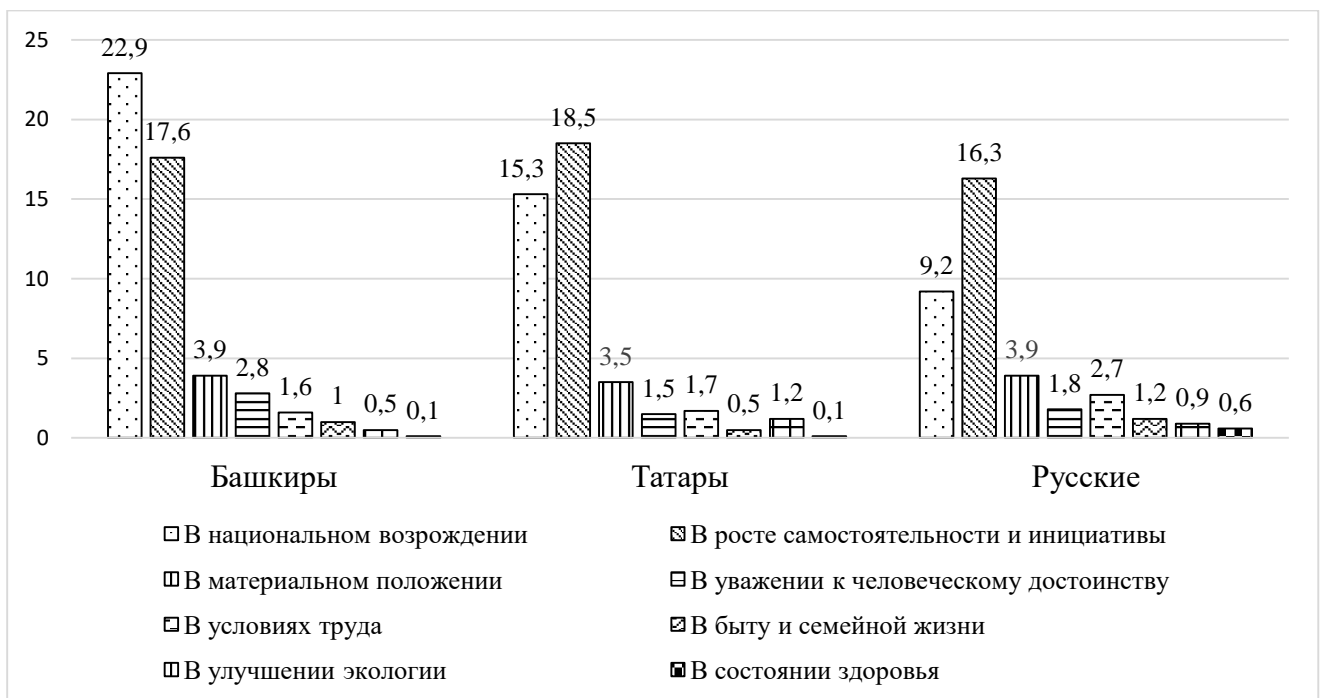

Рисунок 3.2 – Результаты этносоциологического опроса «Распределение мнений по вопросу перемен в лучшую сторону (в %)» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.)

Исходя из данных опроса, около четверти башкир (22,9 %) считала, что залогом позитивных изменений в жизни региона является «национальное

возрождение», а большая часть русских и татар (16,3 % и 18,5 %) выдвинула на первый план «рост самостоятельности и инициативы», что соответственно выше среднереспубликанских значений по этим двум маркерам. Рисунок 3.2 показывает, что оставшиеся шесть маркеров перемен к лучшему были поставлены на первое место достаточно малой частью участников опроса.

Оценка количественных характеристик, позволяющая провести анализ изменений в худшую сторону, также осуществлялась с помощью этих индикаторов (см. рисунок 3.3). Опрошенные в апреле 1993 г. жители региона заметили, что перемены к худшему непосредственно связаны со следующими факторами:

- 1) материальным положением (20,1 %);
- 2) возросшей преступностью (14,3 %);
- 3) в области межнациональных отношений (6,2 %);
- 4) ухудшением экологической обстановки (7 %);
- 5) настроением (10,1 %);
- 6) условиями трудовой деятельности (2,5 %);
- 7) семейной жизнью (0,9 %);
- 8) состоянием здоровья населения региона (1,2 %).

Рисунок 3.3 – Результаты этносоциологического опроса «Распределение мнений по вопросу перемен в худшую сторону (в %)» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.)

Значительная часть населения Башкортостана была убеждена, что негативные перемены произошли из-за уровня материального положения и роста числа преступлений в регионе, об этом заявили более одной трети респондентов (35,4 %) (см. рисунок 3.3). Этнический фактор в этом контексте не играл какой-либо заметной роли.

Таким образом, респонденты по большей части неоднозначно оценили изменения в жизни региона после обретения им национально-государственного суверенитета, «население республики в этот период, несмотря на постоянные утверждения руководством об успехах республики, еще не успело ощутить на себе положительный эффект «плодов суверенизации»»¹⁴⁷.

Экспертный опрос этнополитической элиты республики (май 1996 г.) также указал на существование определенного дисбаланса в социальной стратификации этнических групп (см. рисунок 3.4).

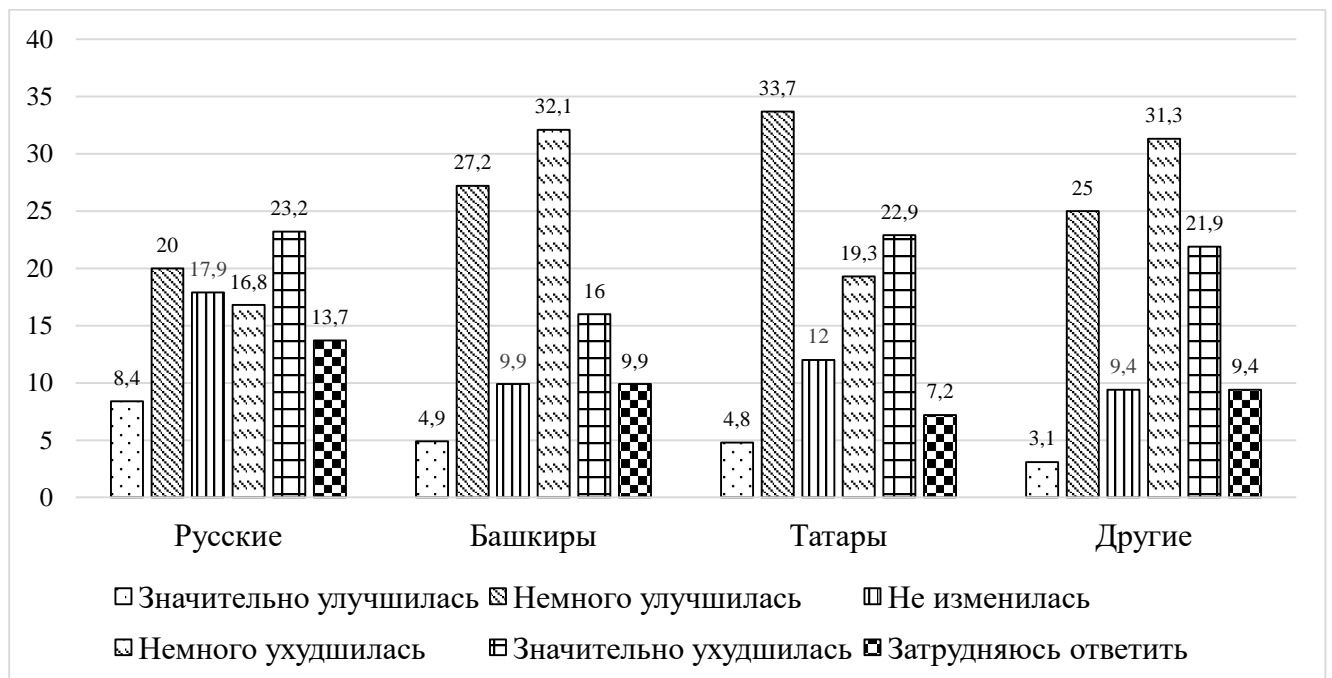

Рисунок 3.4 – Результаты экспертного опроса «Как изменилась экономическая ситуация в Вашем регионе в последнее время (1–2 года) (в %)» *

*Рисунок составлен по материалам экспертного опроса (май 1996 г.)

¹⁴⁷ Сафин Ф. Г., Алексеенко С. С. Этносоциальное самочувствие русских в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М., 2016. С. 355.

Если в советское время исследователи говорили больше о низкой социальной стратификации среди башкирского населения, то в период трансформации российского общества, вернее, в период суверенизации, можно говорить о перераспределении властных структур и ресурсов в пользу башкирской элиты. В процессе этнологического исследования (май 1996 г.) ученые выяснили, что лишь каждый пятый респондент русской национальности отмечал улучшение жизненного уровня своей семьи, тогда как среди башкир данный показатель был выше более чем в два раза. Теперь уже немногим более четверти элитной группы русских (26,3 %) отметило о существенном ухудшении уровня жизни своей семьи, а среди башкирской элиты данный показатель оказался в два раза меньше (13,6 %) ¹⁴⁸.

Среди экспертов русской национальности самой высокой оказалась доля тех, кто в оценке материального положения включил свою семью в категорию малообеспеченных (42,1 %), тогда как среди экспертной группы башкир (37 %) и татар (39,8 %) удельный вес таковых оказался гораздо меньше. Итак, данные нескольких этносоциологических исследований показывают, что в 1990-е гг. и последующие годы в республике наблюдалась тенденция некоторого ухудшения этносоциального самочувствия русского населения. Структурные изменения в социальной стратификации русского населения также были связаны с неравным доступом этнических групп, к властным и/или экономическим ресурсам ¹⁴⁹.

Произошедшие в социально-экономической сфере изменения неоднозначно воспринимались и в разных возрастных группах. Несмотря на «консервативность» общественного мнения в рассматриваемом регионе, проведенные в марте 1997 г. исследования показали, что молодежь г. Уфы в большинстве своем поддерживала рыночные отношения и выступала за постепенный переход к рыночной системе хозяйствования. Но в тоже время почти каждый десятый молодой человек отметил необходимость более быстрого

¹⁴⁸ *Алексеев С. С.* Русские Башкортостана на рубеже XX-XXI вв.: этносоциологическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. С. 128–129.

¹⁴⁹ Там же. С. 129.

перехода к рыночным механизмам функционирования экономики. Результаты опроса показывают, что молодое поколение видело будущее российской экономики вместе с развитием рыночных отношений. Очень незначительная часть опрошенной городской молодежи выступала против рыночного регулирования экономики. На данный вопрос затруднились ответить немногим более одной трети башкирской, татарской и русской молодежи¹⁵⁰.

Этносоциологический опрос, проведенный на территории постсоветского Башкортостана в апреле 1993 г., в определенной степени также выявил некоторые ожидания населения региона в краткосрочной перспективе (через 2–3 года), которые имели прямую связь с результативностью рыночных преобразований в стране (см. рисунок 3.5).

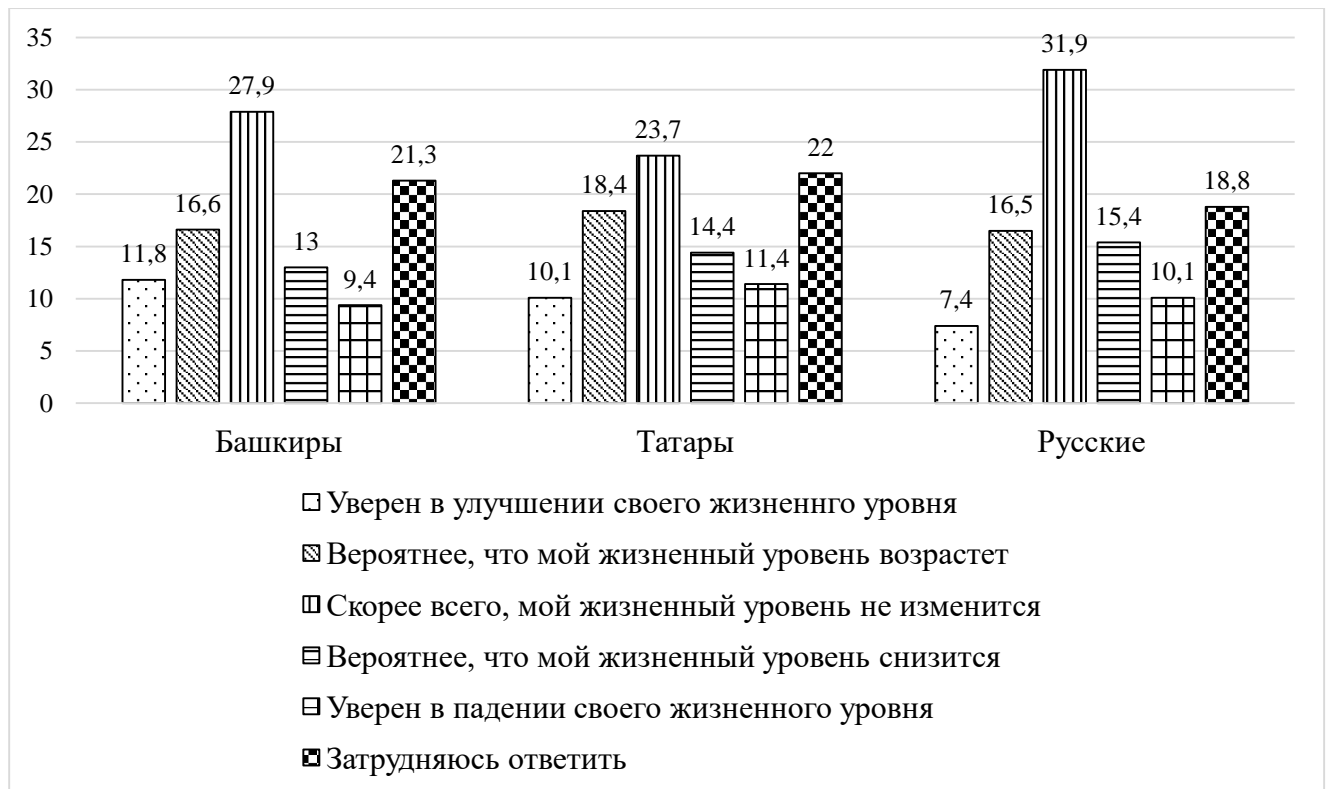

Рисунок 3.5 – Результаты этносоциологического опроса «Ожидание результатов рыночной экономики через 2–3 года» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (апрель 1993 г.).

¹⁵⁰ Ишемгулов М. Н. Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1979–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2022. С. 175.

Практически каждый десятый участник опроса (9,8 %) был уверен в улучшении своего уровня жизни. С данным утверждением согласились в большей степени башкиры (11,8 %) и татары (10,1 %), а меньше всех об этом заявляли русские (7,4 %). Практически одинаковое количество респондентов (17,8 %) из числа трех основных национальностей рассчитывало на потенциальный рост своего уровня жизни. Противоположного мнения придерживались 14,3 % опрошенных лиц, в число которых вошли в большей степени русские (15,4 %), чем представители остальных национальностей – башкиры (13%) и татар (14,4 %).

Значительная часть участников социологического опроса (27,8 %) также предполагала, что уровень жизни, скорее всего, останется прежним (т. е. не изменится) в ближайшей перспективе (через 2–3 года) под влиянием рыночных механизмов регулирования экономики. В этом были уверены в меньшей степени башкиры (27,9 %) и татары (23,7 %), в отличие от «опередивших» последних на 8,2 % русских (31,9 %) (см. рисунок 3.4). Тем не менее, каждый десятый опрошенный респондент (10,3 %), независимо от национальности, был уверен в падении своего уровня жизни. Таким образом «позитивнее всех были настроены башкиры, их жизненный уровень в какой-то степени оставался на стабильном уровне, поскольку всего лишь 13 % из них допускали возможность снижения своего жизненного уровня»¹⁵¹.

Сопоставление результатов этносоциологических исследований 1993 г. и 2014 г. показывает динамику изменения жизненного уровня населения Башкортостана за прошедшие двадцать лет в условиях масштабных государственных реформ. В рамках республиканского опроса 2014 г. выяснилось, что уровень жизни населения региона за последние двадцать лет существенно улучшился (см. рисунок 3.6)¹⁵².

¹⁵¹ Сафин Ф. Г., Алексеенко С. С. Этносоциальное самочувствие русских в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М., 2016. С. 357.

¹⁵² Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А. Социальное настроение и адаптации этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2021. № 4 (53). С. 136–137.

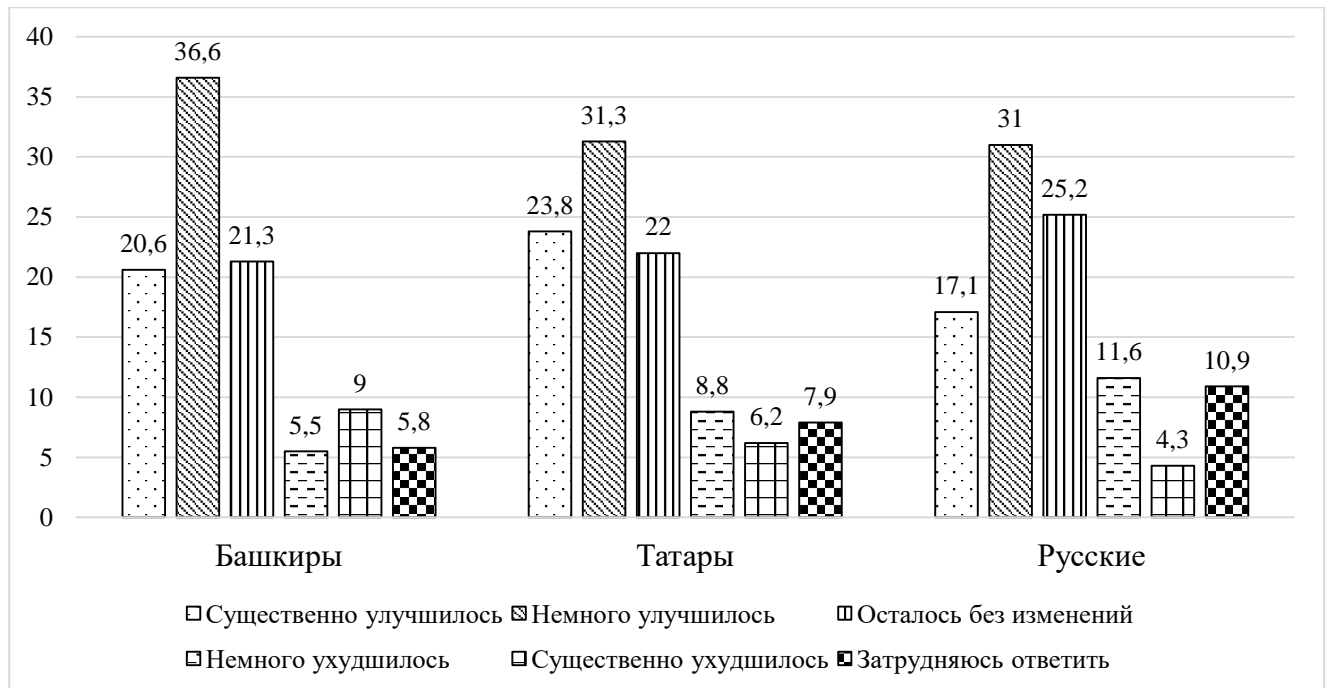

Рисунок 3.6 – Результаты этносоциологического опроса

«Оценка этническими группами изменений экономического и финансового положения своих семей за 10–15 лет» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

Уверенность в улучшении своего жизненного уровня выразили в целом 14,8 % респондентов: 16,8 % башкир, 18,6 % татар, 14,3 % русских и практически каждый десятый (9,6 %) представитель «иных» национальностей (см. рисунок 3.7).

Противоположную позицию занимали лишь 5,5 % опрошенных лиц. Значительная часть участников опроса (20,6 %) предположила, что их уровень жизни, безусловно, вырастет. В это число вошла практически четверть башкир, татар и русских, соответственно 20,6 %, 23,3 %, 21,3 %, а также 17,5 % «иных» этнических групп. В свою очередь, иного мнения придерживался практически каждый десятый житель региона, заявив, что уровень жизни в период функционирования рыночной модели хозяйствования снизится. Четверть опрошенных респондентов (24,7 %) «затруднилась ответить» и не смогла дать однозначный ответ на поставленный вопрос (см. рисунок 3.7).

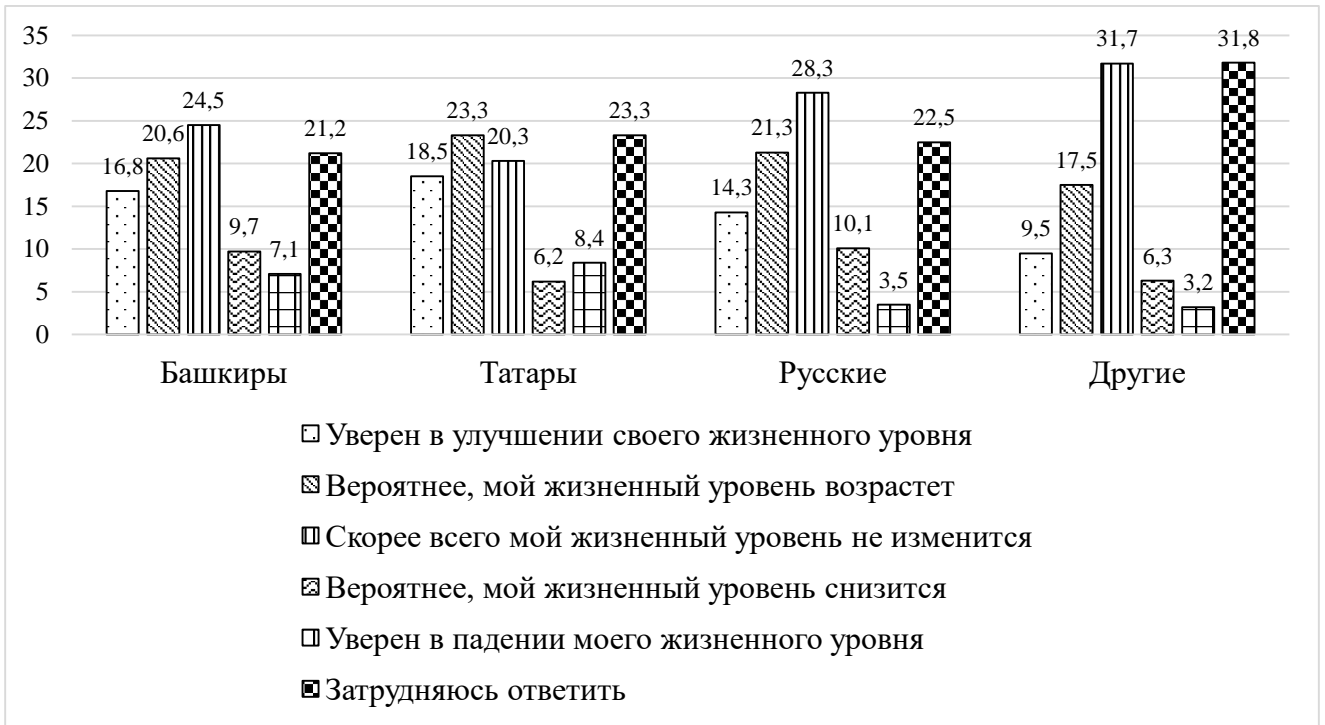

Рисунок 3.7 – Результаты этносоциологического опроса

«Как Вы думаете, что лично принесла рыночная экономика за эти годы (в %)?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

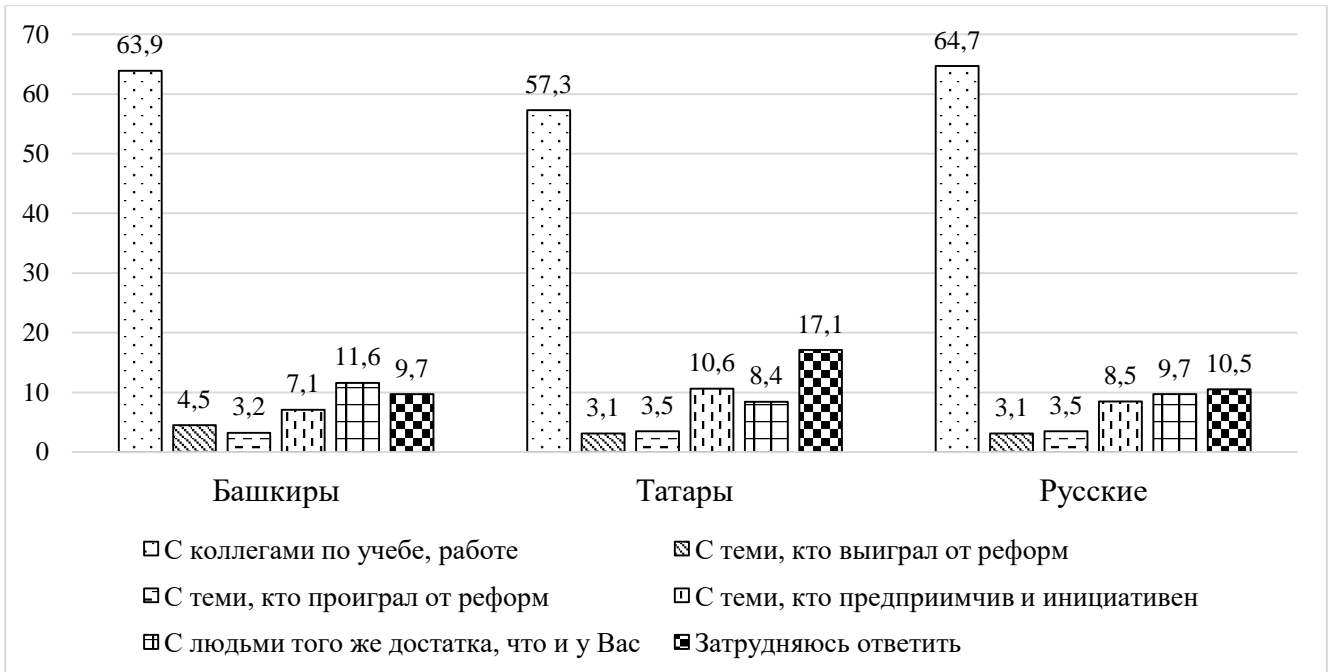

Рисунок 3.8 – Результаты этносоциологического опроса

«С кем Вас больше всего объединяет чувство общности?» *

* Таблица составлена по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

Интересно, что в экономической сфере чувство общности у абсолютного большинства респондентов всех национальностей вызывали их коллеги по учебе и/или по работе (см. рисунок 3.8). Люди сами выбирают себе друзей, и объединяются они обычно с людьми того же достатка, как и они сами. Видимо, поэтому такая установка заняла второе место почти у всех национальностей. Определенная часть респондентов, особенно среди предпринимателей и бизнесменов, находит себе единомышленников среди тех, кто предприимчив и инициативен.

Этносоциологическое исследование молодежной среды региона (февраль 2014 г.) позволяет провести анализ как некоторых аспектов социальной дифференциации и самочувствия самой молодежи, так и их оценок относительно благосостояния своих семей (см. рисунок 3.9).

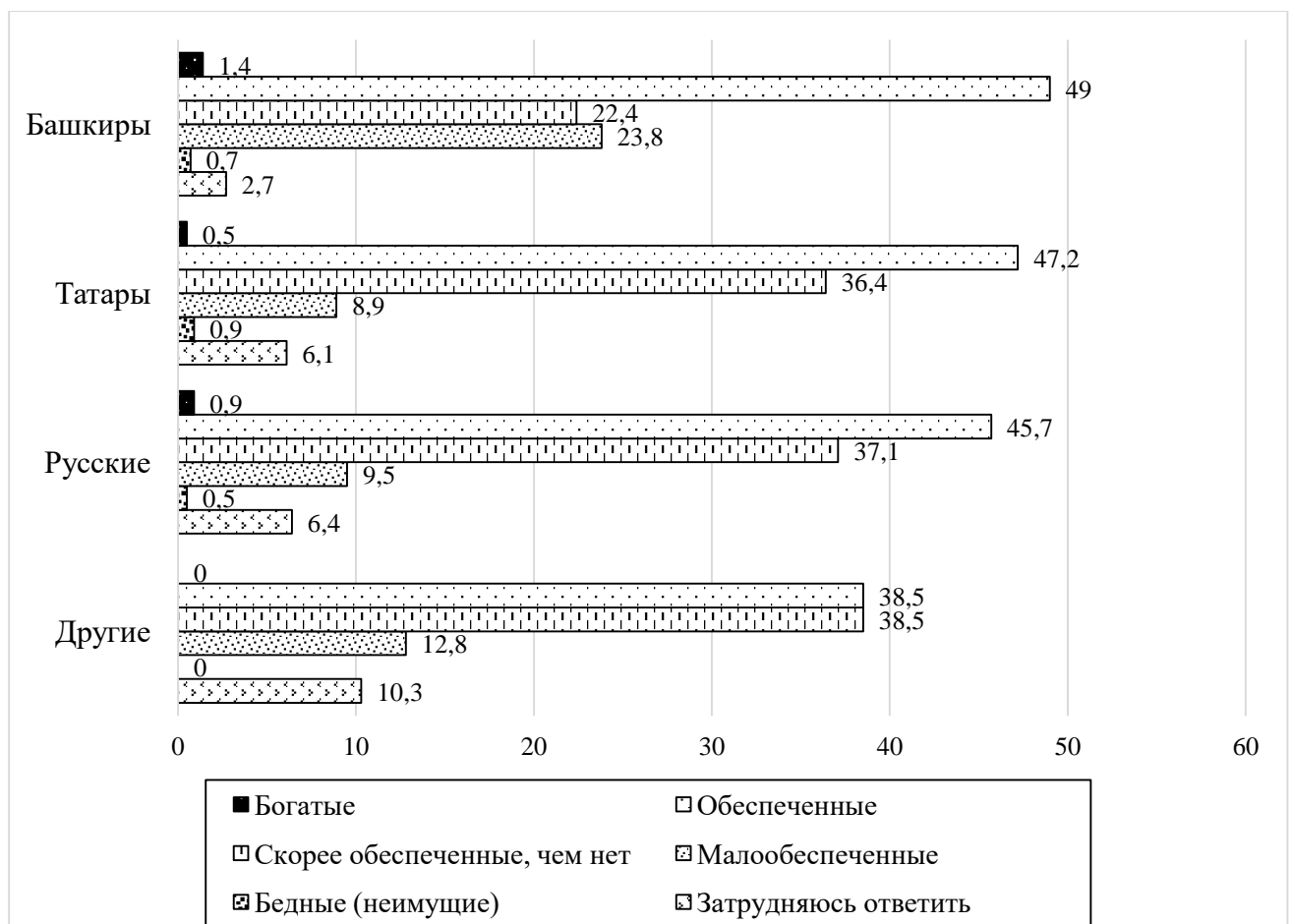

Рисунок 3.9 – Результаты этносоциологического опроса

«К какой категории Вы относите семью, в которой выросли?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (февраль 2014 г.).

На рисунке 3.9 представлены количественные данные (в %), отражающие оценку молодых респондентов относительно категории семьи, в которой они выросли. В среднем по республике около 1 % опрошенных респондентов отнесли свои семьи к богатой категории, практически половина (45,1 %) – к обеспеченной, одна треть (33,6 %), в большей степени – к обеспеченной, 13,75 % – к малообеспеченной и незначительная часть (менее 1 %) – к бедной (неимущей). Затруднились ответить на указанный вопрос 6,3 % участников опроса¹⁵³.

Ученые, изучая финансовое, экономическое и материальное положение в самооценках этнических групп в данный период (2014 г.) выделили следующие результаты:

1) «С позиции башкирской молодежи самооценка своих семей и отнесение их к категории «богатых» более чем в полтора и три раза опередила аналогичную оценку русской и татарской молодежи.

2) Самооценка своих семей со стороны русской и татарской молодежи, а также молодежи, представляющей другие национальности региона, практически не отличалась и имела схожие показатели. Так, 37,1 % русской молодежи, 36,4 % татарской и 38,5 % молодежи «иных» национальностей отнесли свои семьи к категории «скорее обеспеченные, чем нет». В свою очередь, лишь 22,4 % башкирской молодежи определили свои семьи в данную категорию.

3) Башкирская молодежь в большей мере, чем респонденты других этнических групп, отнесла свои семьи в разряд «малообеспеченных». Об этом сообщила почти четверть (23,8 %) башкирской молодежи, менее этого в 2,5 раза – каждый десятый из числа русской (9,5 %) и менее чем в 2,7 раза – татарской (8,9 %) молодежи.

4) Социальная дифференциация наиболее контрастно проявляется среди башкирского населения. Если «социальный статус русского, татарского и

¹⁵³ Этносоциологический опрос молодежи, февраль 2014 г.

иных национальностей наиболее отлажен в рамках так называемого «среднего класса», то среди башкир он имеет определенный дисбаланс»¹⁵⁴.

Социально-экономическое и финансовое положение является одним из основных факторов, влияющих на индекс социального самочувствия населения региона. В рамках молодежного опроса 2014 г. рассмотрены отдельные аспекты данного вопроса, например был проведен анализ самооценок респондентов относительно изменения экономического и финансового положения их семей за последний год (см. рисунок 3.10).

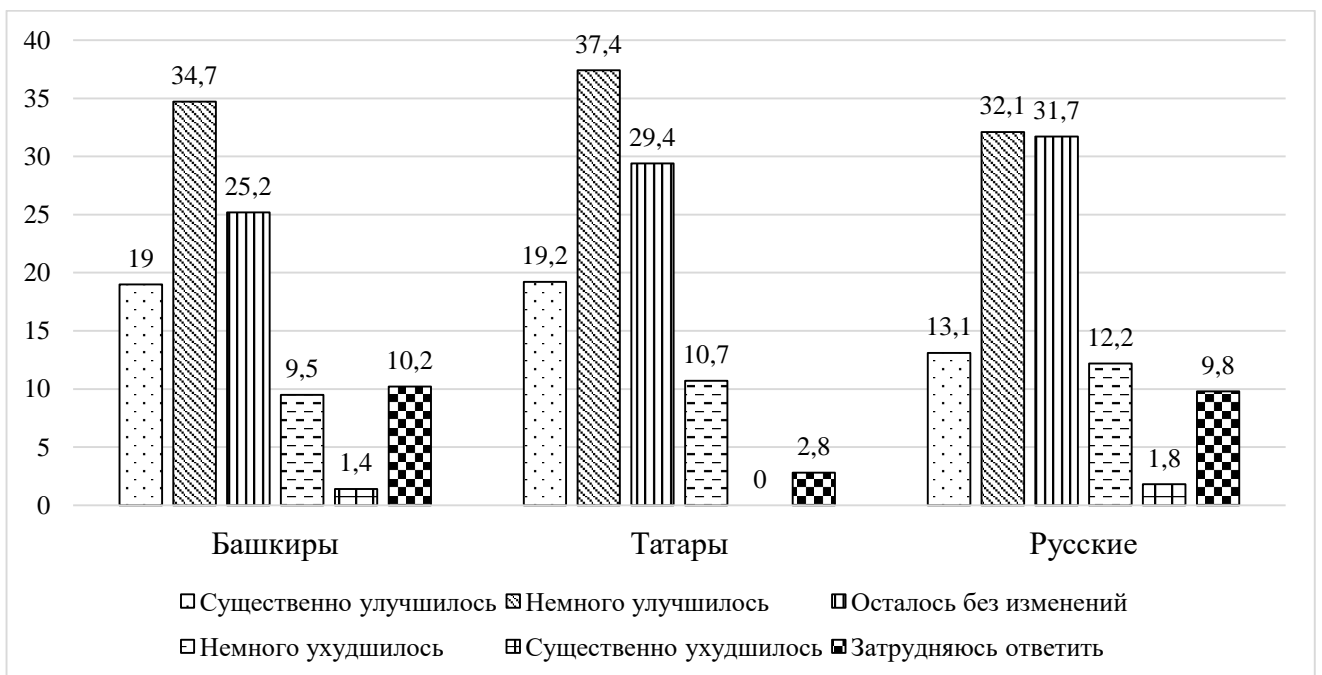

Рисунок 3.10 – Результаты этносоциологического опроса «Изменение экономического и финансового положения своих семей за последний год» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (февраль 2014 г.).

В среднем по Республике Башкортостан существенное улучшение экономико-финансового состояния своих семей отметили 17,1 % опрошенной молодежи. Более одной трети молодежи (34,7 %) заметили некоторое улучшение, менее четверти (22,1 %) сообщили о его неизменности, каждый десятый (10,8 %)

¹⁵⁴ Алексеев С. С., Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа, 2018. С. 131–132.

зафиксировал незначительное ухудшение и чуть более 1 % пожаловались на существенное ухудшение (см. рисунок 3.10). Необходимо выделить, что республиканская молодежь ответила на данный вопрос анкеты практически одинаково, т. е. этнический фактор здесь не играл какой-либо заметной роли, но, тем не менее, разница в ответах респондентов все же прослеживается.

Например, участвующие в опросе русские меньше всех (13,1 %) наблюдали значительное улучшение экономико-финансового положения своей семьи, тогда как большая доля башкир и татар в равной мере (соответственно 19 % и 19,2 %) сообщала о таком улучшении. Также небольшое улучшение заметили 32,1 % русской, 34,7 % башкирской и 37,4 % татарской молодежи. Об отсутствии изменений в экономико-финансовом положении своих семей заявили почти треть русских (31,7 %) и татар (29,4 %), а также чуть более четверти башкир (25,2 %). Как небольшое, так и существенное ухудшение данного положения волновало по большей части русскую молодежь (соответственно 12,2 % и 1,8 %) (см. рисунок 3.10).

Устойчивые темпы развития рыночной экономики в 2000-е – 2010-е гг. оказали влияние как на этносоциальную стратификацию в регионе, так и на социальное самочувствие выросшего в новых условиях молодого поколения. В ходе трансформации российского общества произошло разделение российского общества и появление двух антагонистических слоев – бедных и богатых. Деятельность богатых слоев населения составила основу капиталистического строя и стала примером для многих поколений россиян.

Экономические и социальные перемены особенно сильно влияют на молодежь. На рисунке 3.11 представлена оценка значимости богатства для этнических групп Башкортостана. Анализ диаграммы показал, что для 15,4 % русской молодежи значимость богатства оказалась очень высокой, чем для других ровесников: каждого десятого представителя башкирской (10,2 %) и татарской (10,3 %) молодежи. Также значимость богатства представляла определенную ценность для 58,8 % русского, 57,5 % татарского и 66,7 % башкирского молодого поколения региона. Как мы видим, второй вариант

ответа стал преобладающим для всех без исключения респондентов. Как малозначимость, так и абсолютная незначимость богатства были отмечены фактически каждым пятым респондентом из числа русских (22,6 %) и башкир (18,5 %), а также четвертью татар (25,7 %). Результаты опроса показали, что башкирская молодежь (76,9 %) в большей степени, чем русская (74,2 %) и татарская (67,8 %) отмечала значимость богатства в своей жизни (см. рисунок 3.11).

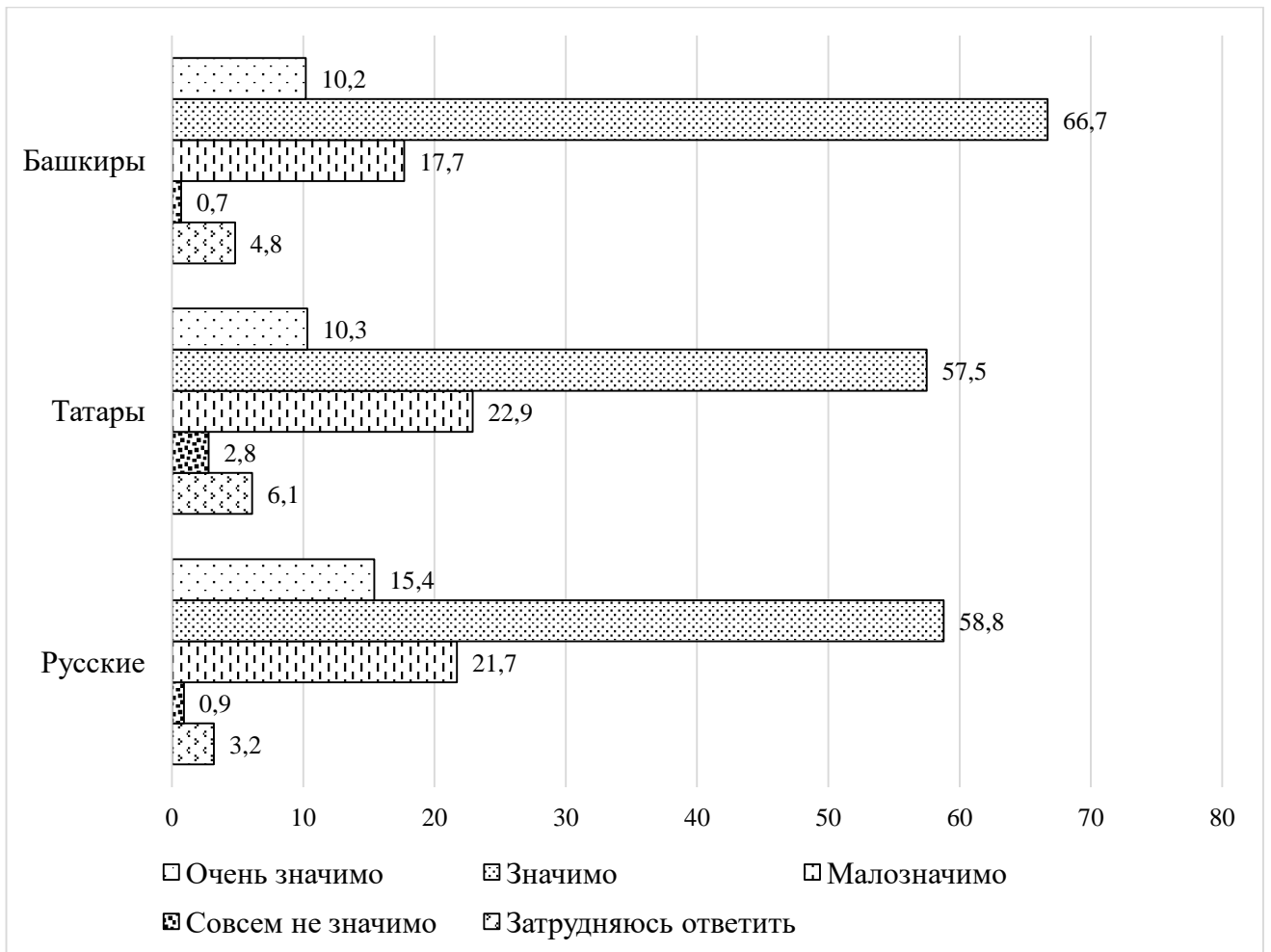

Рисунок 3.11 – Результаты этносоциологического опроса

«Оценка степени значимости богатства» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (февраль 2014 г.).

В рамках опроса населения (январь 2014 г.) изучено мнение населения в этническом разрезе о важных условиях (предпосылках) достижения (накопления) богатства (см. рисунок 3.12).

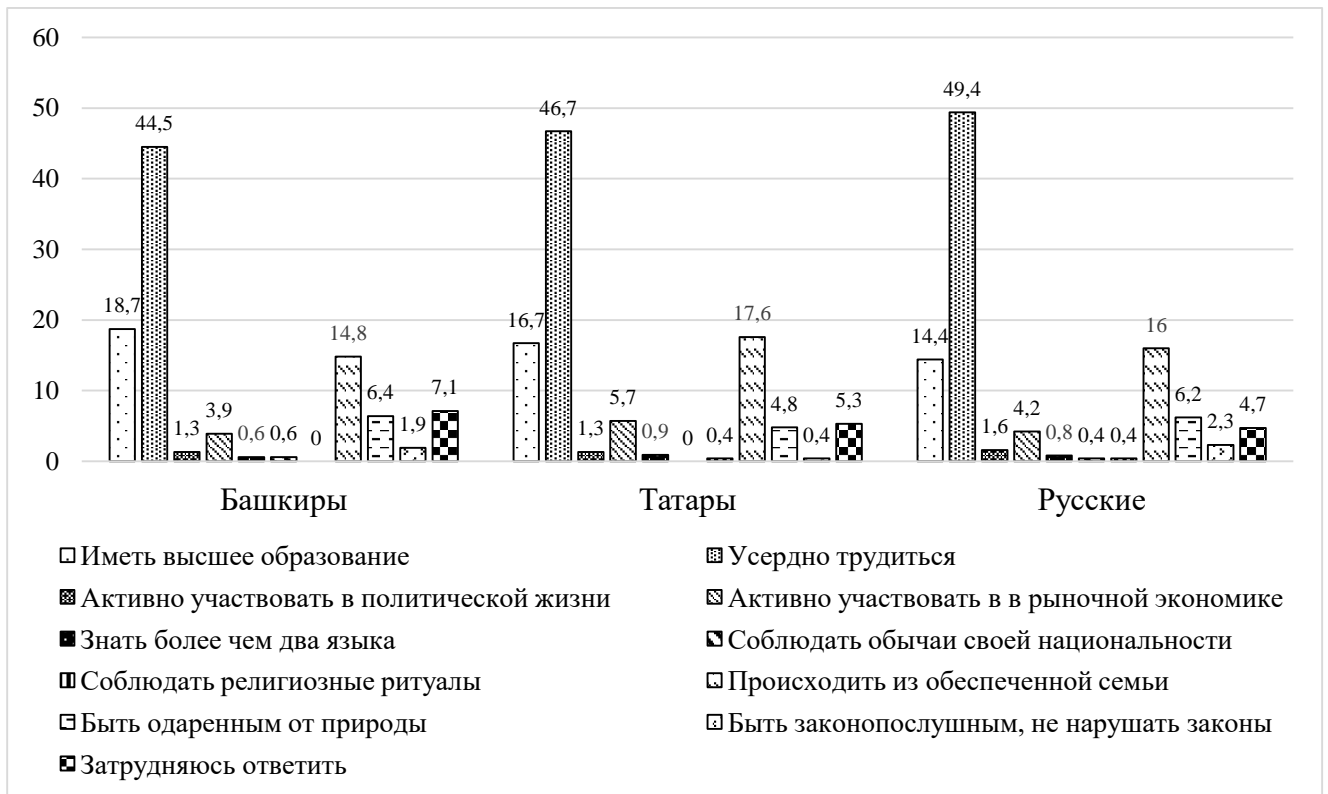

Рисунок 3.12 – Результаты этносоциологического опроса

«Мнение ряда этнических групп о важных условиях для обогащения» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

Упорный и каждодневный труд, по мнению почти половины респондентов (49,4 % русских, 46,7 % татар и 44,5 % башкир), является важным условием для достижения материального достатка. Значительная часть респондентов считает получение высшего образования одним из факторов улучшения своего финансового положения. За такое мнение высказались 14,4 % русской, 18,7 % башкирской и 16,7 % татарской национальностей.

Показательно, что определенная часть респондентов связывает достижение больших успехов в материальном благосостоянии только с индивидуальными способностями, т. е. «важно быть одаренным от природы». Закономерно и понятно, что определенная, хотя и незначительная часть респондентов русских более ориентирована на активное участие в рыночной экономике (4,2 %), чем, например, заниматься общественно-политической деятельностью (1,6 %). Последний показатель у русских больше, чем у остальных респондентов.

Вместе с тем нельзя не отметить стремление к зажиточной жизни у подавляющего большинства респондентов, так как все без исключения национальности основным средством приобретения материального достатка и улучшения своего жизненного уровня определили трудовую деятельность (см. рисунок 3.12).

Оценивая современную ситуацию, как показал проведенный опрос среди населения республики, каждый второй респондент татарской и башкирской национальности с оптимизмом отметил, что все не так плохо, а скоро будет лучше (см. рисунок 3.13). Такое мнение разделила лишь немногим более четверти русских (27,4 %) и чуть более трети опрошенных лиц, представляющих «иные» национальности (36,1 %).

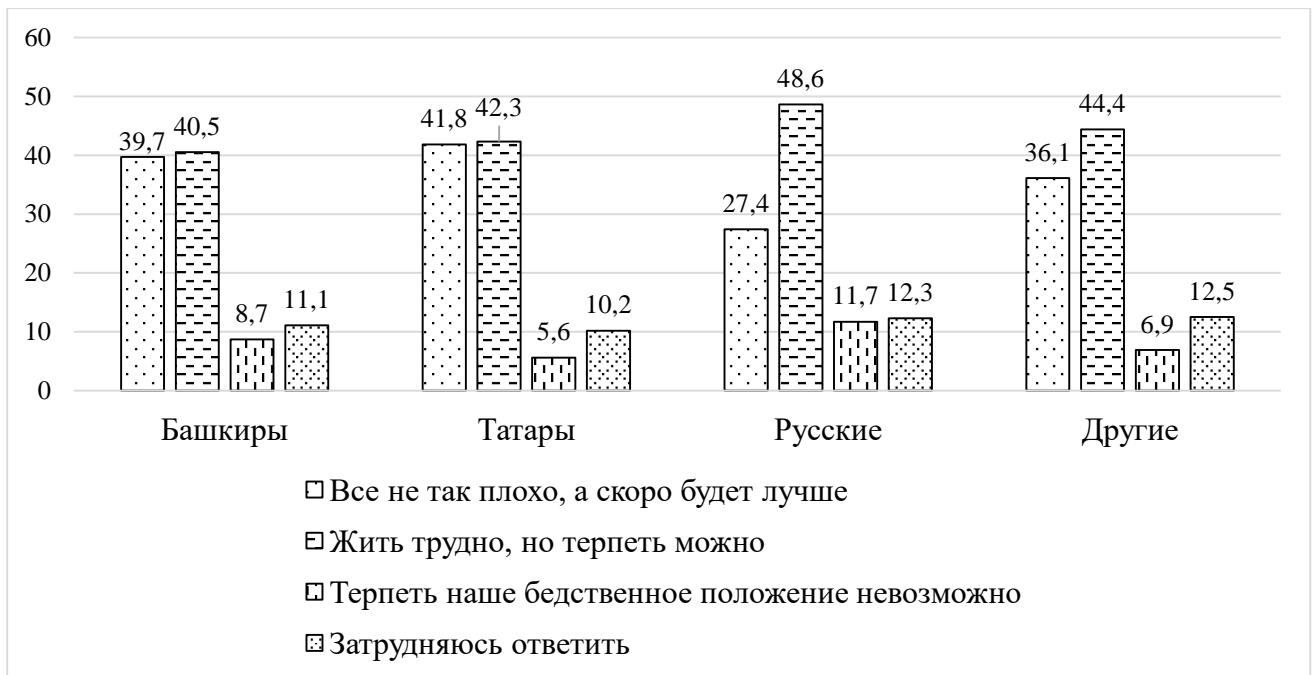

Рисунок 3.13 – Результаты этносоциологического опроса «Какое из высказываний в наибольшей мере соответствует Вашему отношению к современной жизни?» *

*Рисунок составлена по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Вместе с тем чуть менее половины опрошенных, независимо от этнической принадлежности, высказали терпеливо оптимистичную оценку ситуации, отметив, что жить трудно, но терпеть можно, тем самым соглашаясь с

трудностями сегодняшнего положения в республике и показав, что они еще имеют возможности терпеть те тяготы, которые выпали на их долю.

Наряду с этим каждый десятый респондент русской национальности более эмоционально заявил, что такое бедственное положение невозможно терпеть, что превосходило аналогичный показатель башкир в 1,3 раза, представителей «иных» национальностей – в 1,7 раза, а татар – более чем в два раза (см. рисунок 3.13).

Таким образом, в начале 1990-х гг., когда начался процесс суверенизации национальных республик и проведения реформ по установлению рыночной экономики, население Башкортостана в большинстве своем не ощутило каких-либо кардинальных изменений в своей жизни, а также в целом по региону. Исключением стала лишь небольшая часть урбанизированного населения, отметившая, что изменения к лучшему все же имели место быть. Также, по мнению этнических групп региона, данные изменения в определенной степени носили половинчатый характер: с первого взгляда – в сторону улучшения, а если посмотреть на них под другим «углом», то – в сторону ухудшения. Детальный анализ проведенных этносоциологических исследований 1993–2014 гг. показал, что за этот временной промежуток среднереспубликанский показатель жизненного уровня значительно вырос.

§ 3.2. Перспективы социального благополучия этнических групп в контексте этносоциальной дифференциации в Башкортостане

Многие исследователи при рассмотрении социального самочувствия этнических групп обращаются к проблеме их социального неравенства, при этом сравнивая, в каких секторах экономики или в тех или иных отраслях они конкурируют. Исследуя проблему этносоциального самочувствия, мы акцентируем внимание не на противопоставлении этнических групп, а лишь выявляем их позиции по некоторым ключевым положениям, определяющим реалии и перспективы их социального благополучия.

Следует заметить, что по материалам этносоциологического опроса (2018 г.) позиции респондентов, выразивших свою отношение к проблеме социального неравенства граждан, существенно разошлись в национальном разрезе (см. таблица 3.1). К примеру, более трети башкир (38,1 %) и представителей «иных» национальностей (38,9 %) были убеждены в необходимости обеспечения равенства граждан по доходам и достатку, но данное мнение разделило лишь немногим более четверти татар (29,1 %) и менее трети русских (31,3 %). Четверть татар (25,5 %) в отличие от респондентов других национальностей (18,3 % башкир, 19,6 % русских, 13,9 % «иных» этнических групп) посчитала, что «государство должно обеспечить равенство стартовых возможностей, но не отвечать за равенство результатов».

Таблица 3.1 – Результаты этносоциологического опроса

«Как вы относитесь к проблеме социального неравенства граждан?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Необходимо, насколько это, возможно, обеспечивать равенство граждан по доходам и достатку	38,1	29,1	31,3	38,9
Государство должно обеспечивать равенство стартовых возможностей, но не отвечает за равенство результатов	18,3	25,5	19,6	13,9
Расслоения в первую очередь нельзя допускать в государствообразующей нации	1,6	3,6	7,8	2,8
Это естественный процесс, так как люди отличаются друг от друга способностями, все должно быть отдано свободе рынка	7,1	8,2	3,9	11,1
Главное – избегать крайностей, от неравенства не уйти, но оно не должно быть чрезмерным	7,9	17,3	19	9,7
Главное, чтобы это не угрожало рыночным достижениям и частной собственности	5,6	3,1	1,1	5,6
Затрудняюсь ответить	21,4	10,7	15,6	18,1

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Татары (8,2 %) и респонденты «иных» национальностей (11,1 %), также больше, чем башкиры (7,1 %) и русские (3,9 %) считали, что это естественный

процесс, так как люди отличаются друг от друга способностями, и все должно быть отдано свободе рынка. Почти каждый пятый русский (19 %) и немногим менее этого татары (17,3 %), в отличие от башкир (7,9 %) и респондентов «иных» национальностей (9,7 %), были убеждены, что от неравенства не уйти, но при этом необходимо избегать крайностей, чтобы оно не должно быть чрезмерным (см. таблица 3.4). А вот русские в два (2,2) раза больше, чем татары, почти в три раза, чем «респонденты «иных» национальностей, и почти в 5 раз, чем башкиры, не хотели допускать расслоения, в первую очередь в государствообразующей нации. Но при этом русские меньше (1,1 %), чем все остальные, считали главным, чтобы это не угрожало рыночным достижениям и частной собственности (см. таблица 3.1). Тем самым они косвенно показывали свое негативное отношение к рыночной экономике.

Проблема социального неравенства имеет тесную связь с социальным самочувствием населения в условиях изменяющегося общества. По мнению значительной части населения региона, положительная динамика в контексте социального самочувствия граждан находится в прямой зависимости от создания необходимых условий для экономического роста. Данный вариант поддержали 33 % русских, 30,1 % татар, четверть респондентов «иных» национальностей (25 %) и немногим более этого башкир (27,8 %).

При этом тезис «повысить уровень материального благосостояния» оказался на следующей (второй) позиции у всех без исключения участников опроса. Но данный показатель у русских (29,1 %) и «иных» национальностей (29,2 %) был существенно выше, чем у башкир (20,6 %) и татар (19,9 %). Если по мнению 16,7 % башкир для улучшения социального самочувствия важным было улучшение сферы обслуживания, то практически такая же доля татар (17,3 %) и немногим менее этой русских (13,4 %) были уверены, что для этого лучше вернуть в общенародную собственность незаконно приватизированные предприятия (см. таблица 3.2).

Таблица 3.2 – Результаты этносоциологического опроса

«Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан (отметьте два наиболее важных варианта)?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Создать условия для экономического роста	27,8	30,1	33	25
Улучшить работу сферы обслуживания	16,7	11,2	8,9	4,2
Вернуть в общенародную собственность незаконно приватизированные предприятия	10,3	17,3	13,4	9,7
Повысить уровень материального благосостояния	20,6	19,9	29,1	29,2
Расширять социальные гарантии	6,3	3,6	2,2	5,6
Вводить ограничения на доходы богатых	5,6	6,1	2,8	12,5
Снижать уровень коррупции и преступности	5,6	4,6	3,9	5,6
Затрудняюсь ответить	7,1	5,6	5	8,3

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

У башкир, как и в 90-е годы XX в., все еще сохранилось патерналистское отношение к социальной защите со стороны государства. Так, башкиры (6,3 %), в большей степени, чем респонденты других национальностей (3,6 % татар, 2,2 % русских и 5,6 % «иных» этнических групп) рассматривали расширение социальных гарантий со стороны государства в качестве меры по повышению уровня социального самочувствия россиян.

Анализ результатов эмпирических исследований (опросов 2014 и 2018 гг.) позволил выделить, что значительная часть населения региона смотрит в будущее довольно позитивно и оптимистично. Например, в 2018 г. доля башкир и татар, выразившая такое мнение составляла, соответственно 44,4 %, превысив показатель 2014 г. на два процентных пункта (см. рисунки 3.14 и 3.15). А у русских, наоборот, показатели позитивного настроения на будущее упали на 5,3 %. Между тем, заметная часть населения региона, из которой более четверти башкир (30,3 %), а также немногим более трети татар (37 %) и русских (38,4 %), выразили мнение, что они смотрят в ближайшее будущее достаточно спокойно, не возлагая

на него особых надежд и не имея иллюзорных представлений. Позиция незначительного числа опрошенных лиц относительно своего будущего передавалась с некоторой долей тревоги и неуверенности (см. рисунок 3.14).

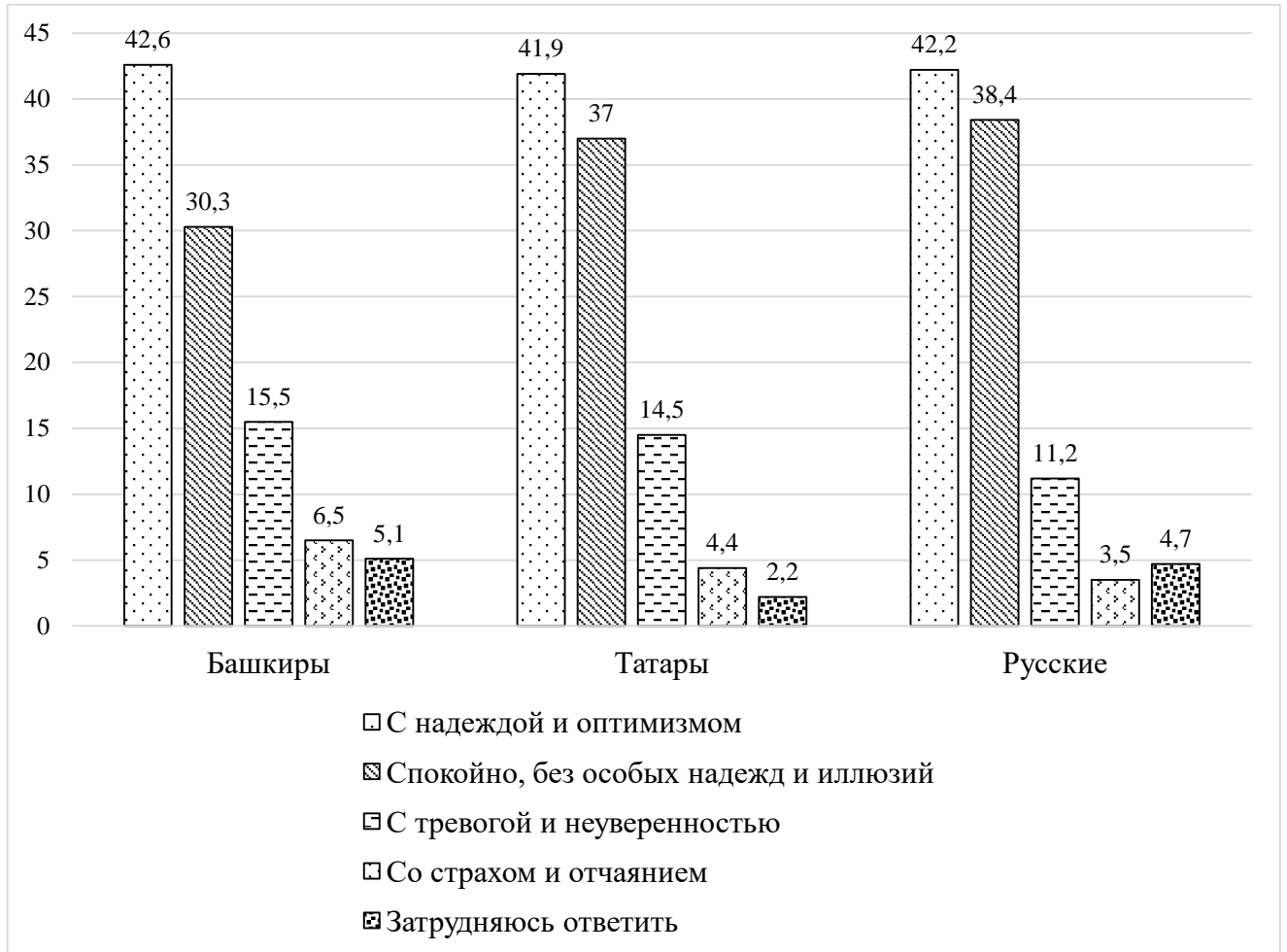

Рисунок 3.14 – Результаты этносоциологического опроса

«С каким настроением Вы смотрите в будущее?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

Респонденты башкирской национальности в большей степени, чем представители других этнических групп в регионе, «со страхом и отчаянием» представляли свое будущее в долгосрочной перспективе (см. рисунок 3.14). Эти результаты соцопроса в очередной раз доказывают, что среди башкирского этноса проявляется сильная этносоциальная дифференциация. Данный тезис также

подтверждается не только нашими опросами, но и аналогичными исследованиями других авторов¹⁵⁵.

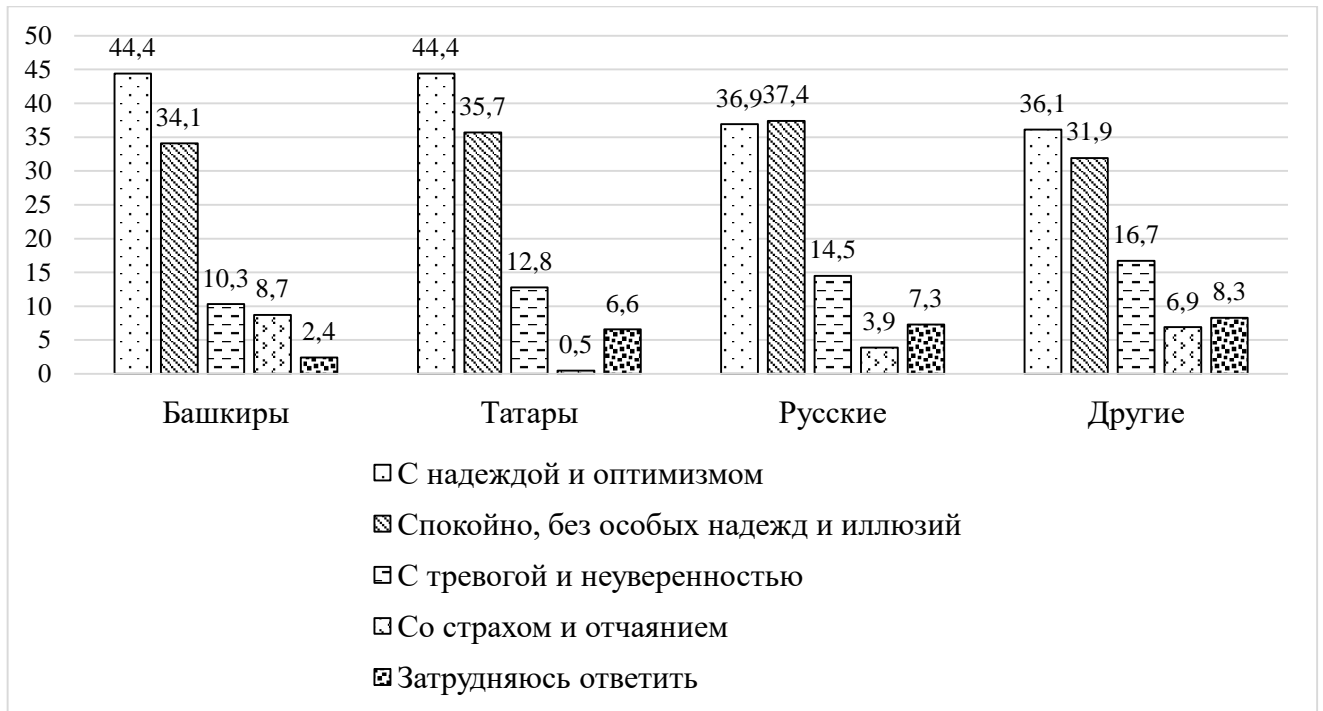

Рисунок 3.15 – Результаты этносоциологического опроса

«С каким настроением Вы смотрите в будущее?» *

*Рисунок составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Неудивительно, что в условиях Башкортостана доля лиц титульной национальности, определяющих перспективы своего социально-экономического роста в Республике в ближайшие 10 лет, должна быть самой высокой. Четверть башкир, как выяснилось в ходе опроса, немного уступая русским (26,3 %), но превосходя татар (22,4 %) и существенно респондентов «иных» национальностей (15,3 %) была уверена, что за эти годы она станет богаче. Башкиры также намного больше (22,2 %), чем русские (16,2 %), но меньше, чем татары (27,6 %) и представители «иных» национальностей (26,4 %) были убеждены, что займут более высокое положение в обществе (см. таблица 3.3).

¹⁵⁵ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 2002. С. 312–317.

Таблица 3.3 – Результаты этносоциологического опроса «Какие перспективы своего социально-экономического роста в Башкортостане в ближайшие 10 лет Вы видите?»*

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Считаю, что стану богаче	24,6	22,4	26,3	15,3
Считаю, что займу более высокое положение в обществе	22,2	27,6	16,2	26,4
Считаю, что буду оказывать большее влияние на политику и экономику	9,5	4,1	2,2	4,2
Ничего из этого не достигну	10,3	9,7	20,7	9,7
Затрудняюсь ответить	33,3	36,2	34,7	44,4

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Вместе с тем башкиры в 4 раза больше (9,5 %), чем русские (2,2 %) и в два раза, чем татары (4,1 %) и респонденты «иных» национальностей (4,2 %) амбициозно считали, что будут оказывать большее влияние на политику и экономику в республике. Если каждый десятый башкир и татарин более объективно оценивали свои возможности социально-экономического роста, то такой точки зрения придерживался каждый пятый респондент русской национальности (20,7 %) (см. таблица 3.3). Таким образом, в условиях республики башкиры в большей степени, чем представители других этносов региона, были уверены в повышении своего социально-экономического статуса.

Октябрь 2018 г. в Республике Башкортостан ознаменовался очередным транзитом власти. В день празднования очередной годовщины принятия Декларации о государственном суверенитете Башкортостана Глава республики Рустем Хамитов подал в отставку. Исполняющим обязанности Главы республики был назначен Р. Ф. Хабиров, ранее работавший Главой администрации г. Красногорск Московской области. В 2003–2008 гг. он был Руководителем Администрации Президента Республики Башкортостан и впоследствии работал начальником департамента по работе с партийными и общественными организациями Администрации Президента Российской Федерации.

Назначение временно исполняющим обязанности Главы республики Р. Ф. Хабирова башкирские организации встретили с особым воодушевлением, поскольку все восемь лет, по их мнению, республикой руководил представитель небашкирской национальности. Хотя бывший Глава Республики Рустэм Хамитов неоднократно заявлял, что он по национальности башкир, выходец из северо-западной части региона.

Поэтому в условиях происходящих в Башкортостане перемен, прежде всего башкиры, больше всех (15,1 %) выразили свою радость, воодушевление и желание включиться в новые процессы, опережая русских (7,3 %), татар (11,2 %) и «иных» национальностей (13,9 %). Однако произошедшие перемены, независимо от этнической принадлежности, в целом не особо повлияли на настроение людей. Поэтому четверть башкир (25,4 %), почти столько же русских (22,9 %), немногим более этого татар (28,6 %), и чуть более одной трети респондентов «иных» национальностей (34,7 %) заявили, что к происходящим переменам они пока проявляют лишь «выжидательный интерес» (см. таблица 3.4). Несмотря на активизацию публикаций в средствах массовой информации о грандиозных планах широкой модернизации экономики, четверть русских (23,5 %), почти каждый пятый татарин и представитель «иных» национальностей, а также лишь восьмая часть башкир отметили, что они не заметили перемен.

Таблица 3.4 – Результаты этносоциологического опроса «Какие чувства Вы испытываете в связи с происходящими в Башкортостане переменами?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Радость, воодушевление, желание включиться в новые процессы	15,1	11,2	7,3	13,9
Выжидательный интерес	25,4	28,6	22,9	34,7
Настороженность, беспокойство, тревога	15,1	15,3	18,4	8,3
Страх, беспомощность	5,6	2	5	0
Раздражение, агрессия	3,2	2,6	3,4	2,8
Безразличие	7,9	5,6	6,1	8,3
Не заметили перемен	12,7	17,3	23,5	18,1
Затрудняюсь ответить	15,1	17,3	13,4	13,9

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

У весьма солидной группы перемены вызвали настороженность, беспокойство и в некоторой степени тревогу. В наибольшей степени это было отмечено респондентами русской (18,4 %), немногим менее этого – башкирской (15,1 %) и татарской (15,3 %) национальностей. Небольшая доля респондентов в каждой этнической группе в той или иной степени в связи с происходящими в Башкортостане изменениями чувствовала страх и беспомощность (4 %), раздражение и агрессию (2,8 %) и какой-то степени полное безразличие (7 %).

Позиции этнических групп сильно разошлись при оценке своих перспектив на будущее. Наименьшее чувство уверенности в завтрашнем дне было отмечено среди русских – 17,3 %, тогда как данный показатель у представителей других этносов региона, включая башкир, татар и респондентов «иных» национальностей составлял четверть опрошенных (см. таблица 3.5).

Таблица 3.5 – Результаты этносоциологического опроса
«Есть ли у Вас чувство уверенности в завтрашнем дне?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Есть	25,4	26,5	17,3	23,6
Скорее есть, чем нет	50,8	48,5	39,1	44,4
Скорее нет	14,3	11,7	21,2	16,7
Нет	3,2	4,6	8,4	6,9
Затрудняюсь ответить	6,4	8,6	14	8,3

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Русские также меньше, чем остальные отмечали, что «чувство уверенности в завтрашнем дне» скорее присутствует, чем отсутствует. Если такой позиции придерживались более трети русских, то башкир в такой группе оказалась фактически половина. Более четверти русских также больше, чем остальные, выразили полную неуверенность в завтрашнем дне. При этом самая «категоричная» группа русских опережала татар почти в 2 раза и башкир в 2,6 раза. Русские также больше, чем другие, остались в затруднительном положении (14 %) (см. таблица 3.5).

В качестве факторов, который дают уверенность в завтрашнем дне, башкиры (31,7 %) и татары (29,2 %) на первое место поставили «способность заработать и

профессию», тогда как респонденты русской (25,7 %) и «иных» национальностей (33,3 %) отметили «поддержку семьи, родственников и друзей (см. рисунок 3.16).

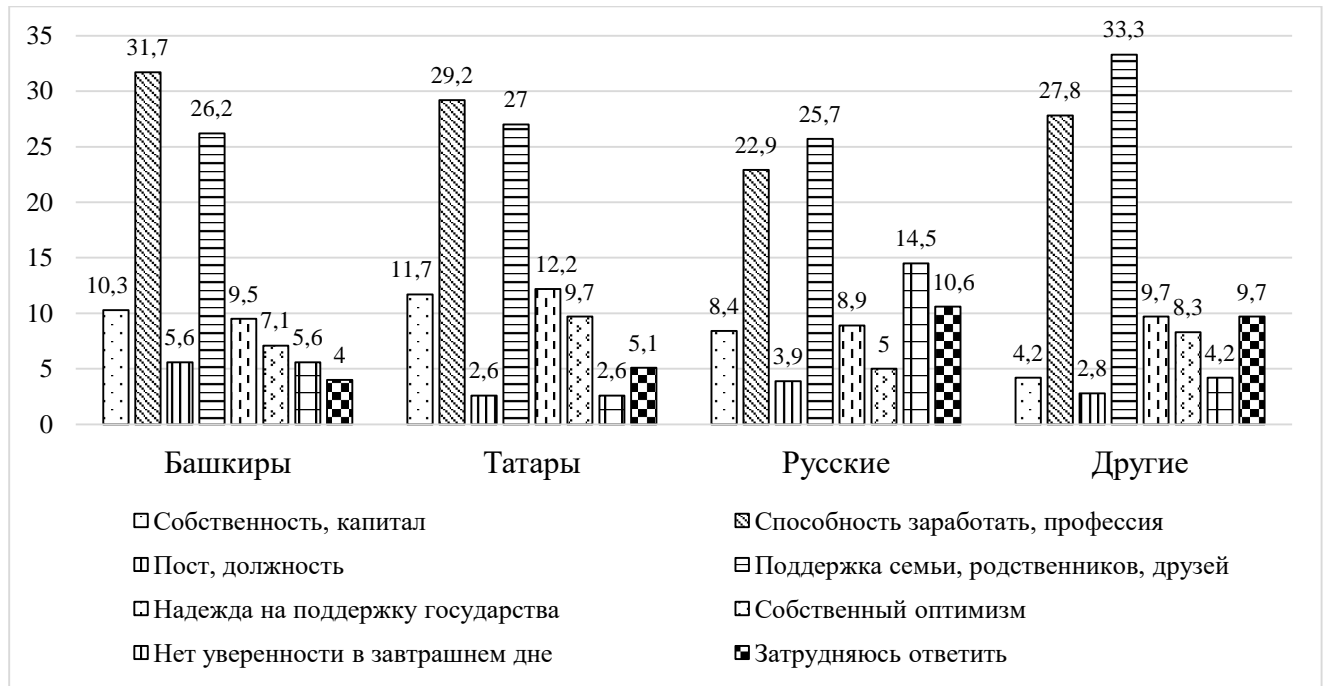

Рисунок 3.16 – Результаты этносоциологического опроса

«Что дает Вам чувство уверенности в завтрашнем дне?» *

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Каждый десятый башкир (10,3 %) и татарин (11,7 %) в качестве одного из условий уверенности в завтрашнем дне назвал наличие собственности и капитала, что в два раза превышало аналогичный ответ представителей «иных» национальностей. Башкирам (5,6 %) также в большей степени, чем опрошенным лицам из числа других национальностей, давала уверенность в завтрашнем дне занимаемая должность, что два раза превышала долю татар (2,6 %) и «иных» национальностей (2,8 %), ответивших на данный вопрос. Но наибольшую уверенность в завтрашнем дне отметили татары, выделяя «собственный оптимизм» – 9,7 %. Татары также выразили самую наименьшую долю «отсутствия уверенности в завтрашнем дне» 2,6 %, тогда как данный показатель у русских составлял 14,5 % (см. рисунок 3.16).

В определении жизненных ценностей также проявились этнические особенности. Если более трети опрошенных башкир (38,1 %) на первое место поставила семью как одну из основополагающих условий благополучной жизни, то немногим менее половины респондентов «иных» национальностей (44,4 %), одна треть татар (33,2 %) и более этого – русских (36,9 %) для хорошей жизни видели «достаток» (см. таблица 3.6). Хотя как татары (26 %), так и русские (29,6 %) считали семью одним из важных условий, позволяющих «хорошо жить». «Достаток» у башкир занимал вторую позицию (29,4 %), существенно уступая первому варианту (семье), но по сравнению с респондентами других национальностей он оставался далеко позади.

Таблица 3.6 – Результаты этносоциологического опроса
«Что, по Вашему мнению, означает сегодня «хорошо жить»?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Семья	38,1	26	29,6	19,4
Работа	9,5	20,9	16,8	23,6
Покой	11,9	6,1	6,1	5,6
Уважение	3,2	1,5	2,8	0
Достаток	29,4	33,2	36,9	44,4
Свобода	6,3	6,6	3,9	0
Власть	0,8	1	2,2	6,9
Образование	0,8	4,6	1,7	0

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Татары (20,9 %), русские (16,8 %) и «иные» национальности (23,6 %) на третье место поставили работу. Если четверть респондентов «иных» национальностей посчитали работу залогом хорошей жизни, то среди башкир в этом был уверен только каждый десятый (9,5 %). Для башкир, в отличие от респондентов других национальностей, «хорошо жить» означало «покой» (11,9 %) и «уважение» (3,2 %). Данный ответ башкир существенно превышал аналогичное мнение остальных опрошенных лиц (см. таблица 3.6).

Наибольший социальный оптимизм проявили татары, представители которых (почти треть опрошенных) отметили, что все не так трудно. С ними согласились

около четверти русских (23,5 %) и представители «иных» национальностей (26,4 %) (см. таблица 3.7). По мнению граждан, в наибольшей степени сложно адаптироваться к рыночными преобразованиями и новой политической ситуацией, которая складывается каждый раз по новому витку. Об этом заявляли практически все респонденты, независимо от этничности. В случае с политической ситуацией прослеживается связь с транзитом власти в республике. Но в тоже время как-то непонятно, что свыше четверти опрошенных башкир поставили на первое место трудности адаптации к новой политической ситуации, существенно превысив показатель русских (19,6 %), татар (16,3 %) и представителей «иных» национальностей (15,3 %).

Таблица 3.7 – Результаты этносоциологического опроса
«К чему особенно трудно приспособиться?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
К современной межнациональной ситуации	10,3	9,7	5,6	15,3
К новым рыночным отношениям	23,8	16,8	19	11,1
К новой политической ситуации	27,8	16,3	19,6	15,3
К новой языковой ситуации	4,8	2	1,1	1,4
Все не так трудно	18,3	30,6	23,5	26,4
Затрудняюсь ответить	15,1	24,5	31,3	30,6

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.)

Башкиры (23,8 %) также больше, чем другие респонденты, обозначили особую трудность приспособления к рыночным отношениям, опережая более чем в два раза респондентов «иных» национальностей (11,1 %), а также существенно – татар (16,8 %) и русских (19 %). Каждый десятый респондент (10,3 %) башкирской национальности указал на сложности адаптации к современной межнациональной ситуации в республике, что превышало долю татар (9,7 %) и особенно русских (5,6 %), давших аналогичные ответы на поставленный вопрос.

Вместе с тем, одним из основных направлений для улучшения социального самочувствия граждан является создание условий для экономического роста и повышение уровня материального благосостояния.

Если, по мнению 16,7 % башкир, для улучшения социального самочувствия важным было улучшение сферы обслуживания, то такая же доля татар (17,3 %) и немногим менее – русских (13,4 %) были уверены, что для этого лучше вернуть в общенародную собственность незаконно приватизированные предприятия.

Позиции этнических групп сильно разошлись во время оценки своей перспективы на будущее. Наименьшее чувство уверенности в завтрашнем дне было отмечено среди русских – 17,3 %, тогда как данный показатель у представителей других этносов Башкортостана, включая башкир, татар и респондентов «иных» национальностей составлял четверть опрошенных.

Результаты многочисленных социологических исследований, проведенных на территории Республики Башкортостан, подтверждают, что жители региона довольно спокойно воспринимают кризисные явления, возникающие в социально-общественной жизни. По мнению населения, улучшение социального самочувствия в сфере экономики достигается лишь тогда, когда для этого принимаются эффективные меры, например, создание условий для вывода экономики из кризисного состояния и повышение производительности труда (см. таблица 3.8).

Таблица 3.8 – Результаты этносоциологического опроса «Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан в экономике?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские
Вывести из кризиса промышленное производство	27,1	33,5	31
Создать условия для экономического роста	29	17,6	24
Расширить выпуск товаров народного потребления	7,1	7,9	11,6
Улучшить работу сферы обслуживания	7,1	7	8,5
Каждому больше и лучше трудиться	11	8,8	6,6
Вернуть в общенародную собственность незаконно приватизированные предприятия	8,4	10,1	9,3
Повысить уровень материального благосостояния	5,2	6,2	3,5
Затрудняюсь ответить	5,2	5,2	8,8

*Таблица составлена по данным ЭСО (январь 2014 г.).

Русское население региона пришло к выводу, что можно достигнуть улучшения социального самочувствия граждан в экономике, если вывести из кризисной ситуации промышленное производство и создать необходимые условия для роста экономики. Со своей стороны, татары больше, чем другие респонденты, отдавали предпочтение первому варианту «вывести из кризиса промышленное производство», превысившему «создание условий для экономического роста» почти в два раза (33,5 % против 17,6 %).

Отдельная группа опрошенных респондентов (6,6 % русской, 11 % респондентов башкирской и 8,8 % татарской национальностей) считает, что для улучшения социального самочувствия россиян необходимо каждому человеку больше и лучше трудиться. На четвертой позиции почти у всех опрошенных лиц находился вариант ответа, согласно которому «необходимо вернуть в общенародную собственность незаконно приватизированные предприятия» (см. таблица 3.8).

Небольшая часть респондентов в качестве одного из условий улучшения социального самочувствия видела расширение выпуска товаров народного потребления. За это высказалось 11,6 % башкир, а также немногим более 7 % татар и русских. По мнению определенной группы респондентов каждой национальности, для улучшения социального самочувствия необходимо повышение уровня материального благосостояния.

Одним из показателей улучшения экономического и социального самочувствия также является возможность ведения собственного бизнеса. В конце XX в. – начале первого десятилетия XXI в. на развитие малого и среднего бизнеса, помимо чисто производственного фактора, оказывали влияние и другие факторы. Например, при регистрации мелких фирм в форме общества с ограниченной ответственностью (ООО) создавались определенные препятствия со стороны органов власти. Проводились «внезапные» проверки разного рода комиссий, в том числе, казалось бы, не имеющие никакого отношения к бизнесу комиссии по проверке правильности написания предприятия на государственных языках Республики Башкортостан, в том числе и на башкирском. Симптоматично, что предприниматели русской национальности название своих фирм писали только на русском, но комиссии

требовали их написание на двух языках – на башкирском и русском, как этого требует закон РБ «О языках народов Республики Башкортостан»¹⁵⁶. Под видом выявленных нарушений предписывались систематически повторяющиеся штрафные санкции, которые впоследствии приводили к закрытию малых и средних предприятий.

Наиболее важным условием для социального самочувствия, помимо экономических аспектов, выступают духовно-культурные факторы. Они оказывают существенное влияние на характер взаимоотношений между людьми как в повседневной жизни, так и в процессе профессиональной деятельности. Значительная часть населения региона относит межэтническую толерантность и терпимость друг к другу к числу необходимых условий для улучшения социального самочувствия людей в культурном плане (см. таблица 3.9).

Таблица 3.9 – Результаты этносоциологического опроса «Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан в культуре?» *

Варианты ответа	Русские	Башкиры	Татары
Воспитывать терпимость людей друг к другу	36,4	31	35,7
Повышать общеобразовательный уровень населения	24,8	29,7	22
Укреплять солидарность народов России	12,8	11,6	16,3
Ограничивать влияние западной массовой культуры	8,1	9	7
Повышать нравственность	7,4	6,5	7,5
Расширять социальные гарантии	3,1	3,9	0,4
Усиливать религиозное воспитание	1,6	3,2	2,2
Затрудняюсь ответить	5,8	5,2	8,8

*Таблица составлена по данным ЭСО (январь 2014 г.).

Так считает треть русских (36,4 %), почти столько же татар (35,7 %) и немногим менее этого башкир (31 %). По мнению четверти русских (24,8 %), немногим более этого башкир (29,7 %) и каждого пятого татарина (22 %), формирование культурного менталитета и улучшение социального самочувствия граждан достигается вместе с повышением общеобразовательного уровня населения.

¹⁵⁶ Алексеев С. С. Русские в Башкортостане: этносоциологическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 2017. С. 122.

Все без исключения опрошенные лица поставили данный вариант ответа на второе место. В свою очередь, укрепление солидарности народов России оказалось на третьей позиции. Больше всех в поддержку укрепления солидарности высказывались респонденты татарской (16,3 %) и русской (12,8 %) национальностей.

Одним из способов достижения положительной динамики в контексте социального самочувствия россиян на первое место, все без исключения национальности, поставили введение ограничения на доходы богатых (см. рисунок 3.17). За такие меры высказалась одна треть русских, башкир и татар.

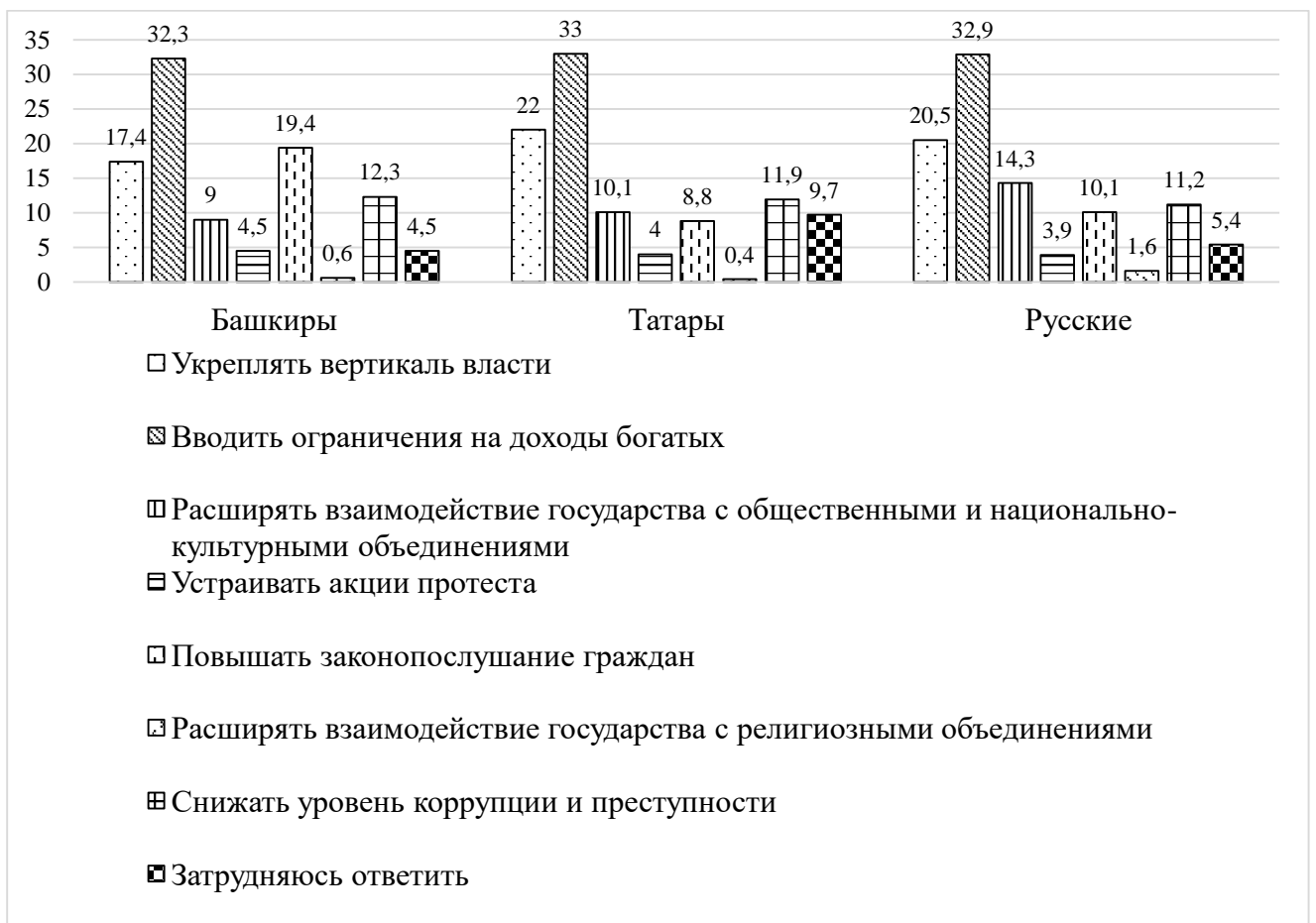

Рисунок 3.17 – Результаты этносоциологического опроса «Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан в государстве?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (январь 2014 г.).

На второй позиции у всех опрошенных лиц (за исключением башкир) оказался вариант, согласно которому требовалось укрепление вертикали власти. Здесь мнения

разделились еще острее, если каждый из пяти опрошенных респондентов русской (20,5 %) и татарской (22 %) национальностей больше требовали укрепления вертикали власти, то лишь шестая часть башкир разделяла такое мнение (17,4 %). Представители других национальностей больше склонялись к расширению взаимодействия государства с общественными и национально-культурными объединениями (22,2 %), тогда как с ними согласился лишь каждый десятый башкир и татарин, а также седьмая часть опрошенных русских.

Представители титульного этноса в большей степени, чем другие респонденты, отмечали, что для улучшения самочувствия граждан в государстве необходимо повысить законопослушность граждан (19,4 %) и снизить уровень коррупции и преступности (12,3 %). С последним мнением согласилась почти равная часть русских (11,2 %) и татар (11,9 %).

Таким образом, среди населения республики все еще преобладает мнение коллективного подхода в оценке к происходящим событиям. Рыночная экономика, резко разделившая на богатых и бедных, в глубине народных масс, несмотря на прошедшие годы, все еще воспринимается с долей критики. Видимо, все это в совокупности оказало влияние на мнение значительной части респондентов, независимо от этнической принадлежности, которые отметили, что для улучшения социального самочувствия граждан необходимо введение ограничения на доходы богатых. Население также понимало, что на современном этапе в условиях глубокой конкуренции возникла необходимость повышения общеобразовательного уровня. Без этого невозможно сформировать культурный менталитет страны и соответственно улучшить социальное самочувствие российских граждан. Одним из подтверждений поддержки населением духа коллективизма выступает общая позиция о необходимости укрепления солидарности народов России и «возвращения в общенародную собственность незаконно приватизированных предприятий». Вместе с тем, положительная динамика в контексте социального самочувствия россиян достигается лишь, когда каждый человек будет больше и лучше трудиться.

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В БАШКОРТОСТАНЕ

§ 4.1. Материальное положение этнических групп в их самооценках в Башкортостане

Общественно-политические и социально-экономические реформы, проводимые в период затяжного экономического кризиса 1990-х гг., оказали влияние на уровень материального положения населения страны. Модернизация национальной экономики, с одной стороны, способствовала построению экономической модели рыночного типа, а с другой стороны, привела к заметному обеднению жителей постсоветской России. Все вышеперечисленное можно отнести к факторам снижения жизненного уровня населения – одной из актуальных социальных проблем в российском обществе.

Уровень жизни россиян носит изменчивый характер в зависимости от экономической ситуации в стране. Следует отметить, что «социально-экономическая дифференциация в 2020–2021 гг. характеризовалась недоступностью для значительной части населения средних и выше стандартов обеспеченности денежными доходами и жилищем»¹⁵⁷.

Как показали данные этносоциологических опросов новейшего времени, русские меньше всех отмечали, что за последние годы рыночная экономика улучшила их жизненный уровень (14,3 %). Одновременно с этим представители русской национальности (28,3 %) больше всех уверены, что их жизненный уровень за эти годы не изменится и более того, они без особой надежды прогнозировали свое экономическое будущее, отметив, что оно только ухудшится (см. рисунок 4.1)¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2021 год: монография. Вып. 5 (201) / В. Н. Бобков [и др.]; отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. М., 2022. С. 64.

¹⁵⁸ Сафин Ф. Г., Камалетдинов Д.А., Кульшарипов Ф.Р. Экономические основы социального самочувствия этнических групп в многонациональном Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4. С. 1298–1299.

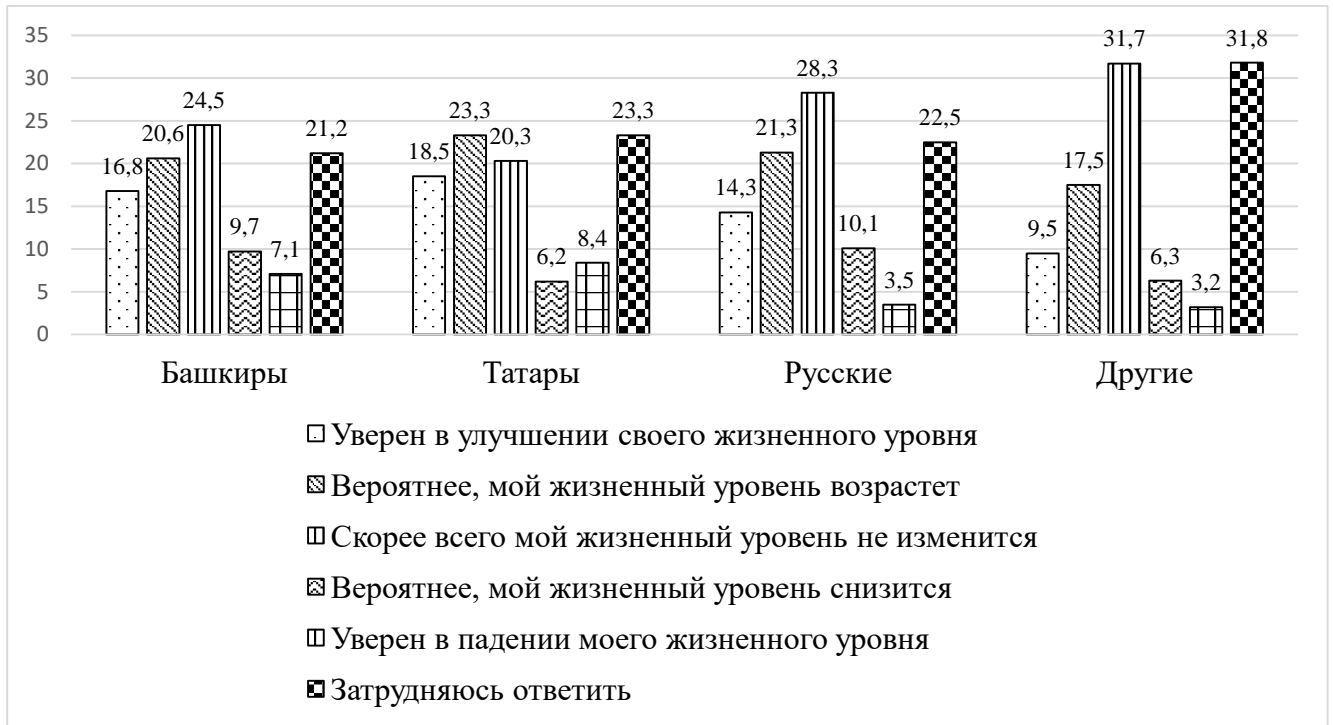

Рисунок 4.1 – Результаты этносоциологического опроса «Как Вы думаете, что лично Вам принесла рыночная экономика за эти годы?» *

*Рисунок составлен по материалам опроса (январь 2014 г.).

Таким образом, по данным опросов, русские чаще, чем другие национальности, подчеркивают ухудшение своего материального положения за эти годы. Столь критическая самооценка русскими своего уровня жизни была отмечена не только в начале и середине 1990-х гг., в 2014 г., но и во временном промежутке, т. е. в начале 2000-х гг., на что обратили внимание авторы проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации»¹⁵⁹. Как видно по социальной шкале, русские наиболее «пессимистично» оценили свое финансовое положение. Как показали данные опроса этого проекта, самая высокая доля респондентов, отнесших себя к самой низшей шкале, т. е. самому бедному социальному слою, были русские. Более одной трети (35,2 %) городских русских и немногим менее той же доли (30,3 %) на селе отнесли себя к самой низкой ступени бедности¹⁶⁰. Доля респондентов русских, отнесших себя к самой низкой ступени

¹⁵⁹ Автор проекта – Л. М. Дробижева, руководитель по Республике Башкортостан – Р. М. Валиахметов.

¹⁶⁰ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2002. С. 314–315.

бедности в городах (35,2 %), значительно превышала долю городских башкир в два раза (у башкир 17,9 %). В сельской местности доля расположившихся на низкой ступени бедности русских (30,3 %) и татар (28,1 %) была снова выше, чем у сельских башкир (21,4 %). На второй ступени «бедности» доля башкир в городах составляла четверть опрошенных (25,9 %), тогда как у русских данный показатель равнялся 18,8 %, что указывает на существующую социальную дифференциацию не только между этническими группами, но и внутри самих этносов¹⁶¹.

Улучшение экономической ситуации в стране и рассматриваемом регионе вместе с увеличением степени участия экономически активного населения в рыночных взаимоотношениях способствовало проявлению определенной положительной тенденции, которая находилась в прямой связи с ростом материально-финансового достатка, а также со снижением разрыва в уровне жизни (благополучии), возникшем между представителями разных этнических групп. Хотя в этом отношении положение русских и особенно существенно – представителей «иных» национальностей отличается от башкир и татар. Например, если 16 % башкир и татар отмечали, что получаемых ими средств достаточно для поддержания необходимого жизненного уровня и они «имеют возможность ни в чем себе не отказывать». Данный показатель составлял весьма скромную долю среди русских и особенно среди респондентов «иных» национальностей (2,8 %).

Результаты опроса также показали, что среди респондентов русской и «иных» национальностей в относительном выражении находилась довольно многочисленная группа опрошенных (соответственно 44,7 % и 41,7 %), отмечавшая достаточность денежных средств лишь на питание и предметы первой необходимости. При этом время весьма существенная дистанция в данном контексте проявилась между татарами (35,2 %) и башкирами (20,6 %) (см. рисунок 4.2)¹⁶².

¹⁶¹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 2002. С. 314–315.

¹⁶² Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А. Социальное настроение и адаптации этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 133.

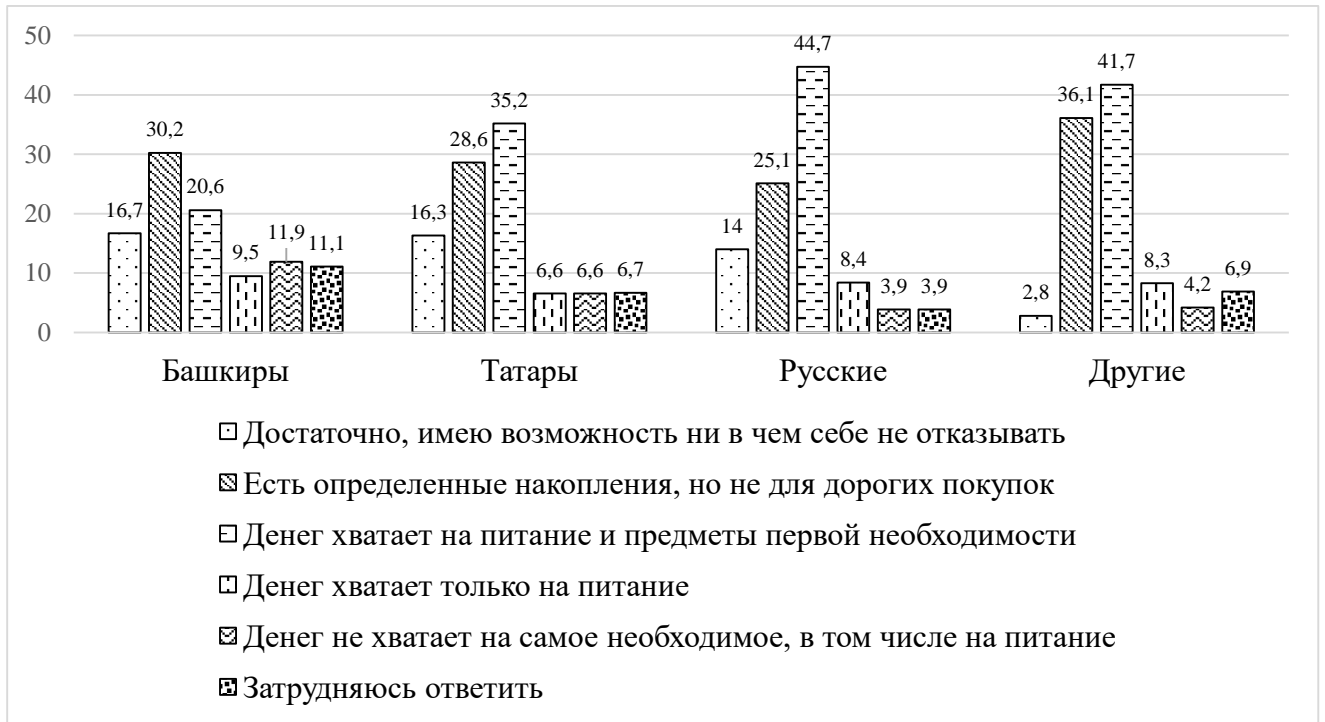

Рисунок 4.2 – Результаты этносоциологического опроса «Достаточно ли получаемых вами средств для поддержания необходимого жизненного уровня?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Как мы видим, доля таковых среди башкир, хотя и незначительно, была выше, чем у респондентов других национальностей. А в группе с самым низким показателем («денег хватает только на самое необходимое, в том числе на питание») она превышала долю русских почти в 3 раза (11,9 % против 3,9 %).

Следует обратить внимание на позицию опрошенных представителей «иных» национальностей, которые подтвердили наличие определенных накоплений, но не для совершения каких-либо дорогих покупок (36,1 %). В то время как об этом сообщили четверть русских (25,1 %), немного выше этого – татар (28,6 %) и менее одной трети респондентов – башкир (30,2 %).

Комплексный анализ результатов опроса показал, что каждый десятый башкир принадлежал либо к бедной, либо к около бедной категории населения. Вместе с тем башкиры в большей степени, чем остальные участники опроса, утверждали, что у них есть возможность совершать любые или почти любые приобретения, при этом превышая русских в 4 раза, татар в 2,5 и «иных» этнических групп в 1,7 раза (см.

рисунок 4.2). Данная вариация в социальной стратификации среди башкир еще раз подтверждает о существующей этносоциальной дифференциации внутри титульной группы.

Башкиры наряду с татарами больше всех были уверены, что смогут обеспечить свои семей без помощи государства, что косвенно подтверждает вовлеченность данной группы людей в рыночные структуры. Русские и представители «иных» этнических групп в этом отношении меньше были уверены в своих возможностях соответственно 14 % и 12,5 %. Однако среди русских был самый высокий показатель тех, кто имел возможность стать богатым. Каждый седьмой русский (5,6 %) уверенно заявил, что у него есть все возможности для этого. Это, в свою очередь, в три раза превышала аналогичную возможность респондентов башкирской, в 1,3 раза – татарской и в 1,7 раза – представителей «иных» национальностей (см. рисунок 4.3).

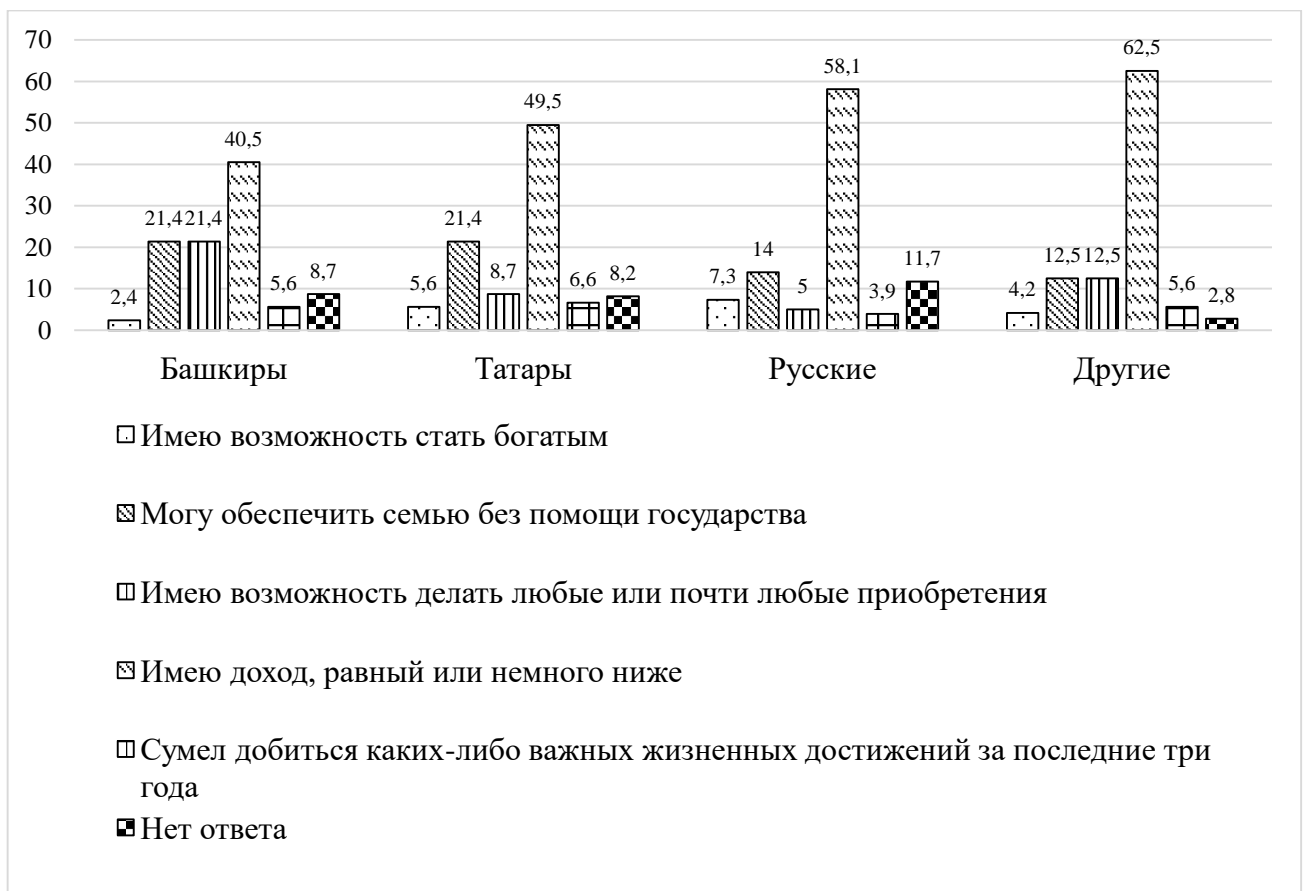

Рисунок 4.3 – Результаты этносоциологического опроса
«Как Вы оцениваете свое материальное положение?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Наибольшая группа респондентов сообщила, что у нее имеется доход равный или несколько ниже желаемого. Но данный показатель сильно варьировал в зависимости от этнической принадлежности. Если около двух трети респондентов «иных» национальностей (62,5 %) отмечали свой доход равным или немного ниже желаемого, то такое состояние указали лишь менее половины башкир (40,5 %). Татары и русские, имеющие аналогичный доход, заняли промежуточную позицию между башкирами и представителями «иных» национальностей. Так, более половина русских (58,1 %) и немногим менее этого татар (49,9 %), обладая более высоким уровнем образования, предъявляли повышенные запросы на материальные невзгоды, выражая недовольство уровнем своих доходов, который был существенно ниже их потребностей (см. рисунок 4.3).

Проведенный этносоциологический анализ показал, что оценки изменений в материальном положении населения за годы реформ варьировали в зависимости от национальной принадлежности респондентов. Так, оценивая сложившуюся социальную ситуацию в республике две трети русских (65,4 %) и более половины других этнических групп, к одной из основных социальных проблем отнесли невысокий уровень заработной платы, пенсий и пособий (см. таблица 4.1).

Таблица 4.1 – Результаты этносоциологического опроса

«Какие социальные проблемы представляются Вам наиболее острыми?

(отметьте не более трех самых важных) *

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Рост безработицы	43,7	35,7	31,8	37,5
Невысокий уровень заработной платы, пенсий, пособий	53,9	55,6	65,4	57
Тяжелое экономическое положение	28,8	28,6	31,8	25,4
Пьянство, наркомания	34,2	29,6	28,5	41,7
Преступность, коррупция	24,6	45,2	38,2	36,1
Недостаточная забота властей о населении	27	26,5	36,1	22,3
Напряженность в межнациональных отношениях	8	2,5	6,2	7
Проблема получения образования	8,8	5,1	4,5	12,5
Экологические причины	11,9	12,2	9,5	11,1

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

На вторую позицию башкиры поставили рост безработицы (43,7 %), тогда как татары (45,2 %) и русские (38,2 %), рост преступности и коррупции. Для представителей «иных» национальностей на втором месте оказалось пьянство и наркомания (41,7 %). Если более одной трети респондентов русской национальности жаловались на недостаточную заботу властей по социальной защите населения, то данную позицию разделила лишь четверть представителей других этнических групп. Русские (31,8 %) также больше, чем респонденты других национальностей (25,4 %), отмечали в целом тяжелое экономическое положение населения в республике (см. таблица 4.1).

Такие проблемы, как межнациональные отношения, экологическая ситуация, получение образования, не входили в приоритетный перечень социальных проблем. Но все же на эти проблемы обратила внимание небольшая часть опрошенных (менее 10 %) со стороны каждой этнической группы.

Оценка своего материального и финансового положения в конце второго десятилетия XXI века также отличается в этническом разрезе. Например, к среднему классу отнесли себя более двух трети респондентов башкирской (68,2 %), татарской (66,8 %) и марийской национальности (78,7 %). Также практически половина опрошенных русских (58,1 %), чувашей (51,4 %) и удмуртов (47,4 %) отнесла себя к категории среднего достатка (см. таблица 4.2).

Таблица 4.2 – Результаты этносоциологического опроса
«К какой из нижеперечисленных групп вы бы себя отнесли?» *

	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты	Марийцы	Чуваши	Всего
Люди с высоким достатком	5,6	5,1	3,4	0	0	1	0,4
Средний класс	68,2	66,8	58,1	47,4	78,7	51,4	57,9
Малообеспеченные	26,2	25,5	36,9	52,6	21,3	47,6	41,7
Нет ответа	0	2,6	1,6	0	0	0	0

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

В категорию людей с высоким достатком в самооценках отнесла себя лишь небольшая группа респондентов. Самый высокий показатель отмечен среди башкир

(5,6 %) и татар (5,1 %), немногим менее этого – у русских (3,4 %). Более одной трети русских (36,9 %), половина удмуртов и почти столько чувашей (47,6 %) в самооценках отнесли себя к малообеспеченной категории граждан. Наименьший показатель в группе малообеспеченных был отмечен у марийцев (21,3 %), татар (25,5 %) и башкир (26,2 %). Иными словами, в наиболее благоприятном положении оказались башкиры, татары и марийцы, в наихудшем – удмурты, чувашаи и русские (см. таблица 4.2).

Оценивая материально-финансовое положение своих семей, как выяснилось в ходе этносоциологического опроса молодежи в феврале 2014 г., лишь 1,4 % молодых людей башкирской, 0,9 % – русской и 0,5 % – татарской национальности включили себя в категорию богатых. Почти половина башкирской молодежи (49 %), немногим менее этого – татарской (47,2 %) и русской (45,7 %) отнесли свои семьи в категорию обеспеченных.

Кроме того более трети русской (37,1 %) и татарской (36,4 %) молодежи признали свои семьи в большей степени обеспеченными, чем необеспеченными. Аналогичной точки зрения придерживался каждый пятый респондент башкирской молодежи (22,4 %). Среди башкирской молодежи также была высокой доля тех, кто отнес свои семьи к малообеспеченной группе (23,8 %), тогда как показатели русских (9,5 %) и татар (8,9 %) существенно уступали (более чем в 2,5 раза)¹⁶³.

Таким образом, этносоциальная дифференциация среди этнических групп на уровне рассматриваемого региона в большей степени проявляется внутри башкирского этноса. Наряду с определенной долей имеющих достаточно получаемых средств для поддержания необходимого жизненного уровня, башкиры больше всех (10 %) отмечали нехватку денег на предметы первой необходимости и для покупки продуктов питания. Тогда как данный показатель у татар составлял 6,6 %, у русских – 3,9 % и «иных» национальностей – 4,2 %¹⁶⁴.

Таким образом, несмотря на неплохой достаток для поддержания необходимого жизненного уровня, среди этнических групп имеется определенная

¹⁶³ Этносоциологический опрос молодежи, февраль 2014 г.

¹⁶⁴ Там же.

социальная дифференциация, которая наиболее рельефно выражена среди титульной группы. Поэтому имеющиеся «изъяны» в социальном положении негативно отражаются на этносоциальном самочувствии не только башкирского, но и других этнических групп Республики Башкортостан.

Как выяснилось в ходе опроса «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» немногим менее двух третей башкир (60,3 %), почти столько же татар (61,3 %) и русских (58,1 %), а также менее половины респондентов «иных» национальностей (47,2 %) отметили улучшение в лучшую сторону (см. рисунок 4.4).

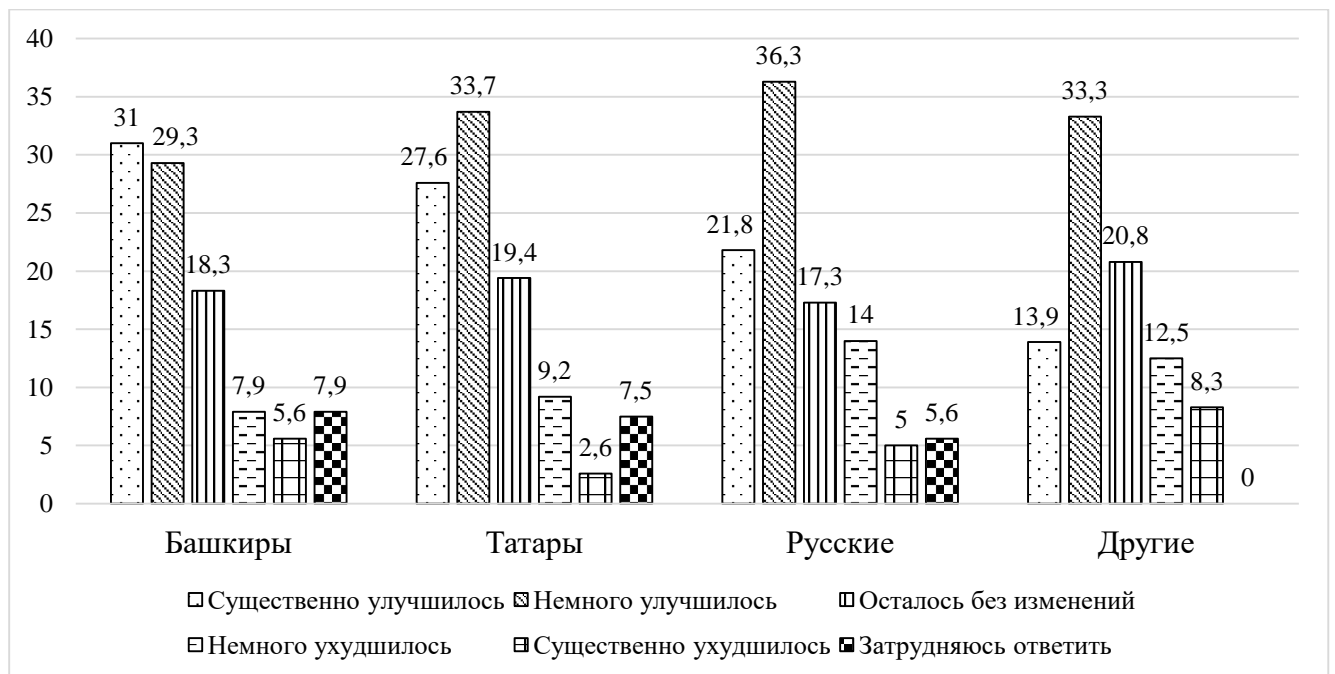

Рисунок 4.4 – Результаты этносоциологического опроса «Как изменилось экономическое и финансовое положение Вашей семьи за 10–15 лет?» *

*Рисунок составлен по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.)

Проведенные этносоциологические исследования показывают, что значительная часть населения рассматриваемого региона оценивала свое материальное положение в целом положительно¹⁶⁵. Две трети респондентов «иных» национальностей (62,5 %), немногим менее этого русских (58,1 %), половина татар

¹⁶⁵ Ишемгулов, М. Н. Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1979–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2022. С. 170.

(49,5 %), а также немногим менее половины опрошенных башкир (40,5 %) были удовлетворены имеющимся уровнем дохода (равным или немного ниже желаемого). В свою очередь, каждый пятый опрошенный респондент из числа башкир (21,4 %) и татар высказал уверенность в том, что сможет обеспечить свою семью без помощи государства, тогда как об этом заявили каждый 12-й респондент «иных» национальностей, а также всего лишь седьмая часть русских¹⁶⁶.

Одним из значимых показателей уровня жизни и состоятельности населения выступает наличие недвижимости и земли. В связи с возможностью оформления в частную собственность жилья, земельных участков, а также земельных наделов в виде сельскохозяйственных угодий, предназначенных для сельхозпроизводства, роль земли приобрела особую ценность как принадлежащая индивиду частная собственность. Приобретение земли или взятие ее в аренду для производства сельскохозяйственных культур и выращивания животноводства становится весьма перспективным. Но, как показывает практика, данная деятельность еще не становилась широко распространенной на уровне рассматриваемого региона. Несмотря на это, 14,1 % башкир, почти каждый десятый русский (10,3 %) и опрошенный «иной» национальности (10,4 %) отмечали, что они владеют землей (см. таблица 4.3).

Наибольшая часть участников опроса указала, что она владеет отдельным домом или частью дома. Это самый распространенный вид недвижимости. О наличии такого жилья отметили более четверти русских (26,3 %), одна треть башкир (33,3 %), менее этого – татар (30,1 %) и респондентов «иных» национальностей (29,2 %). Такой вид недвижимости, как отдельный дом, характерен для сельских поселений и небольших городов, в которых распространены частные дома. В крупных и средних городах с многоэтажным строительством наибольшая часть населения владела отдельной двухкомнатной квартирой. В свою очередь, являющиеся по большей части (более 80 %) горожанами русские констатировали, что каждый пятый из них имеет отдельную двухкомнатную квартиру. О владении

¹⁶⁶ Этносоциологический опрос, ноябрь 2018 г.

такой аналогичной квартиры отмечали 18,1 % респондентов «иных» национальностей, 13,3 % – татар и 11,9 % башкир. Определенная группа респондентов, особенно татарской (13,2 %) и «иных» национальностей (15,3 %), владеет отдельной многокомнатной квартирой (с 3-мя и более комнатами).

Таблица 4.3 – Результаты этносоциологического опроса
«Каким видом недвижимости или землей вы владеете?» *

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Отдельный дом, часть дома	33,3	30,1	26,3	29,2
Отдельная многокомнатная квартира (3-х и более комнат)	7,1	13,2	8,4	15,3
Отдельная двухкомнатная квартира	11,9	13,3	19,6	18,1
Отдельная однокомнатная квартира	5,6	11,7	10,1	4,2
2-х и более комнат в коммунальной квартире	3,2	3,1	1,7	2,8
1 комната в коммунальной квартире	2,4	2	4,5	9,7
Дача, садово-огородный участок с домом	9,6	6,7	7,8	2,8
Садово-огородный участок без дома	5,6	6,2	2,9	4,2
Земля	14,1	4,1	10,3	10,4
Подсобное хозяйство	3,2	1	2,3	1,4
Гараж или место на стоянке	3,2	8,7	6,2	4,2
Строю, покупаю жилье	7,2	1,5	2,1	2,8
Нет ответа	4,8	6,6	5	1,4

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

8,7 % татар, 6,2 % русских, 4,2 % респондентов «иных» национальностей и 3,2 % башкир заявляли, что они имеют гараж или место на стоянке. Небольшая часть опрошенных лиц (6,7 %) подтвердила, что она имеет дачу, садово-огородный участок с домом. У немногим менее этого числа респондентов (4,7 %) имелся участок без дома (см. таблица 4.3).

Таким образом, результаты этносоциологического опроса подтверждают о наличии в собственности определенной недвижимости, позволяющей населению удовлетворить свои хозяйственно-бытовые потребности.

Наличие у населения предметов бытового назначения выступает одним из показателей материального благосостояния. Особых различий в использовании

предметов бытового назначения в разрезе этнических групп не просматривается. Персональный компьютер, плазменный телевизор или такой вид бытовой техники для ежедневного использования как холодильник, доступен практически каждой семье, независимо от национальной принадлежности (см. таблица 4.4.)

Таблица 4.4 – Результаты этносоциологического опроса

«Какими из нижеприведенных предметов длительного пользования Вы владеете?» *

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Плазменный телевизор	52,4	59,7	54,2	52,8
Холодильник, ларь для заморозки	77,8	74,5	77,1	73,6
Стиральная машина-автомат	67,5	68,9	69,8	75
Мобильный телефон, смартфон	76,2	79,1	76,5	81,9
IPad, Iphone	16,7	20,9	17,3	8,3
DVD-плеер, домашний кинотеатр	15,9	14,8	13,4	11,1
Автомобиль-иномарка	28,6	34,2	21,2	34,7
Квадроцикл	4,9	3,6	1	1,4
Моторная лодка, катер, парусник	0	4,1	3,9	2,8
Велосипед, мотоцикл	29,4	28,1	20,1	25
Видеокамера или цифровой фотоаппарат	36,5	34,2	33,5	13,9
Персональный компьютер, ноутбук	50	57,7	55,9	45,8
Посудомоечная машина	11,9	10,2	8,9	6,9
Кондиционер	19,8	25	14	8,3
Микроволновая печь	59,5	58,2	57	51,4
Мультиварка, пароварка, хлебопечь	37,3	39,3	34,1	26,4
Блендер, соковыжималка	27	33,7	33,5	31,9
Кабельное телевидение	40,5	50,5	55,9	54,2
Спутниковая антенна	23,8	17,9	15,1	8,3
Интернет, Wi-Fi	64,3	63,8	61,5	55,6
Оригинальные произведения искусства	6,3	4,1	5,6	1,4

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.)

Телефоны с сенсорным экраном, позволяющие просматривать страницы в интернете, читать книги, слушать музыку и выполнять другие действия, такие как Айфон (Iphone) или же планшетный компьютер с сенсорным экраном Айпад (iPad), как выяснилось в ходе опроса, имели 20,9 % респондентов татарской, 17,3 % – русской, 16,7 % – башкирской и 8,3 % «иных» национальности (см. таблица 4.4).

Показатель пользования населением мобильными телефонами был высоким – более 80 %, практически более половины респондентов отметили, что у них дома имеются микроволновые печи, почти две третья часть указала о пользовании

Интернетом и Wi-Fi. Практически более половины опрошенных лиц отметили о наличии у них персонального компьютера или ноутбука. Одним из показателей материального благополучия выступает наличие у населения легкового автомобиля. В этом отношении опрос 2018 г. показал, что у одной трети татарской и «иных» национальностей (соответственно, 34,2 % и 34,7 %), более четверти башкир (28,6 %) в пользовании имеются автомобили иностранного производства. Из этой группы собственников лишь каждому пятому русскому (21,2 %) был доступен автомобиль иностранного производства. Таким образом, данный ответ русских существенно отличается от аналогичных ответов других респондентов – этнических групп региона. Это обстоятельство также было выявлено в ходе этносоциологического опроса в 2017 г.¹⁶⁷

Башкиры существенно меньше отмечали, что они подключены к кабельному телевидению. Но при этом у них намного выше было использование спутниковых антенн, чем у представителей других национальностей, что легко объясняется тем, что основная часть башкирского населения проживает в сельской местности, где доступ кабельного телевидения ограничен. Поэтому использование башкирским, а также в определенной степени татарским и русским населением спутниковых антенн в сельских местностях вполне оправданно. Иными словами, низкая доля использования спутникового телевидения обратно пропорционально росту пользователей кабельного телевидения.

В целом обеспеченность населения бытовыми приборами в этническом разрезе имеет заметное сходство. Различие имелось лишь в группах, проживающих в городах или в сельской местности.

Несмотря на наличие довольно существенного перечня предметов длительного пользования, более половины респондентов русской (55,3 %) и почти две трети «иных» национальностей (61,1 %) остались недовольны собственным уровнем жизни. При этом большинство башкир (58,7 %) и татар (54,6 %), наоборот, было довольным своим социально-экономическим положением, тогда как аналогичное

¹⁶⁷ Алексеев С. С. Русские Башкортостана: этносоциологическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. С. 156.

настроение отметили лишь 29,1 % русских и 25 % респондентов «иных» национальностей (см. рисунок 4.5).

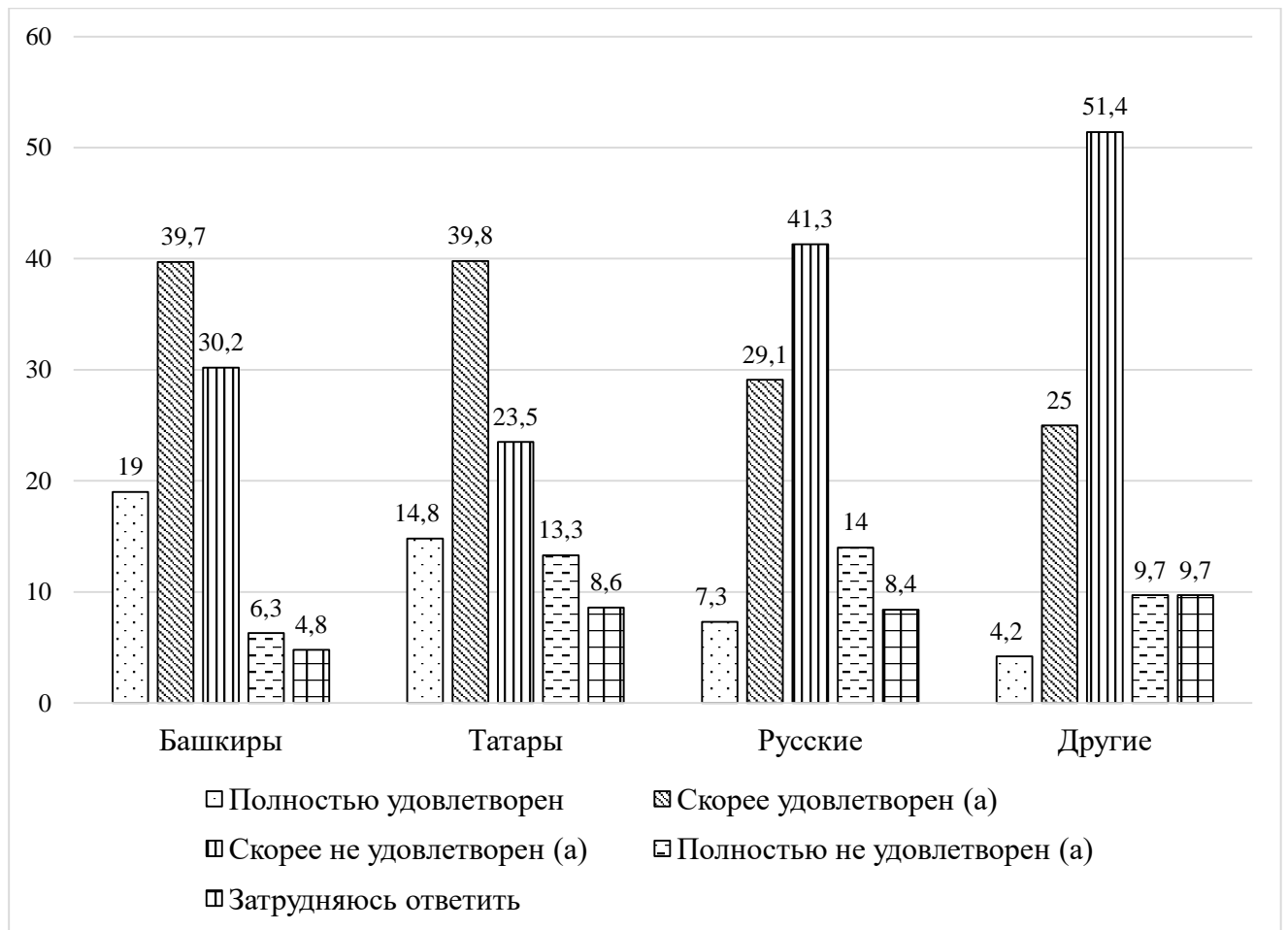

Рисунок 4.5 – Результаты этносоциологического опроса
«Удовлетворены ли Вы своим материальным положением?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

В этом отношении разрыв вариации показателей удовлетворенности своим материальным положением не проходит между титульным этносом (башкирами) и русскими. От проходит между башкирами, татарами и марийцами (52,5 %), с одной стороны, русскими, чувашами (34 %) и удмуртами (27,4 %) – с другой. Наряду с русскими о недовольстве своим материальным положением заявили 62,1 % удмуртов и 55,3 % чувашей¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Этносоциологический опрос, апрель 2021 г.

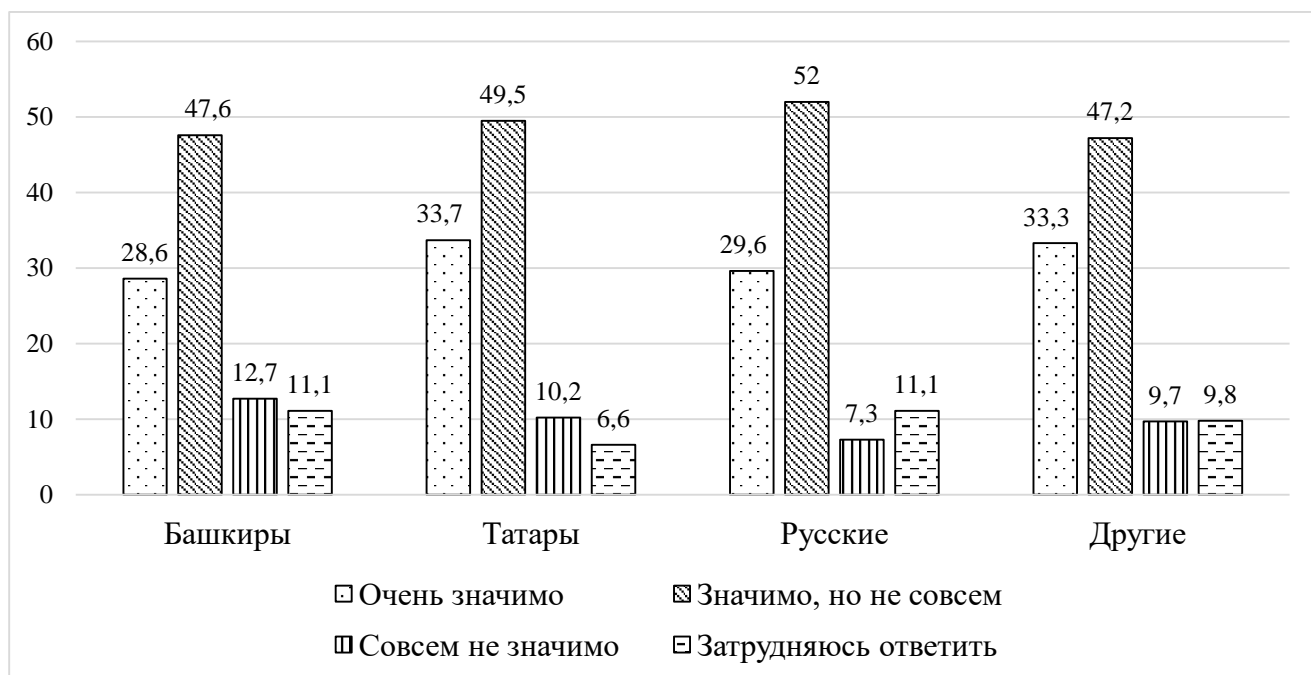

Рисунок 4.6 – Результаты этносоциологического опроса

«Насколько для вас значимо богатство как жизненная ценность?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Таким образом, самооценка удовлетворенности своим материальным положением в разрезе этнических групп показала, что несмотря на его заметный рост и сходства в материальных условиях жизни населения, преимущество респондентов титульного этноса выглядело весьма ощутимым. Иными словами, проблема социально-экономического неравенства этнических групп практически еще имела место.

§ 4.2. Удовлетворенность этнических групп социальными благами в республике

Одним из комплексных индикаторов социального самочувствия, успешности адаптации к новым условиям существования, показателем, обладающим в определенной степени интегративным и всеобъемлющим значением, является удовлетворенность человека своим положением в обществе¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Остапенко Л. В., Субботина И. А., Нестерова С. Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М., 2012. С. 300.

Результаты социопроса (2018 г.) в разрезе этнических групп продемонстрировали, что почти четверть башкир (23,8 %), оценивая свое социально-экономическое положение, заявили о том, что они полностью им удовлетворены. Хотя о полном удовлетворении заявляли лишь 13,3 % татар и всего лишь порядка 8 % русских и «иных» национальностей. Последние, в свою очередь, также в меньшей степени, чем представители башкирской и татарской национальности, были «скорее удовлетворены» чем нет, соответственно 34,6 % и 30,6 % (см. рисунок 4.7).

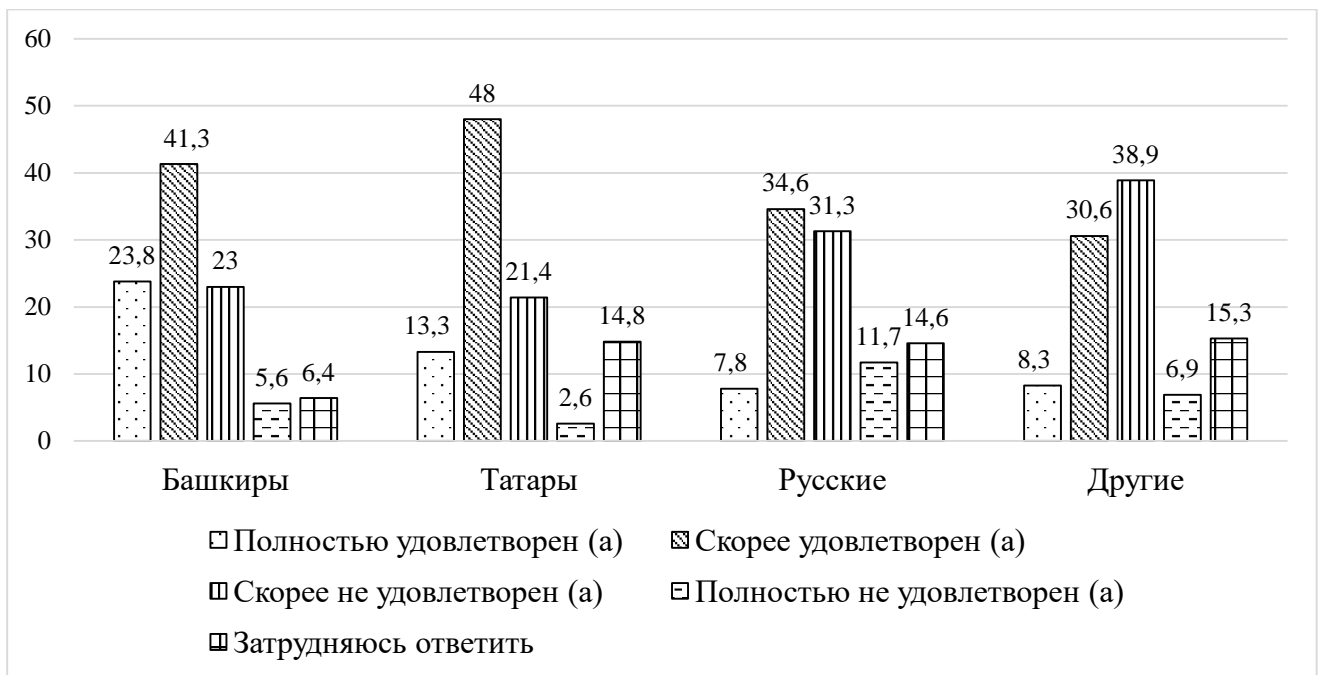

Рисунок 4.7 – Результаты этносоциологического опроса

«Удовлетворены ли Вы своим социально-экономическим положением?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

При этом об удовлетворении своим социально-экономическим положением заявили немногим менее половины татар (48 %) и каждый второй из пяти респондентов из числа башкир (41,3 %). Вместе с тем, практически треть русского населения (31,3 %) и более этого (38,9 %) представителей «иных» национальностей сожалели, что они скорее своим социально-экономическим положением не удовлетворены, тогда как о таком состоянии заявили лишь немногим менее четверти башкир (23 %) и еще меньше татар (21,4 %). В отличие от татар и башкир, каждый

десятый русский был огорчен, что он полностью не удовлетворен своим социально-экономическим положением (см. рисунок 4.7).

Одним из показателей общего уровня жизни является удовлетворенность жилищно-бытовыми условиями (см. рисунок 4.8). В этом отношении удовлетворенность населения жилищно-бытовыми условиями вполне оправдана, поскольку в республике вот уже в течение нескольких лет подряд остается высоким объем жилищного строительства. Видимо, поэтому более двух трети башкир (66,7 %) и татар (68,4 %), немногим менее этого русские (60,9 %) и «иных» национальностей (58,4 %) отмечали об удовлетворенности своими жилищно-бытовыми условиями.

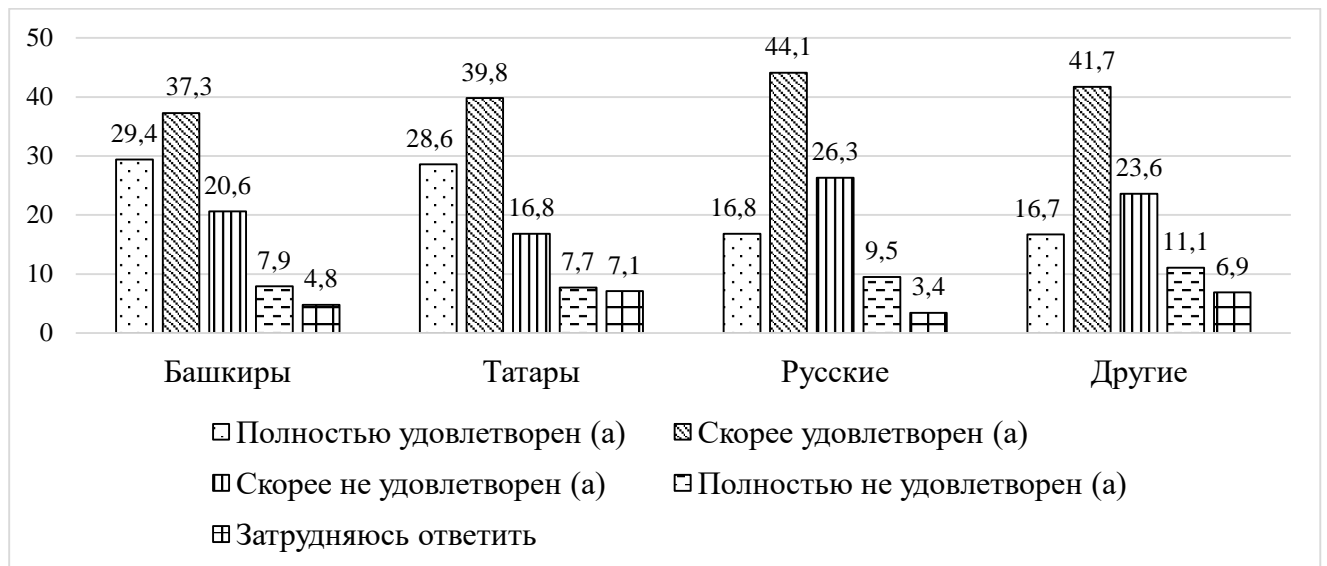

Рисунок 4.8 – Результаты этносоциологического опроса

«Удовлетворены ли Вы своим жилищно-бытовыми условиями?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

При этом более трети русских (35,8 %) и респондентов «иных» национальностей (34,7 %) с сожалением констатировали о неудовлетворенном состоянии своих жилищных условий, тогда как лишь четверть татар (24,5 %) и свыше этого башкир (28,5 %) выразили недовольство по поводу жилищно-бытовых проблем.

Также в целом по региону имеются разные мнения относительно удовлетворенности своими культурно-бытовыми условиями (см. рисунок 4.9).

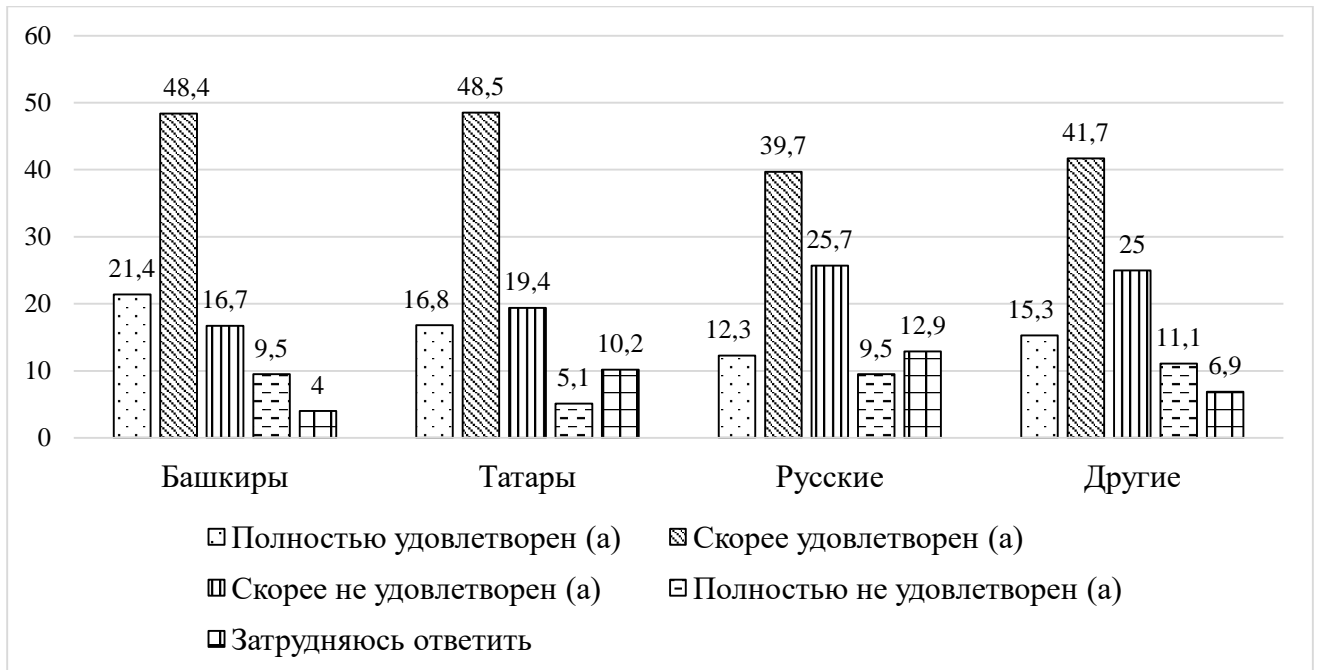

Рисунок 4.9 – Результаты этносоциологического опроса

«Удовлетворены ли Вы своими культурно-бытовыми условиями»? *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Так, абсолютное большинство башкир (69,8 %) и татар (65,3 %), а также более половины русских (52 %) и «иных» национальностей (57 %) выразили удовлетворение своими культурно-бытовыми условиями. Вместе с тем более трети респондентов русской (35,2 %) и «иных» национальностей (36,1 %), а также более четверти башкир (26,2 %) и татар (24,5 %) все же выразили неудовлетворенность своими культурно-бытовыми условиями (см. рисунок 4.9).

Наиболее уязвимой отраслью в социальной сфере выступает медицинское обслуживание. Медицинское обслуживание оказалось такой отраслью, которую основная часть населения республики подвергает критике и выражает при этом сильное возмущение.

Как известно, ситуация с медицинским обслуживанием в целом по республике выглядит весьма остро, поскольку по обеспеченности врачами на 10 тыс. чел. (42,1 врачей в 2017 г.) Республика Башкортостан находится на одном из последних мест в

Приволжском федеральном округе и занимает 61-е место в целом по стране¹⁷⁰. В республике, начиная с 2005 г. уже несколько лет подряд одной из высоких в стране остается детская младенческая смертность, показатели которой за эти годы всегда были выше среднероссийского уровня. В 2017 г. на 1000 родившихся коэффициент младенческой смерти составлял 7, тогда как в среднем по стране он равнялся 5,6, а по ПФО – 5,3. В соседней Республике Татарстан данный показатель составлял 5,1, а в Чувашской Республике – 3,2, в Пензенской области – 4,1. По уровню младенческой смерти Республика Башкортостан в 2017 г. из 85 субъектов Российской Федерации занимала 72 место, тогда как Республика Татарстан – 35-е, Чувашская Республика – 2-е, Пензенская область – 8-е место¹⁷¹. За три года к 2020 г. несмотря на сокращение коэффициента младенческой смерти до 5,8, ситуация особо не изменилась, занимаемое место республики в целом по стране осталась на прежнем уровне – 71 место¹⁷². Обеспеченность населения больничными койками в Башкортостане является важной составляющей уровня жизни в регионе. По данным Росстата в 2017 г. на 10 тыс. чел. в республике приходилось – 78 место-коек, тогда как данный показатель по стране и Приволжскому федеральному округу равнялся 80,5. По числу больничных коек на 10 тыс. чел. Республика Башкортостан в 2017 г. занимала 60-е место в Российской Федерации¹⁷³.

Из совокупности социальных проблем, с которыми ежедневно сталкивалось население, как выяснилось в ходе социологического опроса, респонденты выделили плохое качество медицинского обслуживания. Свое негативное отношение к медицинскому обслуживанию выразила значительная часть опрошенных лиц: более двух трети русских (67,6 %), немногим более половины башкир (54,8 %) и татар (56,6 %), а также чуть менее половины респондентов «иных» национальностей (45,8 %) (см. рисунок 4.10).

¹⁷⁰ Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 369–370.

¹⁷¹ Там же. С. 69–70.

¹⁷² Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 71.

¹⁷³ Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 359–360.

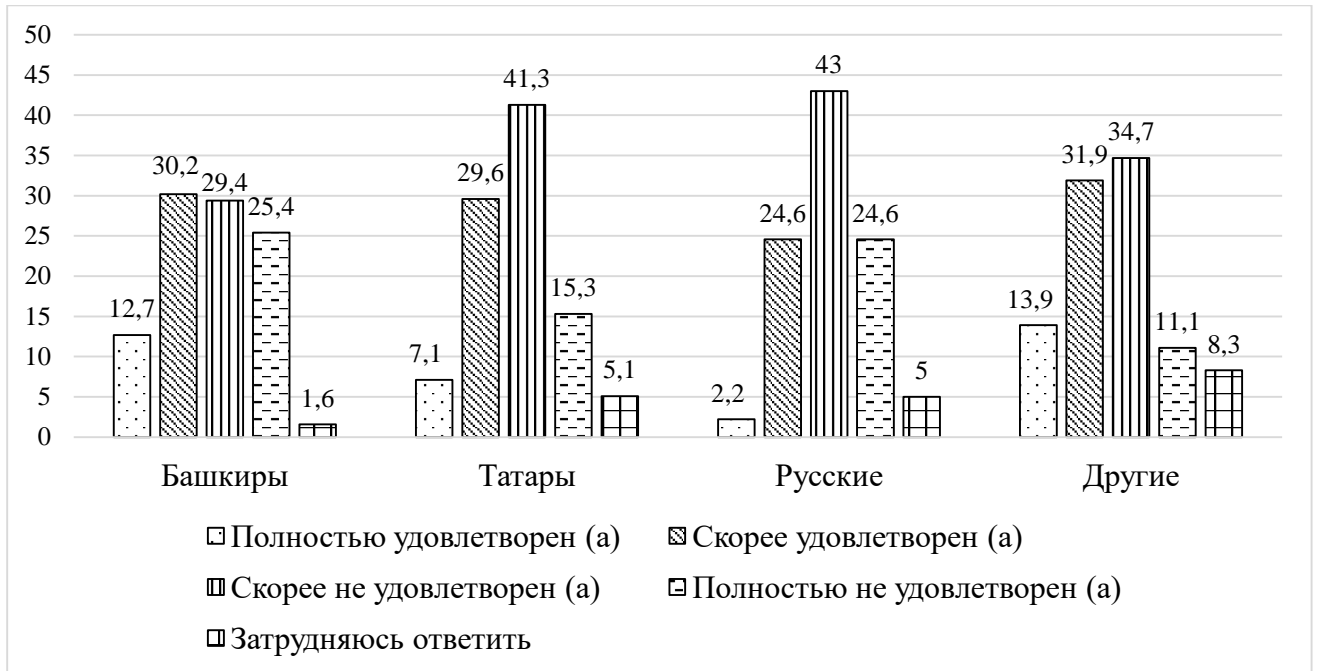

Рисунок 4.10 – Результаты этносоциологического опроса
«Удовлетворены ли Вы своим медицинским обслуживанием?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Абсолютно противоположное мнение высказали 2 % русских и 7,1 % татар, в то время как среди остальных участников опроса (башкир и других национальностей) данный показатель был в 5 раз выше (см. рисунок 4.12). Таким образом, даже при оценке своей удовлетворенности в такой сфере, как медицинское обслуживание, этнические различия оказались весьма заметными. Если, например, 42,9 % респондентов башкирской национальности отмечали свою удовлетворенность медицинским обслуживанием в республике, то среди русского населения этот показатель представлен лишь четвертью опрошенных (26,8 %).

Иными словами, данные опроса выявили весьма серьезное недовольство населения уровнем медицинского обслуживания в республике. Поэтому неудивительно, что к данной проблеме несколько раз были посвящены специальные заседания местного правительства, и в республике работала комиссия по выявлению соотношения факторов высокой младенческой смертности с уровнем медицинского обслуживания населения.

Состоявшееся 31 октября 2018 г. в г. Светлогорске Калининградской области заседание Президиума Государственного Совета РФ неслучайно было посвящено проблеме улучшения здравоохранения, на котором в качестве основных проблем были отмечены дефицит кадров и материально-техническое оснащение медицинских учреждений. Выступая на заседании, Глава Башкортостана Р. Ф. Хабиров предложил усилить сельскую медицину, т. к. в республике довольно большая доля сельского населения (в 2017 г. – 37,9 %) ¹⁷⁴, чтобы проживающие на селе жители могли получать быструю, доступную и качественную медицинскую помощь ¹⁷⁵. Более того, значительное количество существующих на селе фельдшерско-акушерских пунктов под видом оптимизации в свое время были закрыты, что фактически привело к заметному ухудшению медицинского обслуживания в сельской местности.

Обслуживание общественного транспорта занимает одно из важных приоритетов в социальной политике Республики Башкортостан. После избрания президентом республики М. Г. Рахимова в качестве важного жеста по социальной защите населения было принято решение о введении бесплатного проезда для всех категорий жителей региона за счет дотации из республиканского бюджета. В условиях рыночной экономики такое введение не носило рентабельный характер для пассажирского автомобильного транспорта и впоследствии он был вытеснен частными автоперевозчиками. В результате этого государственные пассажирские автомобильные предприятия пришли в упадок и обанкротились, а их место заняли частные перевозчики. За «место под солнцем» между разными группами случались крупные разборки, доходившие до перестрелок. С приходом к власти Р. Ф. Хабирова была начата кампания по урегулированию системы общественного транспорта. Ряд

¹⁷⁴ Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 44.

¹⁷⁵ На заседании президиума Госсовета Хабиров ратовал за усиление сельской медицины. [Электронный ресурс]. URL: <https://ufa.mk.ru/social/2019/11/01/na-zasedanii-prezidiuma-gossoveta-khabirov-ratoval-za-usilenie-selskoy-mediciny.html?ysclid=lex29dn780237950682> (дата обращения: 01.11.2019); Сафин Ф. Г., Ишемгулов М. Н., Камалетдинов Д. А., Сафин Ф. Ф. Социальное самочувствие населения Башкортостана после крымских событий // Экономика и управление. 2020. № 1. С. 107.

частных перевозчиков с автобусами ПАЗ и ГАЗели был вытеснен с маршрутов под видом, что они устарели и не отвечают современным требованиям. Также ряд маршрутов в столице республики (г. Уфа) был ликвидирован. В первые месяцы таких реформ была нарушена система обслуживания пассажиров, что создало особую тревогу у населения, поскольку все это проходило в зимние месяцы.

Проживающая основная часть русского населения в городах, особенно в столице республики, в наименьшей степени выразили свою полное удовлетворение работой общественным транспортом (8,9 %), что в два раза меньше, чем указавшие на это башкиры (19,8 %). Выше этого показатель был отмечен у представителей «иных» национальностей (26,4 %), что практически в два раза превышает долю татар (13,8 %) в данной группе респондентов (см. рисунок 4.11).

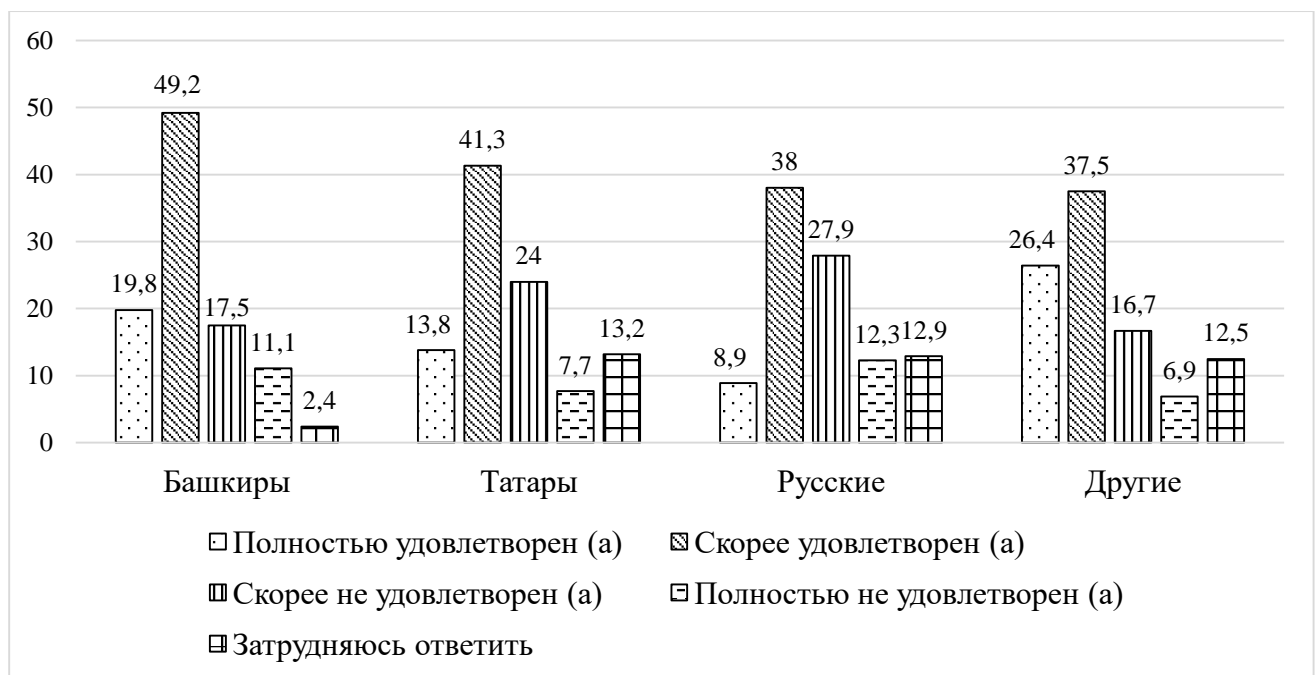

Рисунок 4.11 – Результаты этносоциологического опроса
«Удовлетворены ли Вы общественным транспортом?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Среди русских доля полностью не удовлетворенных работой общественным транспортом была выше (12,3 %), чем полностью удовлетворенных (8,9 %). Но все же, доля скорее удовлетворенных, чем не удовлетворенных превышала последних на 10 %. Такой вариации противоположных мнений среди других этнических групп по

данному и по другим вариантам не прослеживается. Если 46,9 % русских заявляли о своем удовлетворении работой общественного транспорта, то 40,2 % выразили свою неудовлетворенность. О своих претензиях к работе общественного транспорта выразили свыше четверти башкир (28,6 %), немногим менее трети татар (31,7 %) и менее четверти респондентов «иных» национальностей (23,6 %).

Прошедшие годы рыночной экономики в определенной степени изменили как социально-профессиональный статус этнических групп, так и их отношение к работе и степень удовлетворенности ею. Этносоциологический опрос также показал некоторые взаимосвязи между занятостью в ряде отраслей экономики и социально-профессиональным статусом этнических групп. В свою очередь это отразилось на характере их удовлетворенности своей работой (см. рисунок 4.12). Представляя вышеотмеченное распределение этнических групп по отраслям экономики, в которых, например, башкиры, занимая более половины должностей руководителей органов местной власти и управления, в значительной степени были представлены среди мало- и неквалифицированных рабочих.

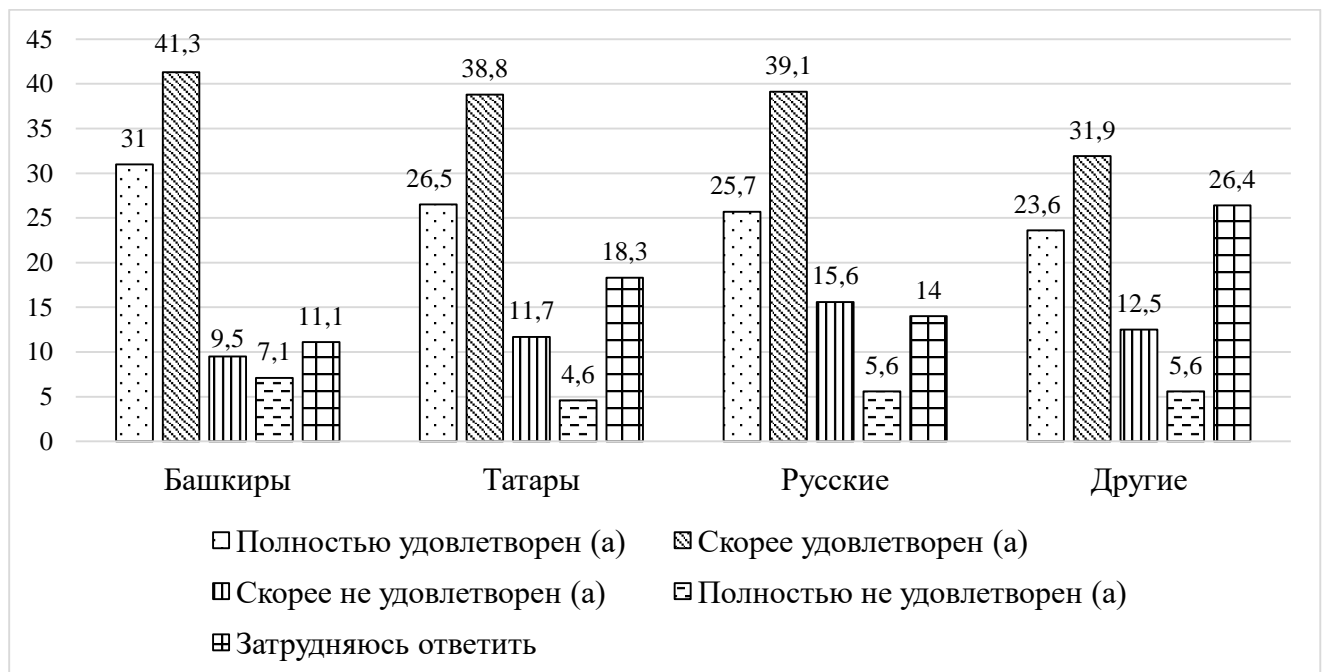

Рисунок 4.12 – Результаты этносоциологического опроса
«Удовлетворены ли Вы своей работой (учебой)?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Следует добавить, что в ходе исследования представители башкирского этноса в большей степени, чем другие этнические группы, выразили полное удовлетворение своей работой. С данным ответом согласились около трети башкир (31 %), немногим более четверти татар (26,5 %) и русских (25,7 %) и немногим менее этого представителей «иных» этносов региона (23,6 %). Также среди башкир, в отличие от остальных, была самая высокая оценка полностью не удовлетворенных своей работой (7,1 %), тогда как у татар она составляла 4,6 %, у русских и «иных» национальностей – по 5,6 % (см. рисунок 4.12).

Рассмотренные нами выше социально-профессиональный статус этнических групп, их занятие в прошлом и в настоящем, их вовлеченность в рыночную экономику позволили произвести определенную самооценку степени их удовлетворенности своим положением в обществе. Две трети опрошенных башкир, татар и русских выразили удовлетворение своим положением в обществе. Лишь немногим менее половины респондентов «иных» национальностей (44,5 %) согласились с их мнением. Они, как и русские, меньше всех отмечали, что полностью удовлетворены (16 %), тогда как данный показатель у башкир и татар составлял почти четверть опрошенных (см. рисунок 4.13).

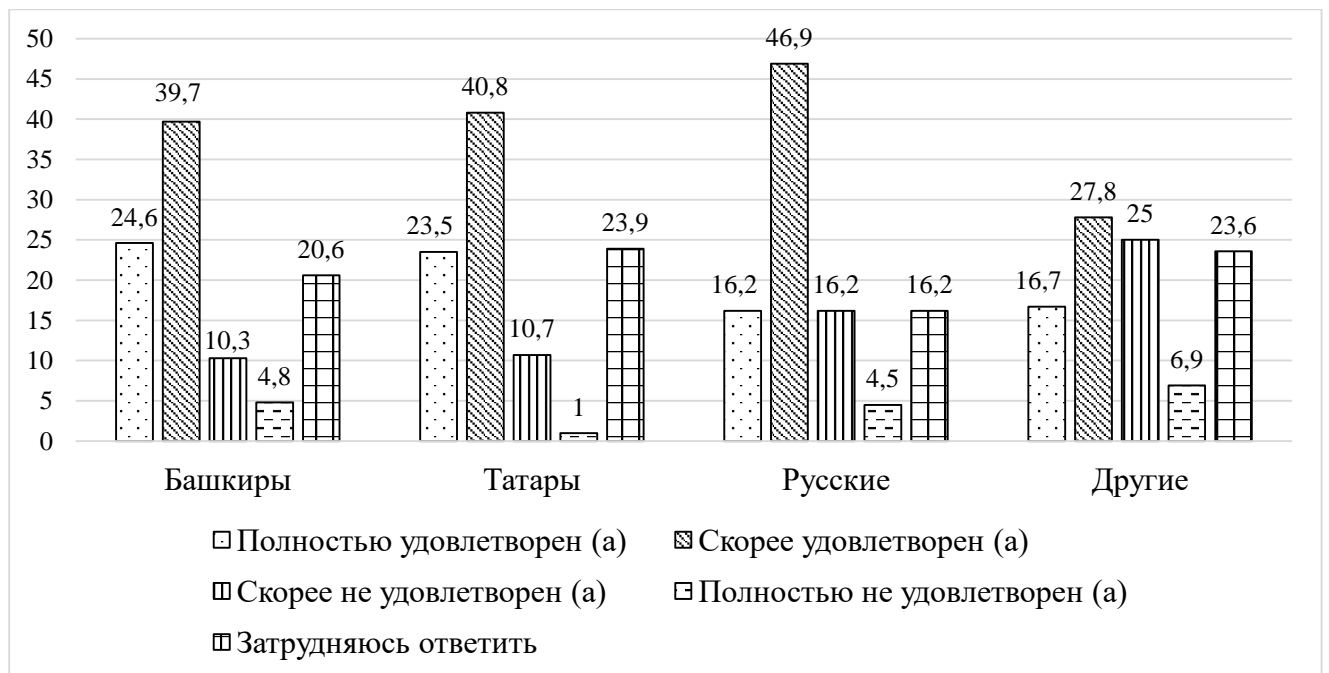

Рисунок 4.13 – Результаты этносоциологического опроса»

«Удовлетворены ли Вы своим положением в обществе?» *

*Рисунок составлена по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Русские и респонденты «иных» национальностей также больше, чем татары и башкиры выразили неудовлетворенность своим положением в обществе. Наибольшая неудовлетворенность была высказана респондентами «иных» национальностей почти на уровне одной трети опрошенных (31,9 %), тогда как данный показатель среди башкир был меньше в два раза, среди татар – в 2,7 раза. При этом лишь незначительная часть башкир (4,5 %), русских (5,4 %) и «иных» этнических групп (6,9 %) были полностью не удовлетворены своим социальным статусом в обществе. Татары во всех этих оценках занимали промежуточное положение, не выражая особую удовлетворенность или же недовольство (см. рисунок 4.13).

Ностальгируя о прошлой советской жизни около одной трети татар, немногим более этого башкир (36,5 %) и «иных» национальностей (37,5 %) отмечали уверенность в завтрашнем дне (см. таблица 4.5). Такой позиции больше симпатизировали русские, среди которых доля разделявших данное мнение составляла немногим более половины респондентов (47,5 %).

Таблица 4.5 – Результаты этносоциологического опроса

«Как Вы считаете, было ли что-то особенно привлекательным в «советской жизни» (можно выбрать несколько вариантов ответов)?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Уверенность в завтрашнем дне	36,5	32,7	47,5	37,5
Бесплатное образование	23	25,5	21,2	19,4
Бесплатное медицинское обслуживание	5,6	7,7	6,7	9,7
Бесплатное жилье	3,2	5,1	5	5,6
Отсутствие безработицы	6,3	6,6	2,2	4,2
Стабильные цены на продукты и товары	2,4	3,1	3,4	0
Дисциплина, порядок	3,2	2,6	1,1	4,2
Доброжелательные межнациональные отношения	2,4	0,5	0	1,4
Отсутствие расслоения	2,4	0	0	1,4

общества на богатых и бедных, людей первого и второго сорта				
Широкое распространение русского языка	0,8	2	5,1	4,2
Отсутствие вооруженных конфликтов, войн	0,8	0,5	0	0
Ничего привлекательного	13,5	14,3	11,2	16,7

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Практически все этнические группы были единодушны в том, что одним из достоинств советской системы было получение бесплатного образования. С одобрением существующего в советское время бесплатного образования высказались четверть татар (25,5 %), почти столько же башкир (23 %), а также на несколько процентов менее этого представителей русской (21,2 %) и «иных» национальностей (19,4 %). Практически все этнические группы региона единодушно пришли к мнению, что в наименьшей степени привлекательными в «советской жизни» являлись: бесплатное медицинское обслуживание (7,4 %), предоставление бесплатного жилья (4,7 %), отсутствие безработицы (4,8 %), стабильные цены на продукты и товары (2,9 %), а также существующая в то время дисциплина и порядок (2,8 %).

Небольшая группа респондентов в качестве одного из привлекательных моментов советского времени отмечала широкое распространение русского языка (см. таблица 4.5). В этом отношении наибольшие показатели были отмечены у русских (5,1 %) и респондентов «иных» национальностей (4,2 %).

Оценивая ряд положительных сторон из жизни прежней советской системы, указывая трудности рыночных отношений и сложность адаптации к новой политической, экономической и межнациональной ситуации в республике, в целом мнение этнических групп относительно желания жить в условиях прежнего Советского Союза полярно разделилось (см. рисунок 4.14). Как и предполагалось, более трети русских (43 %) и респондентов «иных» национальностей (41,7 %) изъявили желание жить в прежнем Советском Союзе. Их позицию разделила треть башкир (32,5 %) и немногим более этого татар (37,2 %).

Обратно пропорциональными были ответы этнических групп, которые не согласились жить в условиях прежнего государства. В частности, каждый второй из пяти башкир и татар не хотели жить в условиях прежнего Советского Союза. В свою очередь четверть опрошенных (25,1 %) затруднилась ответить на заданный вопрос. Суверенный курс республики, видимо, подтолкнул часть башкир и татар не согласиться с таким утверждением (см. рисунок 4.14).

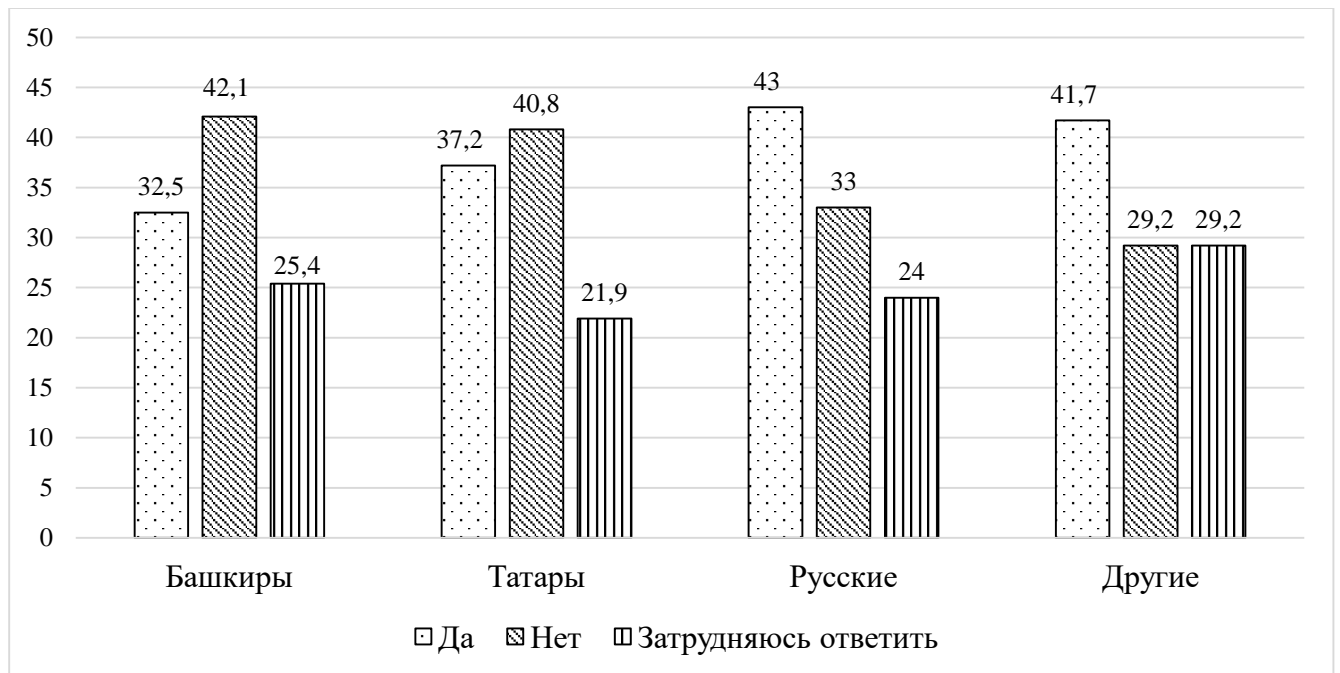

Рисунок 4.14 – Результаты этносоциологического опроса
«Хотели бы Вы жить в условиях прежнего Советского Союза?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Одним из показателей перспектив благополучия в условиях рыночной экономики выступает правильное распределение первоначального капитала для получения более выгодной прибыли. Данные опроса 2014 г. в Башкортостане показали, что менее четверти опрошенных лиц – башкирской (20,6 %), почти столько же – русской (19,4 %) национальности, отвечая на заданный вопрос, на первое место поставили вариант «купил бы квартиру или дом»¹⁷⁶. Если у такой же доли татар (21,1 %) на первом месте оказался маркер «отложил бы на черный день», то представители «иных» национальностей (20,6 %) предпочли «отдать в семейный бюджет».

¹⁷⁶ Этносоциологический опрос, январь 2014 г.

Позицию последних разделили 16,8 % башкир, 13,6 % русских и 11,5 % татар. Ответ «отложил бы на черный день» также получил высокую позицию у башкир (18,1 %), русских (17,1 %) и у респондентов «иных» национальностей (17,5 %). Одной из высоких оказалась позиция, согласно которой при наличии первоначального капитала 15,4 % татар и столько же русских (15,1 %) хотели бы организовать свое собственное дело. Их точку зрения разделил каждый десятый башкир и 7,9 % опрошенных респондентов «иных» национальностей. Весьма интересной представляется позиция русских и «иных» национальностей, которые, в отличие от башкир (5,2 %) и татар (6,6 %), появление «лишних денег» использовали бы для покупки собственного автомобиля. Такую точку зрения высказал каждый десятый русский (10,9 %) русских и немногим более этого (14,3 %) опрошенных лиц, представляющих «иные» национальности региона. Таким образом, представители указанных этнических групп пока еще не имели такое средство передвижения (или же такую роскошь) как автомобиль (см. таблица 4.6).

Таблица 4.6 – Результаты этносоциологического опроса

«Если бы у Вас появились «лишние» деньги, то на что бы их потратили?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские
Отложил бы на черный день	18,1	21,1	17,1
Купил бы собственный автомобиль	5,2	6,6	10,9
Купил бы золото, драгоценности	3,9	1,8	3,9
Потратил бы на свое культурное развитие (покупка книг, театр, туризм, путешествия)	7,7	5,3	3,1
Потратил бы на платное образование	5,2	4,4	2,3
Купил бы акции прибыльного предприятия	5,2	5,7	9,7
Отдал бы в семейный бюджет	16,8	11,5	13,6
Потратил бы на все, что придет в голову	4,5	1,8	1,2
Потратил бы на благотворительные цели	0,6	3,1	2,3
Организовал бы собственное дело	9,7	15,4	15,1
Купил бы квартиру или дом	20,6	19,8	19,4
Затрудняюсь ответить	2,6	3,5	1,6

*Таблица составлена по данным ЭСО (январь 2014 г.).

Для молодежи, как и для старшего поколения, важным является вложение «лишних денег» («первоначального капитала») в семейный бюджет (см. рисунок 4.18). Хотя этот вариант, соответственно, занимал у тех и у других разные строчки,

но в целом исследование показало, что для определенной части не только старшего возраста, но и для молодых нравственные принципы, семейные интересы, забота о близких представляет особую ценность. Старшее и среднее поколение, в отличие от молодежи, «первоначальный капитал» направило бы на организацию собственного дела (12 %), тогда как молодежь ориентирована, к примеру, на покупку акций прибыльного предприятия (7,6 %). Более скрупулезный анализ по данному вопросу показывает наличие существенных разногласий между «отцами» и «детьми». Более того, эти различия имеют место и в этническом разрезе (см. таблица 4.7).

Таблица 4.7 – Результаты этносоциологического опроса

«Если бы у Вас появились «лишние» деньги, то, на что бы их потратили?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские
Отложил бы на черный день	25,2	30,8	32,1
Купил бы собственный автомобиль	19,7	26,2	29,0
Купил бы золото, драгоценности	1,4	1,9	2,3
Потратил бы на свое культурное развитие (покупка книг, театр, туризм, путешествия)	15,6	8,9	10,9
Потратил бы на платное образование	6,1	4,7	1,4
Купил бы акции прибыльного предприятия	8,2	7,5	7,2
Отдал бы родителям (в семейный бюджет)	13,6	10,3	7,2
Потратил бы на все, что придет в голову	0,7	0,9	0,9
Потратил бы на благотворительные цели	0,7	0,5	2,7
Организовал бы собственное дело	2,0	0,9	1,8
Купил бы квартиру или дом	2,7	3,3	2,3
Затрудняюсь ответить	4,1	4,2	2,3

*Таблица составлена по данным опроса молодежи (февраль 2014 г.).

Например, у молодежи на второй позиции стоит покупка автомобиля, а у старшего и среднего поколения этот вариант стоит на пятом месте. При этом русские респонденты в два раза больше выразили свое желание приобрести автомобиль, чем башкиры (5,2 %) и татары (6,6 %). Высокая доля респондентов, желающих приобрести свой автомобиль, отмечена и среди русской молодежи (29 %), тогда как у представителей башкиркой – 19,7 %, а у татарской – 26,2 %. Иными словами, косвенно можно утверждать, что жизненный уровень русских, особенно молодежи, по сравнению с представителями других национальностей представляется наименее обеспеченным, так как они ориентированы на более дорогие покупки,

предназначенные для более длительного пользования, например, автомобиль, дом или квартира (см. таблица 4.8).

Таблица 4.8 – Результаты этносоциологического опроса

«Если бы у вас появились «лишние» деньги, то, на что бы их потратили?» *

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Отложил бы на черный день	20,6	18,4	16,8	16,7
Купил бы собственный автомобиль	9,5	6,1	7,8	13,9
Купил бы золото, драгоценности	2,4	5,6	3,4	1,4
Потратил бы на свое культурное развитие (покупка книг, театр, туризм, путешествия)	10,3	8,2	8,9	5,6
Потратил бы на платное образование (свое или детей)	4,0	5,1	6,7	2,8
Купил бы акции прибыльного предприятия	3,2	5,1	2,8	4,2
Отдал бы в семейный бюджет	15,9	14,8	17,3	18,1
Потратил бы на все, что придет в голову	6,3	2,0	3,9	0,0
Потратил бы на благотворительные цели	3,2	1,5	1,7	0,0
Организовал бы собственное дело	6,3	8,2	7,3	9,7
Купил бы квартиру или дом	12,7	19,9	16,8	15,3
Затрудняюсь ответить	5,6	3,6	3,9	12,5

*Таблица составлена по данным ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Таким образом, данные этносоциологических исследований, проведенных на территории Башкортостана в разные периоды, показывают, что социальное самочувствие и адаптация населения Башкортостана к новым условиям государственно-общественного устройства по большей части находится в зависимости от состояния этнополитической ситуации в регионе, уровня межнациональной толерантности, гармонии межэтнических и межконфессиональных отношений в республике, а также устойчивости материального положения.

Результаты опроса показали, что в степени удовлетворенности своим материальным положением этнические различия также имели место быть. Более половины опрошенных башкир (58,7 %) и татар (54,6 %) отметили, что они

удовлетворены своим материальным положением, тогда как более половины русских (54,3 %) и почти две трети респондентов других национальностей (61,1 %) придерживались противоположной точки зрения (см. рисунок 4.15).

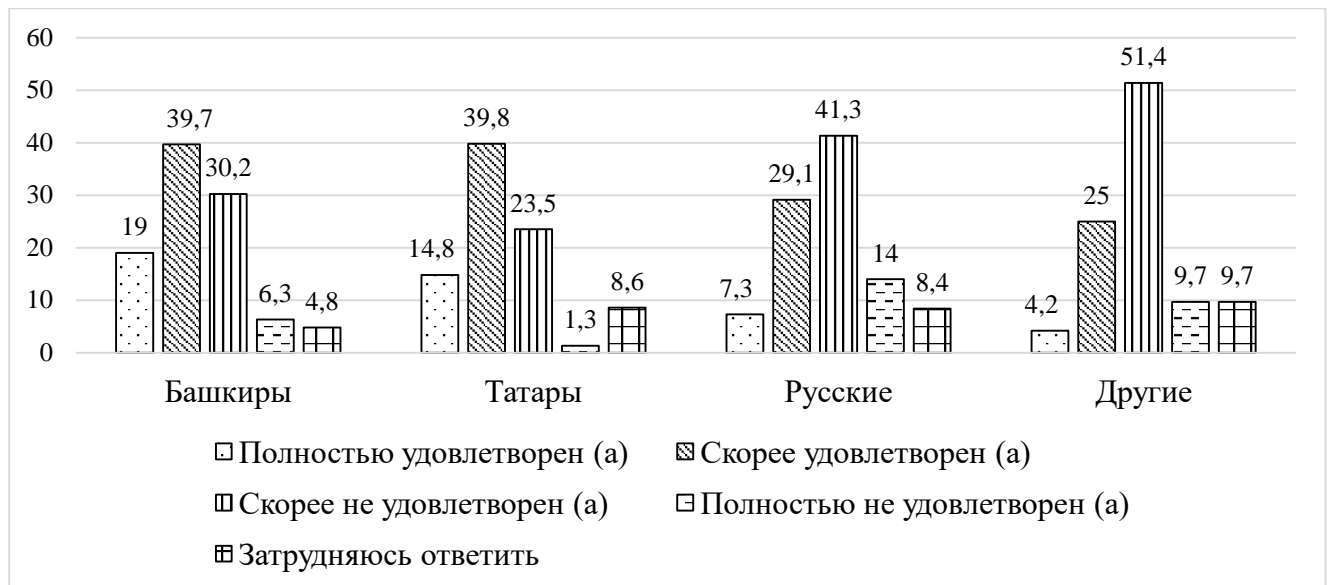

Рисунок 4.15 – Результаты этносоциологического опроса
«Удовлетворены ли Вы своим материальным положением?» *

*Рисунок составлен по материалам ЭСО (ноябрь 2018 г.).

Башкиры в большей степени, чем остальные респонденты, отмечали, что они полностью удовлетворены своим материальным положением. Данный показатель башкир превышал русских в 2,6 раза, респондентов «иных» национальностей – более чем в 4,5 раза. Башкиры (39,7 %) наряду с татарами (39,8 %), также отметили, что они скорее удовлетворены своим материальным положением. Данный показатель существенно превосходил аналогичное мнение русских (29,1 %) и «иных» национальностей (25 %) (см. рисунок 4.19).

Об удовлетворенности своим социально-экономическим положением заявили около четверти опрошенных, тогда как противоположного мнения придерживались более треть респондентов. Наибольшее недовольство (от половины до двух трети опрошенных) было отмечено в адрес медицинского обслуживания в республике. Более двух трети респондентов в целом выразили удовлетворение своим социально-профессиональным статусом в республике.

Таким образом, оценивая свой социально-профессиональный статус, башкиры и татары больше, чем русские и «иных» национальностей были удовлетворены своим положением в обществе, что, в свою очередь, выступает одним из индикаторов заметной этносоциальной дифференциации среди этнических групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За многие годы активного изучения этносоциальных процессов в отечественной исторической и социологической науке сложилась методология исследования этих процессов, включающая концептуальные подходы и методы их изучения в полиэтничных регионах Российской Федерации.

Однако в целом проблемы изменения социального статуса человека, социальной стратификации, социального самочувствия, а также неравенства этнических групп являются недостаточно изученными, что обуславливает актуальность и необходимость проведения специального исследования этносоциальных процессов в Республике Башкортостан.

Ценными источниками в исследовании этносоциальных процессов в Республике Башкортостан послужили документы, хранящиеся в отечественных архивах; нормативно-правовые законы и законодательные акты органов государственной власти; статистические документы и материалы переписей населения, а также материалы многочисленных этносоциологических исследований, проведенных в разные годы в рассматриваемом регионе.

Социальная структура населения в Башкортостане, как и в целом по России, носит на себе отпечаток советского прошлого. В советское время считалось о существовании двух неантагонистических между собой классов – рабочих, колхозного крестьянства и между ними прослойки служащих. Из них ни рабочие, ни тем более колхозники особого влияния на принятие решений и самостоятельности в труде не имели. Если рассмотреть данный процесс в этническом разрезе, то наибольшая доля в составе рабочего класса принадлежала русским, за ними шли татары, в меньшей степени башкиры.

В составе колхозного крестьянства высоким был удельный вес у марийцев, чувашей и башкир. Самая низкая доля в группе колхозников 5,7 % и 8,3 % была отмечена среди русских и украинцев, так как абсолютное большинство которых еще 1970-е годы было горожанами и трудилось в сфере промышленности и в других отраслях экономики, связанных с городской местностью.

Распад Советского Союза повлек за собой закрытие многих государственных предприятий в начале 1990-х гг., что привело к существенному сокращению доли занятых в промышленности. Удельный вес русских в промышленности по данным переписи 2002 г. сократился до 26 %, татар – до 19,2 %, башкир – до 13,4 %, чувашей – до 18,5 %, марийцев – до 14,1 %, при среднереспубликанском показателе – 20 %.

В 1989 г. по сравнению с предыдущей переписью (1979 г.) резко сократилась доля работников, занятых в сельском хозяйстве – с 24,4 % до 18,9 %. Наиболее существенное снижение наблюдалось среди титульной национальности – с 44,7 % до 30,8 %, т. е. в 1,4 раза. Тенденция и темпы сокращения занятых в сельском хозяйстве объясняется, прежде всего, с механизацией и внедрением интенсивных технологий в 1980-е годы в данную отрасль. С другой стороны, в постсоветский период в связи с прекращением дотаций в сельское хозяйство и роспуском колхозов и совхозов, общая доля занятых в данной отрасли сократилась до 13,1 %. Вместе с тем, доля русских, работающих в сельском хозяйстве по данным переписи 2002 г. составила 5,8 %, татар – 11,5 %, башкир – 22,1 %, марийцев – 25,8 % и чувашей – 24,7 %. Как видно, имеющие высокую долю представленность в сельском хозяйстве народы имеют также высокий удельный вес проживающих в сельской местности.

Особую строку в распределении населения по отраслям народного хозяйства занимало народное образование, в котором в 1979 г. работало 7,4 % от всех занятых. Существенную долю в этой сфере занимали башкиры, доля которых (8,2 %) была выше среднереспубликанского показателя (7,4 %). В последующий период, т. е. в 1989 г., представленность башкир в этой отрасли также сохранила первенство и составила 9,8 % при среднем показателе по республике – 8,4 %. К 2002 г. доля занятых в народном образовании существенно выросла и в среднем по республике составила почти 11%. Выше этого уровня были показатели только у башкир (13,7 %) и марийцев (11,6 %). Ближе к республиканскому уровню были показатели чувашей – 10,6 % и татар – 10,1 %. Доля русских составляла 9,6 %,

существенно уступая представителям других народов, проживающих в республике.

В 2002 г. из всех башкир в системе образования работали 13,7 %, а в целом из работающих в данной области в республиканском масштабе башкиры занимали более трети (34,4 %) работников. При этом в системе народного образования около 80 % работников составляли женщины.

В условиях рыночной экономики особо престижную отрасль для занятия бизнесом заняло сервисное обслуживание. В 2002 г. в этой сфере экономики работали 11,4 % человек из всего занятого населения республики. Наибольшую долю в этой отрасли составляли русские (12,9 %) и татары (12,5 %). Ниже среднего показатели составляли башкиры (8,9 %), чувашаи (7,7 %) и марийцы (6,7 %). Доля представителей «иных» национальностей была выше среднего по республике и составляла 14,3 %. Среди них значительную часть в автосервисах и торговле представляли выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа, которые традиционно занимались торговлей и сервисным обслуживанием.

Этносоциологический опрос 2018 г. также показал высокий уровень занятости в сфере обслуживания и родственных ей видов трудовой деятельности. Например, среди русских доля занятых в названной сфере составила 14,5 %, немного опережая башкир (12,7 %) и татар (11,2 %), но существенно уступая представителям «иных» этнических групп (23,6 %). Среди последних наиболее высокой была доля марийцев и чувашей, которая составила соответственно – 27,4 % и 20,5 %.

Одной из востребованных отраслей в народном хозяйстве выступает здравоохранение, в которой по данным переписи 1979 г. работало 4,4 % русских, 3,8 % татар и 3,2 % башкир. В 1989 г. наблюдалось увеличение общей доли работающих в данной сфере до 4,5 %. В ходе переписи населения 2002 г. в данную отрасль при подсчете включили сферу социального обеспечения и физкультуру. Видимо, поэтому общая доля занятых в данной отрасли повысилась до 6,9 % с общей численностью 115 852 чел. Из них теперь русские составили 6,3 %, уступая башкирам (7,6 %), татарам (7,7 %), марийцам (6,7 %) и чувашам (6,5 %).

По данным первой постсоветской переписи населения 2002 г. каждый второй из пяти башкир (41,2 %) занимал должность руководителя органов власти и управления, тогда как удельный вес русских составлял – 25,1 %, татар – 24,2 %, что в 1,7 раза ниже, чем у башкирского населения. Среди неквалифицированных рабочих (33 %), а также среди такой категории работников как операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин доля башкир была выше (28,3 %), чем у представителей других этнических групп, за исключением русских (34,9 %).

Несмотря на сохранившуюся значительной доли сельских жителей в республике, количество работающих в сфере сельского хозяйства резко сократилось. Это, прежде всего, было связано с банкротством многих колхозов и совхозов, а также неразвитостью фермерских частных хозяйств, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции. В этом отношении, немногим более 4 % респондентов отметили, что их род деятельности связан с сельским хозяйством. В ходе проведения этносоциологического опроса среди сельских жителей многие респонденты жаловались на отсутствие работы на селе. Поэтому молодежь уезжает в поисках работы в близлежащие города, или в столицу республики. Большое число молодежи также вынуждено работать вахтовым методом в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях, хотя постоянное их место жительства, а также место проживания их семей, в том числе детей дошкольного и школьного возрастов – это сельская местность региона.

Рыночные отношения особенно рельефно проявились в сфере торговли и общественного питания. Появились новые базы оптовой торговли, которые в свою очередь стали центрами по расширению и развитию торговой сети в целом по стране. Открытие новых торгово-развлекательных центров и сервисных комплексов требовало включения в эту сферу части людских резервов. Данная сфера с периода «дикого капитализма» прошла эволюцию совершенствования и приобрела в настоящее время новый облик торгово-экономических отношений. Несмотря на более чем 30-ти летнее формирование и развитие рыночной экономики, доля предпринимателей и коммерсантов в общей социально-профессиональной группе

была не значительной. Среди этой группы русские составили 4,5 %, татары – 4,6 %, башкиры – 1,6 % и представители «иных» национальностей – 1,4 %.

В начале 1990-х гг. общество неоднозначно воспринимало первые шаги рыночной экономики и порождение ее основных социальных классов. Если в 1990-е гг. или же в середине первого десятилетия XXI в. две трети населения в целом одобряя рыночные отношения, высказывалась за постепенный переход к нему, то в начале второго десятилетия XXI в. доля считающих переход к рынку единственным верным путем к развитию экономики существенно снизилась. Такую позицию разделила фактически треть респондентов «иных» национальностей (34,7 %) и менее этого башкиры (31,7 %). Среди опрошенных татар лишь немногим более четверти были уверены, что переход экономики на рыночные рельсы в свое время был самым верным решением. Но наименьшую позицию, по данному мнению, заняли русские, среди которых лишь каждый пятый (19,6 %) согласился поддержать такое решение.

В глубине народных масс все еще преобладало коллективистское начало. Значительная часть респондентов, особенно русской национальности (15,9 %), никак не хотела мириться приватизацией государственной собственности, когда созданные несколькими поколениями в стране заводы и фабрики уходили за бесценок с молотка на аукционах. Видимо, поэтому определенная часть опрошенных, независимо от этнической принадлежности, выступала, чтобы «замедлить приватизацию» (12,4 %), или же «остановить» ее (12,9 %), в лучшем случае «следует повернуть обратно» (13 %).

Основным источником дохода для большинства опрошенных респондентов оказался только зарплата по основному месту трудовой деятельности. Наиболее высокая доля в данной группе была характерна русским и татарам, у которых данный показатель соответственно составлял 43,6 % и 39,3 %. Отсутствие возможности иметь постоянную работу негативно отражается на общем социальном самочувствии жителей республики. В этом отношении порядка 5 % респондентов заявили, что они живут случайными заработками. Существенно высоким оказался удельный вес респондентов, которые живут за счет пенсии и помощи детей. Башкиры, татары, а также марийцы и чувашы, проживающие в

сельской местности, отмечали, что держат хозяйство или получают пособия на детей. Это связано с тем, что относительно высокий уровень рождаемости на селе отмечается у данных этнических групп (за исключением татар).

Несмотря на трудности рыночных отношений, как показывают данные этносоциологического опроса, одна треть татар (35,2 %), почти столько же башкир (31 %) и немногим менее половины респондентов «иных» национальностей (44,4 %) твердо заявили, что они полностью приспособились к рыночной экономике. Однако такой позиции придерживалась лишь четверть русских (26,3 %).

Несмотря на разброс позиций касательно развития рыночных отношений, по мнению каждого пятого татарина и почти четверти башкир, наиболее оптимальным вариантом для экономики республики была бы полная свобода бизнеса и низкие налоги. Но русские и респонденты «иных» национальностей такую позицию разделили не с особым энтузиазмом, соответственно 14,5 % и 9,7 %.

Оценивая современную ситуацию, как показал проведенный опрос среди населения республики, каждый второй респондент татарской и башкирской национальности с оптимизмом отметил, что все не так плохо, а скоро будет лучше. Такое мнение разделили лишь немногим более четверти русских и треть респондентов «иных» этнических групп. При этом немногим менее половины опрошенных, независимо от этнической принадлежности, высказали терпеливо оптимистическую оценку ситуации, отметив, что «жить трудно, но терпеть можно», тем самым соглашаясь с трудностями сегодняшнего положения в республике и показав, что они еще способны вынести те тяготы, которые выпали на их долю.

Результаты масштабных этносоциологических исследований показали, что большая часть населения региона смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом. В 2018 г. доля башкир и татар, выразивших такое мнение составляла соответственно 44,4 %, превысив показатель 2014 г. на два процентных пункта. А у русских, наоборот, показатели позитивного настроения на будущее упали на 5,3 %. Однако

для весьма значительной части, прежде всего русского (38,4 %), татарского (37 %), а также башкирского (30,3 %) этноса, было присуще мнение, что они смотрят в будущее спокойно, но без особых надежд и иллюзий.

Оценивая сложившуюся социальную ситуацию в республике, две трети русских (65,4 %) и более половины других этнических групп, одной из основных социальных проблем назвали невысокий уровень заработной платы, пенсий и пособий. На вторую позицию башкиры поставили рост безработицы (43,7 %), тогда как татары (45,2 %) и русские (38,2 %) рост преступности и коррупции.

Одним из способов улучшения социального самочувствия граждан в государстве на первое место все без исключения национальности выделили введение ограничения на доходы богатых. За такую меру высказалась одна треть русских, башкир, татар. На второй позиции у всех этнических групп, за исключением башкир, оказался вариант, согласно которому требовалось укрепление вертикали власти. Здесь мнения разделились еще острее, если каждый из пяти опрошенных респондентов русской (20,5 %) и татарской (22 %) больше требовали укрепления вертикали власти, то лишь шестая часть башкир разделяла данное мнение (17,4 %).

Оценивая сложившуюся социальную ситуацию в республике, две трети русских (65,4 %) и более половины других этнических групп, к одной из основных социальных проблем отнесли невысокий уровень заработной платы, пенсий и пособий. Наряду с теми, кто имел достаточное количество получаемых средств для поддержания необходимого жизненного уровня, башкиры больше всех отмечали, что денег у них хватает только на питание (9,5 %), они также больше, чем остальные, сетовали, что денег не хватает на самое необходимое, в том числе и на питание (11,9 %). Тогда как данный показатель у татар составлял 6,6 %, у русских – 3,9 % и «иных» национальностей – 4,2 %.

Рассмотренный нами социально-профессиональный статус этнических групп, их трудовая занятость в прошлом и в настоящем, их вовлеченность в рыночную экономику позволили произвести определенную самооценку удовлетворенности своим положением в обществе. Две трети опрошенных респондентов башкир, татар и русских выразили удовлетворение своим положением в обществе. Лишь немногим

менее половины «иных» национальностей (44,5 %) согласились с их мнением. Они, как и русские, меньше всех отмечали, что полностью удовлетворены (16 %), тогда как данный показатель у башкир и татар составлял почти четверть опрошенных. Русские и респонденты «иных» национальностей также больше, чем татары и башкиры выразили неудовлетворение своим положением в обществе. Это в свою очередь является одним из показателей существующей этносоциальной дифференциации уже между этническими группами. В целом можно констатировать, что в республике имеется существенная этносоциальная дифференциация между этническими группами с одной стороны, и весьма вариативная дифференциация внутри самих этнических групп. Особенно рельефно она вырисовывается среди титульной и русской этнических групп.

Таким образом, данные этносоциологических исследований, проведенных на территории Башкортостана в разные периоды, показывают, что социальное самочувствие и адаптация населения Башкортостана к новым условиям государственно-общественного устройства по большей части находятся в зависимости от состояния этнополитической ситуации в регионе, уровня межнациональной толерантности, гармонии в межэтнических и межконфессиональных отношений в республике, а также устойчивости материального положения в условиях функционирования рыночной экономики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
Башкортостанстат – Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан
ВПН – Всероссийская перепись населения
ГАЗ – «Горьковский автомобильный завод»
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
ЛПХ – личное подсобное хозяйство
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
Обком – областной комитет
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
ПАЗ – «Павловский автобусный завод»
ПТУ – профессионально-техническое училище
ПФО – Приволжский федеральный округ
РБ – Республика Башкортостан
Росстат – Федеральная служба государственной статистики
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Россия – Российская Федерация
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
Статсборник – статистический сборник
ФОМ – Фонд «Общественное мнение»
ФоРГО – Фонд развития гражданского общества
ЭСО – этносоциологический опрос

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ)

1. Ф. 122. Башкирский обком КПСС. – Оп. 230. – Д. 57, Д. 102, Д. 105; Оп. 221. – Д. 5, Д. 14, Д. 167; Оп. 224. – Д. 3, Д. 13, Д. 21; Оп. 230. – Д. 102, 121; – Оп. 227. Д. 95, Д. 98.

2. Ф. Р-933. Совет Министров БАССР. – Оп. 9. – Д. 2215, Д. 2229;

3. Ф. Р-394. Президиум Верховного Совета БАССР. – Оп. 6. – Д. 579, Д. 602, Д. 611, Д. 614, Д. 623, Д. 631.

Архив Министерства образования Республики Башкортостан

4. Ф. 798. Отдел статистики. – Оп. 9. – Д. 4883, Д. 5872, Д. 6208, Д. 6350, Д. 6354, Д. 6358, Д. 7688.

5. Ф. 798. Отдел правового обеспечения и делопроизводства. – Оп. 9. – Д. 7646, Д. 7725, Д. 7727.

Архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

6. Ф. Р-472. Материалы Всесоюзной переписи населения 1979 г. Отдел демографической статистики и переписи населения. – Оп. 19. – Д. 10-09.

7. Ф. Р-472. Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. Отдел демографической статистики и переписи населения. – Оп. 19. – Д. 9С, Д. 10С;

8. Ф. Р-472. Материалы переписи населения 2002 г. Отдел демографической статистики и переписи населения. – Оп. 14. – Д. 12, Д. 13, Д. 14.

9. Ф. Р-472. Отдел социальной статистики. – Оп. 11. – Д. № 20-40.

10. Ф. Р-472. Отдел статистики населения и здравоохранения. Оп. 11. Д. 10-1/П.

Текущий архив отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

11. Губогло, М. Н. «Урегулирование и предотвращение межэтнических конфликтов» / М. Н. Губогло, Ф. Г. Сафин. Экспертный опрос в Республике Башкортостан, май 1996 г.

12. Губогло, М. Н. «Язык, национальность и бывший Советский Союз». Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан, апрель 1993 г.

13. Камалетдинов, Д. А. Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие малочисленных этнических групп (марийцы, удмурты, чуваша) / Д. А. Камалетдинов, А. И. Халиулина. Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан, апрель 2021 г.

14. Сафин, Ф. Г. «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России». Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан, август 1995 г.

15. Сафин, Ф. Г. «Этнополитические представления молодежи: формирование и функционирование». Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан (г. Уфа), март 1997 г.

16. Фатхутдинова, А. И. «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность». Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан, январь 2014 г.

17. Фатхутдинова, А. И. «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде». Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан, февраль 2014 г.

18. Халиулина, А. И. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (Республика Башкортостан, ноябрь 2018 г.).

19. Халиулина, А. И. Этносоциологический опрос по проекту «Современные этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия» (Республика Башкортостан, ноябрь 2018 г.).

Материалы социологических исследований

20. Фонд развития гражданского общества при содействии и на основе данных Фонда «Общественное мнение». Рейтинг социального самочувствия регионов России. Первый выпуск, август 2013 г. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/27> (дата обращения: 25.04.2021).

21. Фонд развития гражданского общества при содействии и на основе данных Фонда «Общественное мнение». Рейтинг социального самочувствия регионов России. Первый выпуск, декабрь 2013 г. – URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (дата обращения: 25.04.2021)

22. Фонд развития гражданского общества при содействии и на основе данных Фонда «Общественное мнение»; Рейтинг социального самочувствия регионов России. Первый выпуск, июнь 2014 г. – URL: <http://civilfund.ru/mat/63> (дата обращения: 25.04.2021).

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Законодательные акты

23. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 04.07.2020. – № 0001202007040001.

24. Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О личном подсобном хозяйстве» // Собрание законодательства РФ. – 14.07.2003. – № 28. – Ст. 2881.

25. Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 (ред. от 28.02.1992) «О мерах по либерализации цен» // Ведомости СНК РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 26.12.1991. – № 52. – Ст. 1878.

26. Указ Президента РФ от 29.01.1992 № 65 (ред. от 16.05.1997) «О свободе торговли» // Ведомости СНК РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 06.02.1992. – № 6. – Ст. 290.

27. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2012. – № 52. – Ст. 7477.

28. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. – 24.11.2008. – № 47. – Ст. 5489.

29. Декларация о государственном суверенитете БАССР (принята Верховным Советом Башкирской ССР 11 октября 1990 г.) // Законы Башкирской ССР. – 1992. – Выпуск I. – С. 16.

1.2.2. Статистические сборники

30. Башкиры в начале XXI века: стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2008. – 194 с.

31. Башкиры и Башкортостан, XX век: Этностатистика / Авт. сост. Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа: Б. и., 1995. – 104 с.

32. Домохозяйства Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Статистический сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2006. – 208 с.

33. Народы Башкортостана в переписях населения: стат. сб. В 2-х ч. Ч. 2. – Уфа, Башкортостанстат, 2005. – 341 с.

34. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 1. – Уфа: Башкортостанстат, 2013. – 193 с.

35. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 2. – Уфа: Башкортостанстат, 2013. – 189 с.

36. Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. – Уфа: ЦСУ РСФСР, Статистическое управление Башкирской АССР, 1981. – 190 с.

37. Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб.. – Уфа: Госкомстат РСФСР, Башкирское республиканское управление статистики, 1990. – 104 с.

38. Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года): статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – Уфа: Башкортостанстат, 2006. – 198 с.

39. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – Уфа: Башкортостанстат, 2012. – 58 с.

40. Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – Уфа, 1991. – 131 с.

41. Распределение населения Башкирской АССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): стат. сб. – Уфа: ЦСУ РСФСР, Статистическое управление БАССР 1981. – 146 с.

42. Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. – Уфа: ЦСУ РСФСР, Статистическое управление БАССР, 1991. – 169 с.

43. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2021. – 766 с.

44. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М.: Госкомстат России, 2002. – 863 с.
45. Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2018. – 1162 с.
46. Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2021. – 1112 с.
47. Уровень образования населения БАССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: стат. сб. – Уфа: ЦСУ РСФСР, Статистическое управление Башкирской АССР, 1990. – 233 с.
48. Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана на рубеже XX – XXI вв. / Под ред. Ф. Г. Сафина. – Уфа: ИП Галиуллин Д. А., 2014. – 155 с.
49. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Т. 3. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах / Сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 361 с.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей

50. Абашин, С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности / С. Н. Абашин. – СПб.: Алетейя, 2007. – 304 с.
51. Абашин, С. Н. Статистика как инструмент этнографического исследования (узбекская семья в XX в.) / С. Н. Абашин // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
52. Абдрахимов, Э. Ф. Этническая представленность в органах государственной власти как индикатор престижности этноса / Э. Ф. Абдрахимов, И. Ф. Юсупов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4 (249). С. 145–150.

53. Абдулатипов, Р. Г. Обустройство российской нации как национальная идея России в XXI веке / Р. Г. Абдулатипов // Вестник Российской нации. – 2008. – № 2 (2). – 168–173
54. Абдулатипов, Р. Г. Человек, нация, общество / Р. Г. Абдулатипов. – М.: Политиздат, 1991. – 224 с.
55. Абрамова, С. Р. Социальная адаптация и жизненный уровень русской молодежи в условиях рыночной экономики в многонациональной республике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) / С. Р. Абрамова, А. И. Халиуллина, И. В. Кучумов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 8 (135). – С. 357–358.
56. Абрамова, С. Р. Этносоциальное развитие русских в полиэтничной городской среде (на примере городов Башкортостана) / С. Р. Абрамова, С. С. Алексеенко, И. В. Кучумов // X Конгресс этнологов и антропологов России: тезисы докладов. Москва, 2-5 июля 2013 г. / Редкол.: М. Ю. Мартынова и др. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 11.
57. Аитов, Н. А. Социальная структура населения стран СНГ / Н. А. Аитов. – Уфа: Изд. Башкирск. ун-та, 1995. – 184 с.
58. Алексеенко, С. С. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) / С. С. Алексеенко, С. Р. Абрамова, Ф. Г. Сафин. – Уфа: Первая типография, 2018. – 187 с.
59. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
60. Арутюнов, С. А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне / С. А. Арутюнов. – М.: Инфра-М, 2012. – 416 с.
61. Арутюнян, Ю. В. Постсоветские нации / Ю. В. Арутюнян. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 207 с.
62. Арутюнян, Ю. В. Этносоциологические исследования в СССР / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 1981. – № 1. – С. 60–77.

63. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 272 с.
64. Беляева, Л. А. Социальная модернизация в России в конце XX века / Л. А. Беляева. – М.: ИФ РАН, 1997. – 173 с.
65. Беляева, Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития / Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2001. – 183 с.
66. Беляева, Л. А. Трансформация социальной структуры российского общества / Динамика ценностей населения трансформируемой России / Отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: УРПС, 1996. – С. 81–131.
67. Бойко, В. И. Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура / В. И. Бойко. – М: Наука, 1973. – 209 с.
68. Бойко, И. И. Социокультурное развитие чувашской республики на фоне модернизационных процессов в регионе / И. И. Бойко, В. Т. Тарасов, В. Г. Харитонова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 59–64.
69. Бойко, И. И. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / И. И. Бойко, В. Г. Харитонова. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуман. наук, 2014. – 124 с.
70. Бромлей, Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – 207 с.
71. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
72. Бромлей, Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 333 с.
73. Валиахметов, Р. М. Адаптивность этносов к рыночной экономике в современных условиях / Р. М. Валиахметов // Ватандаш. – 2005. – № 2. – С. 35–39.
74. Валиахметов, Р. М. Социально-экономическое положение и самочувствие населения Республики Башкортостан в условиях экономической нестабильности / Р. М. Валиахметов, Г. Р. Баймурзина, С. Х. Кадыров, Д. Г.

Ягафарова // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 3 (201). – С. 120–136.

75. Валиахметов, Р. М. Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан / Р. М. Валиахметов, Г. Р. Баймурзина, М. С. Туракаев, А. Д.-Б Самба // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 4. – С. 206–222.

76. Вебер, М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

77. Вильданов, Х. С. Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 1) / Х. С. Вильданов, Г. Т. Галиев // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (100). – С. 355–357.

78. Вильданов, Х. С. Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 2) / Х. С. Вильданов, Г. Т. Галиев // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 10 (101). – С. 367–369.

79. Воронцов, В. С. Этносоциальные и демографические процессы в Удмуртии: опыт локально-исторического исследования / В. С. Воронцов, И. Л. Поздеев, Д. А. Черниенко // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 149–162.

80. Габдрахманова, Г. Ф. Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар / Г. Ф. Габдрахманова // ЭКО. – 2021. – № 2 (560). – С. 85–103.

81. Габдрахманова, Г. Ф. Этнокультурные ресурсы экономического развития / Г. Ф. Габдрахманова. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 370 с.

82. Галлямов, Р. Р. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития / Р. Р. Галлямов Л. Ф. Зайнетдинова. – Уфа: ООО Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2004. – 150 с.

83. Галлямов, Р. Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа: Гилем, 1996. – 200 с.

84. Гарибян, К. Д. Социокультурные факторы адаптации армянских мигрантов в Москве / К. Д. Гарибян // Модернизация экономики и глобализация. В 3 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – С. 334–344.
85. Гиденс, Э. Стратификация и классовая структура / Э. Гиденс // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 112–123.
86. Гиденс, Э. Стратификация и классовая структура / Э. Гиденс // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 107–120.
87. Голенкова, З. Т. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3 (03). – С. 5–15.
88. Голенкова, З. Т. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Наёмный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2015. – С. 121–138.
89. Голенкова, З. Т. Социальная структура общества и социальная стратификация / З. Т. Голенкова. – Москва: Гуманитарий, 2011. – 47 с.
90. Гордон, Л. А. Потери и обретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. В 2-х т. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М., Эдиториал УРСС, 2001. – 512 с.
91. Горшков, М. К. Российское общество в условиях трансформации. Мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 / М. К. Горшков. – М.: РОССПЭН, 2003. – 512 с.
92. Губогло, М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М. Н. Губогло. – М.: Наука, 2003. – 763 с.
93. Губогло, М. Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России / М. Н. Губогло // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 110–124.

94. Губогло, М. Н. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века / М. Н. Губогло, С. К. Смирнова. – М.: ИЭА РАН, 2001. – 496 с.
95. Губогло, М. Н. Антропология повседневности / М. Н. Губогло. – М.: Языки славянских культур, 2013. – 783 с.
96. Дробижеева, Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований / Л. М. Дробижеева // Социологический журнал. – 2006. – № 3-4. – С. 89–101.
97. Дробижеева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижеева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
98. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примеч. В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
99. Заславская, Т. И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / Т. И. Заславская. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 298 с.;
100. Заславская, Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 398 с.
101. Заславская, Т. И. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений / Т. И. Заславская, В. А. Ядов // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.
102. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – 568 с.
103. Зеленева, Г. С. Гендерные аспекты в современных социологических исследованиях (на примере Республики Марий Эл) / Г. С. Зеленева // Инновационные технологии управления и права. – 2013. – № 1–2 (5). – С. 119–124.
104. Зудин А. Ю. Культура советского общества: логика политической трансформации / А. Ю. Зудин // Общественные науки и современность. – 1999. – № 3. – С. 59–72.

105. Зудин, А. Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита / А. Ю. Зудин // Мир России. Социология. Этнология. – 2002. – Т. 11. – № 3. – С. 122–158.
106. Зудин, А. Ю. Истоки перемен: культурная трансформация «позднесоветского общества» / А. Ю. Зудин // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 4. – С. 60–67.
107. Иванов, В. Н. Реформы и будущее России / В. Н. Иванов // Социологические исследования. – 1996. – № 3. – С. 21–27.
108. Иванов, В. П. Страницы истории этносоциологических исследований в Чувашии / В. П. Иванов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 77–84.
109. Иванов, В. П. Этносоциологические исследования в чувашской республике: вехи пройденного пути / В. П. Иванов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007. – № 1. – С. 61–69.
110. Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии / под ред. В. К. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1976. – 111 с.
111. Ильин, И. В. Социальное неравенство = Social inequality / И. В. Ильин. – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 280 с.
112. Ильин, И. Е. Современное российское село: реформы и повседневность / И. Е. Ильин. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуман. наук, 2014. – 270 с.
113. Ильин, И. Е. Современные этносоциальные процессы в Чувашской Республике / И. Е. Ильин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2012. – № 2-2 (74). – С. 47–53.
114. Ильин, И. Е. Социальный портрет сельской Чувашии рубежа XX–XXI веков / И. Е. Ильин // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 46–54.
115. Иноземцев, В. Л. К проблеме трансформации мирового порядка в XXI веке / В. Л. Иноземцев, Е. С. Кузнецов // Философские исследования. – 2001. – № 3. – С. 5–24.

116. Иноземцев, В. Л. Прошлое, настоящее и будущее классового общества / В. Л. Иноземцев // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2000. – № 5. – С. 47–60.

117. Рыжова, С. В. Культурные границы в формировании этнической идентичности / С. В. Рыжова // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М.: Наука, 2011. С. 40–65.

118. Ирназаров, Р. И. К вопросу о дифференциации этносов в Башкортостане / Р. И. Ирназаров // Социологические исследования. – 2015. – № 8 (376). – С. 56–60.

119. Ирназаров, Р. И. Равенство этносов в Республике Башкортостан / Р. И. Ирназаров. – Уфа: Гилем, 1997. – 160 с.

120. Камалетдинов, Д. А. Адаптационный потенциал татар Башкортостана к условиям рыночной экономики / Д. А. Камалетдинов, Р. Р. Фаттахова // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XV Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. ред. Э. В. Камалеев. – Уфа: Первая типография ООО, 2021. – С. 33–36

121. Камалетдинов, Д. А. Изменение социально-профессионального состава населения Башкортостана в 1979 – 2010 гг. / Д. А. Камалетдинов // Исторический бюллетень. – 2022. – Т. 5. – № 4. – С. 153–157;

122. Камалетдинов, Д. А. Социальное самочувствие этнических групп Башкортостана в новых экономических условиях / Д. А. Камалетдинов // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Томск, 6 – 9 июля 2021 г.) / отв. ред. И. В. Нам. – М., Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. – С. 266.

123. Камалетдинов, Д. А. Социально-экономическое положение этнических групп в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических исследований в Башкортостане) / Д. А. Камалетдинов, Ф. Г. Сафин // Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 2022. – С. 171–181.

124. Камалетдинов, Д. А. Трансформация этносоциальной структуры населения в полиэтничном Башкортостане в условиях рыночной экономики (1979-2010 гг.) / Д. А. Камалетдинов, М. Н. Ишемгулов, Ф. Р. Кульшарипов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 8. – С. 1297–1306.

125. Камалетдинов, Д. А. Этносоциальные проблемы и их отражение в отечественной историографии / Д. А. Камалетдинов // Этноссы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XIII Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. ред. Э. В. Камалеев. – Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2019. – С. 37–39.

126. Камалетдинов, Д. А., Горбачев М. А. Русские Башкортостана: жизненный уровень и социальное самочувствие / Д. А. Камалетдинов, М. А. Горбачев // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2021. – Т. 41. – № 4. – С. 17–23.

127. Касперович, Г. И. Миграция сельского населения в города и этнические процессы / Г. И. Касперович. – Минск: Наука и техника, 1975. – 149 с.

128. Кодин, М. И. Россия в «сумерках» трансформаций. Эволюция, революция или контрреволюция? В 2-х ч. Ч. 2. Политика. Идеология. Нравственность / М. И. Кодин. – М.: Мол. гвардия, 2001. – 287 с.

129. Комарова, Г. А. Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этносоциологии и этнографии / Г. А. Комарова. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 207 с.

130. Жвйтиашвили, А. Ш. Рабочий класс в классовых схемах западной социологии / А. Ш. Жвйтиашвили // Социологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 5–20.

131. Комарова, Г. А. Сила антропологического подхода / Г. А. Комарова // Антропологический форум. – 2012. – № 17. – С. 267–302.

132. Кузеев, Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю / Р. Г. Кузеев. – М.: Наука, 1992. – 347 с.

133. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. – М.: Наука, 1974. – 572 с.
134. Культурные трансформации в современной России (социально-философский анализ) / Отв. ред. С. А. Никольский. – М.: ИФ РАН, 2009. – 159 с.
135. Лапин, Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – Т. 9. – № 3. – С. 3–47.
136. Лапин, Н. И. Пути России: социокультурные трансформации / Н.И. Лапин. – М.: ИФ РАН, 2001. – 194 с.
137. Лапин, Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 14–24.
138. Локосов, В. В. Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах / В. В. Локосов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 552 с.
139. Манаков, А. Г. Основные тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве / А. Г. Манаков, Н. В. Данилкина // Псковский регионологический журнал. – 2021. – № 1 (45). – С. 21–36.
140. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 361 с.
141. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
142. Минеева, Е. К. Межэтническое взаимодействие в современной Чувашии (по материалам экспертного опроса) / Е. К. Минеева, А. И. Минеев // Исторический бюллетень. – 2022. – Т. 5. – № 6. – С. 120–123.
143. Минеева, Е. К. Межэтническое взаимодействие в чувашской республике на современном этапе: социологический опрос / Е. К. Минеева, А. И. Минеев // Studia Humanitatis. – 2018. – № 3. – С. 13–21;

144. Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. – М.: Ин-т социологии РАН, 2008. – 287 с.
145. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
146. Никитина, Г. А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков: ресурсы и опыт адаптации / Г. А. Никитина. – Ижевск: Институт компьютерных технологий, 2015. – 318 с.
147. Черныш, М. Ф. Социальная мобильность в 1986 – 1993 годах / М. Ф. Черныш // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 130–133.
148. Никонова, Л. И. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры) / Л. И. Никонова, А. Ф. Мельник. – Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2007. – 175 с.
149. Нова ли новая Россия: монография / Под ред. О. И. Шкаратана, Г. А. Ястребова. – М.: Университетская книга, 2016. – 400 с.
150. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н. Е. Тихоновой. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2022. – 424 с.
151. Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР) / Ю. В. Арутюнян [отв. ред.], Л. М. Дробижева, В. С. Зеленчук. – М.: Наука, 1980. – 270 с.
152. Орлова, О. В. Миграционные процессы в республике Марий Эл на рубеже XX–XXI веков / О. В. Орлова // Запад – Восток. – 2012. – № 4–5. – С. 75–80.
153. Осипов, Г. В. Социология трансформаций России в меняющемся мире / Г. В. Осипов, В. И. Жуков, В. В. Локосов. – М.: ИСПИ РАН, 2005. – 372 с.
154. Остапенко, Л. В. Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.) / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина / Исследования по прикладной и неотложной этнология. – Вып. 240. – М.: ИЭА РАН, 2014. – 46 с.

155. Остапенко, Л. В. Провинциальный русский город в начале XXI века / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 290 с.
156. Остапенко, Л. В. Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации / Л. В. Остапенко, Р. А. Старченко, И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 300 с.
157. Остапенко, Л. В. Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики). Полевая этностатистика / Л. В. Остапенко, Р. А. Старченко, И. А. Субботина – М.: ИЭА РАН, 2018. – 184 с.
158. Остапенко, Л. В. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя (этносоциологическое исследование) / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина, С. Л. Нестерова. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 403 с.
159. Остапенко, Л. В. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 1998. – 229 с.
160. Остапенко, Л. В. Русские в Молдавии: миграция или интеграция? / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 229 с.
161. Остапенко, Л. В. Русские в Молдавии: потенциальные мигранты и стабильные жители / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Отв. ред. В. А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 183–200.
162. Остапенко, Л. В. Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 38 с.
163. Остапенко, Л. В. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина // Социологические исследования. – 2011. – № 5 (325). – С. 61–71.
164. Аккиева, С. И. Социокультурные трансформации депортированных народов Северного Кавказа в 1940 – 1990-е годы / С. И. Аккиева. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 128 с.
165. Остапенко, Л. В. Русские Молдавии: этнодемографические трансформации / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 5. – С. 91–108.

166. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс / Пер. с англ. Л.А. Седова и А. Д. Ковалева, под. ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
167. Радаев, В. В. Социальная стратификация: Учебное пособие для высших учебных заведений / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М.: Наука, 1995. – 240 с.
168. Райт, Э. Классовая структура американского общества / Э. Райт, С. Костелло, Д. Хейчен, Дж. Спрейг // Социологические исследования. – 1984. – № 1. – С. 152–163.
169. Российские армяне. Этносоциологическое исследование. – Ереван: Изд-во «Гитутюн», 2016. – 306 с.
170. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Отв. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. – М.: Наука, 2004. – 259 с.
171. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. – М.: Изд-во «Канон-пресс-Ц», 2001. – 640 с.
172. Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах / Отв. ред. С. С. Савоскул. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 199 с.
173. Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки / Отв. ред. А. И. Гинзбург. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 155 с.
174. Русские в новом Зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / Отв. ред. С. С. Савоскул. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 363 с.
175. Русские в новом зарубежье: программа этносоциологических исследований / Отв. ред. С. С. Савоскул. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 139 с.
176. Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк / Отв. ред. А. И. Гинзбург. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 101 с.
177. Русские: этносоциологические очерки / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. – М.: Наука, 1992. – 461 с.
178. Руткевич, М. Н. Социальная структура / М. Н. Руткевич. – М.: Альфа-М, 2004. – 272 с.

179. Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. – М.: Наука, 2011. – 190 с.

180. Сабирова Е. Н. Евреи Башкортостана: эволюция этнодисперсной группы в многонациональном российском регионе / Е. Н. Сабирова, Ф. Г. Сафин. – Уфа: Первая типография, 2021. – 158 с.

181. Сабирова, Е. Н. Этносоциальные аспекты развития еврейского народа в Башкортостане / Е. Н. Сабирова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2019. – Т. 9. – № 8 (53). – С. 1240–1247.

182. Савоскул С. С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы / С. С. Савоскул. – М., 2001. – 437 с.

183. Сафин, Ф. Г. Динамика этносоциальной структуры и социального самочувствия населения в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан) / Ф. Г. Сафин, А. И. Халиуллина, С. С. Алексеенко // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 438–449.

184. Сафин, Ф. Г. Особенности постперестроечной трансформации этносоциальной структуры и занятости населения в Республике Башкортостан / Ф. Г. Сафин, Г. Р. Баймухаметова // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2010. – № 3 (7). – С. 103–116.

185. Сафин, Ф. Г. Социальная стратификация населения в полиэтничном регионе (на примере Республике Башкортостан) / Ф. Г. Сафин, С. Р. Абрамова, Л. Ф. Муслимова, И. Р. Абрамов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 433–434.

186. Сафин, Ф. Г. Социальное настроение и адаптации этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) / Ф. Г. Сафин, М. Н. Ишемгулов, Д. А. Камалетдинов // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2021. – № 4 (53). – С. 133–139.

187. Сафин, Ф. Г. Социальное самочувствие населения Башкортостана после крымских событий / Ф. Г. Сафин, М. Н. Ишемгулов, Д. А. Камалетдинов,

Ф. Ф. Сафин // Экономика и управление: научно-практический журнал – 2020. – № 1. – С. 101–108.

188. Сафин, Ф. Г. Социальные установки этнических групп в многонациональном регионе (на примере Республики Башкортостан) / Ф. Г. Сафин, М. Н. Ишемгулов, Д. А. Камалетдинов, Ф. Ф. Сафин // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему. Сб. ст. к юбилею Н. А. Дубовой. – М.: Старый сад, 2020. – С. 201–214.

189. Сафин, Ф. Г. Трансформация этносоциальной структуры в полиэтничном российском регионе: теоретические подходы и тенденции развития / Ф. Г. Сафин, Д. А. Камалетдинов. – Уфа: Первая типография. 2022. – 108 с.

190. Сафин, Ф. Г. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов) / Ф. Г. Сафин, М. Н. Ишемгулов, Ф. Р. Кульшарипов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2021. – № 4 (53). – С. 20–27.

191. Сафин, Ф. Г. Чуваши Башкортостана: этносоциологические очерки / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиуллина. – Уфа: Изд-во «Диалог», 2020. – 126 с.

192. Сафин, Ф. Г. Экономические основы социального самочувствия этнических групп в многонациональном Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) / Ф. Г. Сафин, Д. А. Камалетдинов, Ф. Р. Кульшарипов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. № 4. – С. 1297–1306.

193. Сафин, Ф. Г. Этносоциальная структура чувашского населения в Башкортостане (1979–2019 годы) / Ф. Г. Сафин, Э. А. Мухтасарова, А. И. Халиуллина // Вестник Чувашского университета. – 2021. – № 2. – С. 189–201.

194. Сафин, Ф. Г. Этносоциальное самочувствие русских в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) / Ф. Г. Сафин, С. С. Алексеенко // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 2016. – С. 352–360.

195. Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей: сб. статей / Отв. ред. М. С. Джунусов. – М.: Ин-т социол. исследований, 1977. – 167 с.
196. Семенов, Ю. И. Теоретические проблемы «экономической антропологии» / Ю. И. Семенов // Этнологические исследования за рубежом / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – С. 30–76.
197. Семенов, Ю. И. Этнос, нация, диаспора / Ю. И. Семенов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 64–74.
198. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ.; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов / П. А. Сорокин – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
199. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 1998. – 385 с.
200. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2021 год: монография. Вып. 5 (201) / В. Н. Бобков [и др.]; отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 114 с.
201. Социальная стратификация российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова). – М.: Летний сад, 2003. – 368 с.
202. Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Ю. В. Арутюнян [отв. ред.], Л. М. Дробижева, О. И. Шкаратан. – М.: Наука, 1973. – 331 с.
203. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.
204. Социальное пространство российских регионов: монография / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова. – М.: ИС РАН, 2017. – 193 с.
205. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

206. Социальное расслоение и социальная мобильность / Под ред. З. Т. Голенковой. – М.: Наука, 1999. – 192 с.

207. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва: монография / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. – М.-Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. – 128 с.

208. Социальные последствия реформ в Башкортостане: монография / Отв. ред. Гилязитдинов Д. М. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, УЮИ МВД РФ, 2000. – 223 с.

209. Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Ред.-сост. Р. В. Рывкина. – М.: Референдум, 2003. – 663 с.

210. Статистика в этнографии / Отв. ред. В. В. Пименов. – М.: Наука, 1985. – 189 с.

211. Субботина, И. А. Молдавия: этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества / И. А. Субботина / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 175. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 33 с.

212. Субботина, И. А. Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия / И. А. Субботина. – М.: ИЭА РАН, 1998. – 248 с.

213. Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей: сб. статей / Отв. ред. М. С. Джунусов. – М.: Ин-т социол. исследований, 1978. – 198 с.

214. Тер-Саркисянц, А. Е. Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени / А. Е. Тер-Саркисянц / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Вып. 211. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 64 с.

215. Тихонова, Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н. Е. Тихонова. – М.: Ин-т социологии РАН, 2007. – 319 с.

216. Тихонова, Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. – М.: Новый хронограф, 2014. – 408 с.

217. Тихонова, Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике / Н. Е. Тихонова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 318 с.

218. Тихонова, Н. Е. Феномен городской бедности в современной России / Н. Е. Тихонова. – М.: Летний сад, 2003. – 408 с.
219. Тишков, В. А. Антропология российских трансформаций / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 1. – С. 3–19.
220. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
221. Тощенко, Ж. Н. Социальное настроение / Ж. Н. Тощенко, С. В. Харченко. – М.: Academia, 1996. – 195 с.
222. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко. – М.: Наука, 2018. – 350 с.
223. Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21–34.
224. Киекбаев, М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования / М. Д. Киекбаев. – Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1998. – 212 с.
225. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – 481 с.
226. Файзуллин, Ф. С. Социальные различия в качестве жизни населения крупного города / Ф. С. Файзуллин, Р. Р. Яппарова. – Уфа: Гилем, 2010. – 156 с.
227. Социокультурный портрет Республики Башкортостан / Под общ. ред. Р. М. Валиахметова. – Уфа: Гилем, 2013. – 228 с.
228. Габдрафиков, И. М. Социальная адаптация трудовых мигрантов в мусульманских регионах России: роль и место этноконфессионального фактора в Поволжье / И. М. Габдрафиков, И. С. Карабулатова, Л. Г. Хуснутдинова // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки / Под ред. Г. В. Осипова, И. С. Карабулатовой, С. Д. Галиуллиной, И. С. Коберси. – М.; Уфа; Ростов н/Д.: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. – 116–127.

229. Габдрафиков, И. М. Этнические общины и мигранты в Башкирии: особенности интеграции / И. М. Габдрафиков, Л. Г. Хуснутдинова // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции: монография / Под ред. В. В. Степанова, В. А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – С. 283–293.
230. Файзуллин, Ф. С. Социальная стратификация современного российского общества: ее критерии и тенденции / Ф. С. Файзуллин, А. В. Марковчина. – Уфа: РИО РУМНЦ МО РБ, 2007. – 132 с.
231. Киекбаев, М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность: опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования / М. Д. Киекбаев. – Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1998. – 212 с.
232. Габдрахманова, Г. Ф. Таджики и узбеки в Республике Татарстан: биографии диаспор и повседневные практики / Г. Ф. Габдрахманова, Э. А. Сагдиева. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 100 с.
233. Габдрахманова, Г. Ф. Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан / Г. Ф. Габдрахманова, Э. А. Сагдиева // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 62–81.
234. Сагдиева, Э. А. Особенности адаптационных процессов в этнической мигрантской среде (на примере Республики Татарстан) / Э. А. Сагдиева // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 153–157.
235. Черниенко, Д. А. Международная миграция в Удмуртской Республике: современные тенденции и общественное мнение / Д. А. Черниенко // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 3. – С. 200–204.
236. Макарова, Г. И. Семейные ценности и практики в дискурсе татар и русских Татарстана / Г. И. Макарова // Регионоведение. – 2021. – Т. 29. – № 1 (114). – С. 172–190.
237. Макарова, Г. И. Акторы развития нестоличных промышленных городов Татарстана в видении и оценках их жителей / Г. И. Макарова // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 144–167.

238. Сагитова, Л. В. Социальная интеграция мусульман и потенциал светской образовательной системы: опыт Татарстана / Л. В. Сагитова // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2016. – Т. 12. – № 1. – С. 197–210.

239. Сагитова, Л. В. Динамика этнического фактора в политике идентичности современного Татарстана / Л. В. Сагитова // Вестник Российской нации. – 2018. – № 4 (62). – С. 59–70.

240. Халиулина, А. И. Социальная адаптация молодежи в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологического опроса в Башкортостане) / А. И. Халиулина // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 442–443.

241. Харитонова, В. Г. Крестьянство Чувашии: хозяйство, социальное развитие и повседневный быт (1946–1990 гг.) / В. Г. Харитонова. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуман. наук, 2017. – 284 с.

242. Черниенко, Д. А. Социальные и этнополитические установки студенческой молодежи Удмуртии / Д. А. Черниенко // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т. 15. – № 4. – С. 707–714.

243. Черныш, М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе / М. Ф. Черныш. – М.: Гардарики, 2005. – 254 с.

244. Черныш, М. Ф. Стандарты жизни и социальная структура русских / М. Ф. Черныш // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. – М.: Наука, 2011. – С. 22–39.

245. Чешко, С. Н. Вспомнить об этносе? / С. Н. Чешко // Вестник антропологии. – 2014. – № 2 (28). – С. 20–25.

246. Чешко, С. Н. Распад Советского Союза: этнополитический анализ / С. Н. Чешко. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 395 с.

247. Шкаратан О. И. Социология неравенства: теория и реальность. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – 526 с.;

248. Шкаратан, О. И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. Социология. Этнология. – 2008. – Т. 17. – № 4. – С. 60–89.

249. Шкаратан, О. И. Российский порядок: Вектор перемен / О. И. Шкаратан – М.: Вита-пресс, 2004. – 208 с.

250. Шкаратан, О. И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ // О. И. Шкаратан, В. И. Ильин. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2006. – 468 с.

251. Остапенко, Л. В. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации / Л. В. Остапенко, И. А. Субботина // Русские: этносоциологические исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Л. В. Остапенко и др.; отв. ред. и сост. Ю. В. Арутюнян. М.: Наука, 2011. С. 120–157.

252. Шкаратан, О. И. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г.: Препринт WP7/2007/02 / О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 92 с.

253. Шкаратан, О. И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России / О. И. Шкаратан // Мир России. Социология. Этнология. – 2018. – Т. 27. – № 2. – С. 6–35.

254. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования / Отв. ред. Ю. В. Арутюнян, И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1984. – 255 с.

255. Ядов, В. Я. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) / В. Я. Ядов // Общество и экономика. – 1999. – № 10-11. – С. 65–72.

256. Ядов, В. Я. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций / В. Я. Ядов // Россия реформирующаяся. – 2007. – № 6. – С. 12–23.

257. Assimakopoulou, Z. Post-industrial class structure: Classifications of occupations and industries (United States, Germany, Sweden and Canada) / Z. Assimakopoulou, G. Esping-Andersen, K. VanKersbergen. – Florence: European University Institute, 1992. – 58 p.

258. Esman, M. Diasporas in the Contemporary World / M. Esman. – Cambridge; Malden: Polity Press, 2009. – 224 p.

259. Esman, M. Ethnic Politics / M. Esman. – New York: Cornell University Press, 1994. – 277 p.

260. Goldthorpe, J. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts / J. Goldthorpe // Goldthorpe J. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 206–229.

261. Horowitz, D. L. Ethnic power sharing: Three big problems// Journal of democracy. 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20.

262. Horowitz, D. L. Ethnic Groups in Conflict / D. L. Horowitz. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. – 697 p.

263. Rothschild, J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework / J. Rothschild. – New York: Columbia University Press, 1981. – 290 p.

264. Wright, E. O. A General Framework for the Analysis of Class Structure / E. O. Wright // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D. B. Grusky (ed.). – Boulder: Routledge, 2001. – P. 98–109.

265. Wright, E. O. Class, Crisis and the State // E. O. Wright. – London: Verso, 1993. – 266 p.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций

266. Алексеенко, С. С. Русские Башкортостана на рубеже XX-XXI вв.: этносоциологическое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Алексеенко Светлана Сергеевна. – Ижевск, 2017. – 241 с.

267. Асланов, Ш. С. Трансформация этносоциальной структуры Северного Кавказа: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Асланов Шахмурад Султанович. – Краснодар, 2009. – 171 с.

268. Баталова, Н. Л. Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Баталова Наталья Леонидовна. – Тюмень, 2009. – 26 с.

269. Микляева, Е. В. Социокультурные особенности трансформационных процессов в монопрофильном городе (на материалах социологических исследований Архангельской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Микляева Евгения Викторовна. – Архангельск, 2008. – 24 с.

270. Белозеров, В. С. География и динамика этнической структуры населения Северного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 11.00.02 / Белозеров Виталий Семенович. – М., 2000. – 45 с.

271. Белокопыт, А. Н. Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации (на примере Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Белокопыт Александр Николаевич. – М., 2004. – 18 с.

272. Бойко, И. И. Рабочие Волго-Вятского региона: Опыт и уроки социально-экономического развития, конец 1950-х – первая половина 1980-х годов: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Бойко Иван Иванович. – Чебоксары, 1998. – 413 с.

273. Габдрахманова, Г. Ф. Адаптация этнических групп к социально-экономическим преобразованиям как фактор интеграции российского общества (на материалах Республики Татарстан): дис. ... д-ра социол. наук.: 22.00.04 / Габдрахманова Гульнара Фаатовна. – М., 2011. – 481 с.

274. Губогло, М. Н. Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Губогло Михаил Николаевич. – М., 1984. – 450 с.

275. Зайнетдинова, Л. Ф. Этносоциальная стратификация российского общества в условиях реформ: региональный аспект (на примере Республики

Башкортостан): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Зайнетдинова Лилия Фирузовна. – Пермь, 2003. – 15 с.

276. Зеленева, Г. С. Межнациональные и межконфессиональные отношения в республике Марий Эл на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Зеленева Гульнара Султановна. – Казань, 2011. – 23 с.

277. Ишемгулов, М. Н. Социальные основы мобилизации башкирской этничности в Башкортостане (1979–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Ишемгулов Мурат Нилевич. – Казань, 2022. – 227 с.

278. Корякин, К. В. Социальные и культурные аспекты адаптации мигрантов-армян в Краснодарском крае: 1988–2006 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Корякин Кирилл Валерьевич. – М., 2007. – 197 с.

279. Галлямов, Р. Р. Многонациональный город как объект социологического исследования и социального регулирования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Галлямов Рушан Рахимзянович. – М., 1997. – 32 с.

280. Савоскул, С. С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.07 / Савоскул Сергей Сергеевич. – М., 2001. – 438 с.

281. Кряжев, Е. А. Изменение социальной структуры рабочих промышленности в процессе перехода российского общества к рынку (материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Кряжев Евгений Александрович. – Улан-Удэ, 2002. – 21 с.

282. Лепешкин, Н. Я., Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Лепешкин Николай Яковлевич. – Хабаровск, 2004. – 22 с.

283. Михайлова, С. Ю. Труд рабочей молодежи Мордовской, Марийской и Чувашской республик: исторические уроки, социальный опыт середины 1950-х гг. – середины 1980-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Михайлова Светлана Юрьевна. – Чебоксары, 2007. – 406 с.

284. Орлова, О. В. Социальное развитие молодых рабочих Марийской АССР в 60-е годы (по материалам социологических исследований 80-х годов):

автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Орлова Ольга Викторовна. – М., 1994. – 21 с.

285. Петрова, Е. В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: особенности развития в условиях трансформации современного российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Петрова Елена Викторовна. – Улан-Удэ. 2009. – 42 с.

286. Подойницына, И. И. Анализ региональной социальной стратификации (на примере Республики Саха (Якутия)): автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Подойницына Ирина Ивановна. – СПб., 2000. – 43 с.

287. Попов, Д. И. Социальная структура сельского населения в современных условиях: на примере Республики Башкортостан: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Попов Дмитрий Иванович. – Пермь, 1999. – 21 с.

288. Сабирова, Е. Н. Евреи Башкортостана: эволюция этнодисперсной группы в многонациональном российском регионе (конец XIX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Сабирова Екатерина Николаевна. – Уфа, 2020. – 189 с.

289. Цоберг, О. А. Социальная дифференциация сельского населения в условиях переходного периода: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Цоберг Ольга Алексеевна. – Саратов, 1995. – 19 с.;

290. Яценко, И. Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Яценко Игорь Николаевич. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.

291. Соколова, В. И. Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Соколова Валентина Ивановна. – М., 2010. – 533 с.;

292. Кашкина, Л. В. Социальное самочувствие населения в моногороде арктической зоны Российской Федерации в условиях модернизации современного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Кашкина Лариса Владимировна. – Архангельск, 2017. – 29 с.

293. Хамдохов, Д. З. Социальное самочувствие в современном поликультурном российском обществе (на примере Кабардино-Балкарской республики): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Хамдохов Джамал Залимович. – Майкоп, 2007. – 24 с.

294. Цоберг, О. А. Социальная дифференциация сельского населения в условиях переходного периода: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Цоберг Ольга Алексеевна. – Саратов, 1995. – 19 с.

2.3. Электронные ресурсы

295. На заседании президиума Госсовета Хабиров ратовал за усиление сельской медицины. [Электронный ресурс]. URL: <https://ufa.mk.ru/social/2019/11/01/na-zasedanii-prezidiuma-gossoveta-khabirov-ratoval-za-usilenie-selskoy-mediciny.html?ysclid=lex29dn780237950682> (дата обращения: 01.11.2019).

296. Камалетдинов, Д. А. Социальные основы формирования идентичностей / Д. А. Камалетдинов // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной памяти Л. М. Дробижевой (Казань, 28 – 29 апреля 2022 г.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. – С. 79–84. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tataroved.ru/publicat/books/pozitiv_opit2022.pdf

297. Социально-экономическое положение России. 2018. Вып. 12 / Росстат. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf (дата обращения: 25.10.2022).